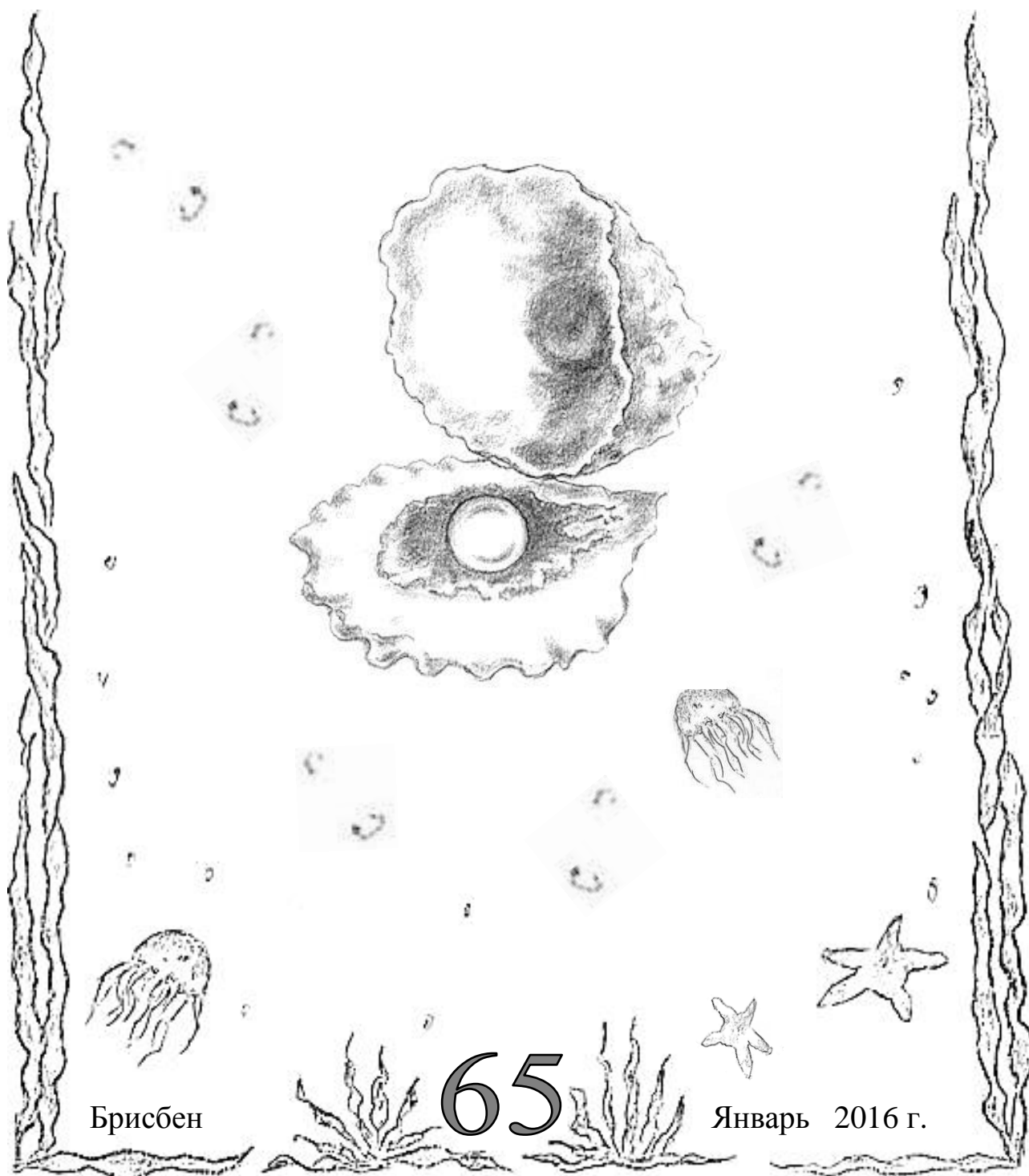

ЖЕМЧУЖИНА

Литературно-художественный образовательный журнал

«The Pearl» / «Zhemchuzhina» № 65 Brisbane, Australia, January 2016

Брисбен

65

Январь 2016 г.

“The Pearl” / “Zemchuzhina”

Literary and Educational Journal in the Russian Language.
Published and printed by the Editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”
Brisbane, Australia.

«Жемчужина»

Литературно-художественный образовательный журнал.
Выпуск - 4 раза в год.

Copyright © Tamara Maleevsky - The Editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”

This publication is copyright. Apart from any fair dealing for the purposes of private study, research, criticism or review, as permitted under the Copyright Act, no part may be reproduced by any process without written permission of the Editor.

National Library of Australia cataloguing-in-publication data
“The Pearl” / “Zemchuzhina” - Literary and Educational Journal in the Russian Language

Index

ISSN 1443-0266

Signed articles express the opinions of the authors and do not necessarily represent the opinions of the editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”.

“Zemchuzhina” (“The Pearl”) is a magazine published at the Editor’s own expense as a non-profit publication for the Russian society, consequently, it does not offer any honorariums, stipends or other remuneration to its contributors.

Взгляды, высказываемые авторами в своих статьях, не обязательно совпадают с мнением редакции.

Журнал «Жемчужина» выпускается исключительно на личные средства издателя для русского общества и не преследует коммерческих целей. Следовательно, издатель не выплачивает никаких гонораров, стипендий или иных вознаграждений авторам, труды которых он печатает.

Редакция оставляет за собой право сокращать рукописи и изменять их стилистически.

Рукописи, не принятые к печати, не обсуждаются и не возвращаются.

Адрес для связи:

tamaleevpearl@optusnet.com.au или tamaleevpearl@gmail.com

***Просьба:** посылая работу по E-mail, обязательно делать пометку - “For Pearl”.

Tel: редакция - (07) 3161-49-27 mobile: 0404559294

Сайт журнала в Интернете - <http://zemchuzhina.yolasite.com>

Цена отдельного номера - \$ 6 плюс \$ 2.10 пересылка по Австралии и упаковка.

Стоимость годовой подписки (4 журнала), включая пересылку по Австралии - \$ 35.00

С Рождеством Христовым и Новым Годом!

Сердечно поздравляем читателей, подписчиков и друзей журнала «Жемчужина» с Рождеством Христовым и Новым 2016 годом! Здоровья, счастья и успеха во всех добрых начинаниях!

Звёздочка явилась в небе ясная –
Дева подарила нам Христа.
И склонилась Мариам над яслями,
Чтоб склониться позже у Креста.

Ангел возвестил во сне Иосифу:
Хочет Ирод погубить Дитя.
Робко ночь умыла Деву росами
И в Египет с Сыном повела.

Воины царя гнались со рвением,
Чтоб найти и умертвить Христа,
Но молились Сыну о спасении
Кроткие Пречистые уста.

Божий Суд над Иродом свершился,
И вернулась в Назарет Семья.
В Иордане Иисус крестился –
Удивились Небо и земля.

И ходил Господь с Благою вестью,
Царство Божье людям возвещал,
Но Иуду падший ангел лестью
Подкупил, и он Христа предал.

Воины вбивали в Тело гвозди,
А Распятый их благословлял.
Матерь Божья утирала слезы,
Сын же, умирая, утешал

Но на третий день воскрес Распятый –
Древом жизни Крест Господень стал.
Мир, любовью Божьею объятый,
Подвиг Иисуса прославлял.

г. Херсон, 20.01.2009 г.

прот. Василий Мазур.

ПАТРИАРХ КИРИЛЛ:

ПОБЕДИТЬ НАРОД МОЖНО ТОЛЬКО В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ НАРОД ВПАДЕТ В БЛУД, ЗАБЛУДИТСЯ.

5 ноября 2015 года, в праздник Казанской иконы Божией Матери, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил Божественную литургию в Патриаршем Успенском соборе Московского Кремля. По окончании богослужения Предстоятель Русской Церкви обратился к верующим с проповедью. В частности, Святейший Патриарх сказал:

«Многим из нас известно, как опасно заблудиться в лесу, когда в какой-то момент ты перестаешь понимать, куда нужно выйти, и тебя охватывает страх. А что же происходит, когда человек заблуждается в своей жизни? Святые отцы очень хорошо прозревали этот феномен блуда и заблуждения - он действительно связан с помрачением нравственного чувства. Церковь сегодня на передовой линии фронта в борьбе за народную нравственность. И как же достается за это Церкви!

Вот и сегодня мы говорим об опасностях, которые стоят перед всем Русским миром. Мы видим, что происходит на братской Украине. Многие из нас тревожатся и по поводу того, что может произойти с нашей страной. Мы молимся, чтобы Господь оградил ее от врагов внешних и внутренних. А в каком случае эти враги могут победить народ? Именно в том случае, если народ впадет в блуд, заблудится, потеряет систему координат. И поелику непременным условием освобождения человека от блуда является нравственная сила, то мы и говорим о необходимости нравственного воспитания нашего народа.

Церковь сегодня на передовой линии фронта в борьбе за народную нравственность. И как же достается за это Церкви! Как много обвинений в ригоризме, в отсталости, в заблуждениях, в том, что Церковь тащит нас в средневековье! Однако ни в какое прошлое Церковь никого не тащит, но предлагает людям осознать великую Божественную истину: человек не сбивается с жизненного пути, если основывает свою жизнь на Божиих заповедях, на нравственном законе. И никакими ссылками на искусство, на свободу творчества, на свободу слова, свободу самовыражения нельзя разрушать нравственность народа.

Делать это сознательно могут только те, кто желает разрушения страны, потому что целостность нравственного чувства нации и безопасность Отечества - почти синонимы. Когда наступал на нашу землю враг, что он делал в первую очередь? Он стремился разрушить нравственную жизнь народа, чтобы люди наши утратили нравственные ориентиры, и, наверное, мы бы никогда не победили в войне, если бы эти ориентиры потеряли.

Вот и сегодня, в День народного единства, я молюсь, прежде всего, о том, чтобы Господь хранил нравственное чувство нашего народа»

5 ноября 2015 года

БОЛЕЗНЬ РОДНОГО ЯЗЫКА

Язык в жаргон наш превратился,
В неблагозвучный смрадный звон;
Переродился, засорился
И замарался скверной он.
«Аз, буки, веди» – вот начало,
Славянских буквиз перезвон.
«Глаголь, добро» – слова звучали,
В них смысл был велий заключен.
«Есть, живете, зело и иже»,
И «како, люди мыслите»...
Язык славян был к Небу ближе
И обращал взор к доброте.
Но помрачился строй небесный
Ворвались скверны словеса,
Проникли в наш язык чудесный
Чужих наречий голоса.

Мат утвердился в спутник речи,
Вонзил кинжал свой в наш язык,
Живую нить времен калеча,
И к скверне слух людей привык.
Ушли понятия благие
О красоте, добре и зле,
И хлещут слух слова чужие
На славных пращуров земле.
И нация пришла в упадок,
И не воспрянула пока.
Виной словесный беспорядок,
Болезнь родного языка.
Дождутся ль славы и свободы,
И чистоты чудесных слов
России верные народы,
Хранители её основ!?

15.07.2015

В.К. Невярович. Россия.

Русский язык как фактор национальной безопасности

Проблема чистоты русского языка - это не только проблема культуры, эстетики. Это ещё проблема национальной безопасности государства Российского. И таковой она стала не сегодня.

Ещё два века тому назад замечательный сын русского народа Александр Семенович Шишков предупреждал, что увлечение русских французским языком, отвержение ими своего природного богатейшего удивительного божественного языка не приведёт ни к чему хорошему. Он оказался прав. И результатом этого стало декабристское восстание, по сути, мятеж, когда лучшие люди вышли на площадь, чтобы восстать против своего природного государя. А спустя столетие произошёл октябрьский мятеж, который некоторые называют «октябрьской революцией».

Так вот, сегодня мы тоже находимся в ситуации, когда русский язык становится фактором национальной безопасности. Несколько лет назад проходил один из Всемирных русских Соборов, посвящённый проблеме демографии. На трибуну вышел один заслуженный священник. И с трибуны - а там присутствовали члены правительства, которые были подвергнуты очень жёсткой критике, - он заявил: «Братья и сестры, вы критиковали правильно. Только эти (он имел в виду чиновников, управляющих страной. - В. И.) пока хоть по-русски говорят. А вот те, кто придут на смену им, они по-русски говорить не смогут».

Русские с нерусской душой

Эти слова меня смутили. Я недоумевал, в чём же здесь суть. Неужто, подумалось мне, будем мы настолько оглулены и бессловесны, что станем терпеть над собой власть иностранцев?! И только позже - и с совершенно неожиданной стороны - пришло, как мне кажется, понимание того, о чём предупреждал тогда мудрый пастырь.

Дело в том, что мне приходится много ездить по стране. В больших городах, в Москве после каждого выступления ко мне подходят пожилые люди с просьбой помочь их детям. Это родители или бабушки и дедушки тех, кто отправлен в Великобританию для обучения с младых ногтей английскому языку. Эта страна нынче модна. Раньше был Париж, теперь Лондон. То есть, если у нас с вами первое слово - русское, первая колыбельная - русская, у них всё это первое - английское. А для чего? А для того, чтобы потом обучение им далось легко. Но по сути у этих детей уже психология англичан. Достаточно сказать, что сегодня только в одном городе Лондоне официально зарегистрированы триста тысяч русских, которые меж собой называют этот город Лондонградом. Причём такое образование, превращающее русских в нерусских, стоит очень дорого. Богатые же люди зря денег не тратят. И деньги, которые они расходуют на своих чад, - это для них немалые инвестиции, которые должны вернуться солидными дивидендами. И они уже возвращаются. Вы спросите - как? Весь мир зарабатывает деньги в России. А ни для кого не секрет, что чиновничье кресло является лучшим местом. И эти кресла занимают вчерашние выпускники Оксфордов и Кембриджей, эти самые внешне русские люди, сердце, душа которых таковыми не являются. Они тихо и незаметно, но целенаправленно занимают ключевые должности менеджеров (иначе говоря управленцев) во всех областях экономики и культуры. Мне приходилось несколько раз с ними общаться. Складывается странное впечатление. На тебя смотрит голубоглазый человек, у которого и фамилия может быть Иванов, Петров. Смотрит - и не видит. Хочется спросить: а сердце у них - каково? Русское ли оно? Давайте же вслед А.С. Шишкову и мы спросим: а на каком языке они молятся Богу, да и молятся ли вообще?!

Кстати, о фамилиях. Мне одна бабушка жаловалась, что внук не только не хочет говорить по-русски, читать русские книги, он вообще не желает называться русским! Он даже окончание своей фамилии, привычное русское «ов», пишет «офф», как Смирнофф, Давыдофф. При общении с ними испытываешь холодок, как от алюминиевого крыла самолёта. И это беда. Потому что Россия для них, увы, не родина.

Вспомним, эта беда уже была в России около двух столетий назад. Тогда французскими губернёрами было возвращено несколько поколений барчуков и барышень, не умевших и даже стесняющихся говорить на родном языке. И когда первые слова - не русские, первая сказка и песенка, первые игры - не русские. Даже А.С. Пушкина не минула в младенчестве сия участь. Если же вспомнить мудрые слова великого В.И. Даля о том, что на каком языке ты говоришь, той нации ты и есть, то сквозь кровавые контуры убийственной русской смуты, начавшейся с Сенатской площади и продолженной октябрьским переворотом и цареубийством, семью десятилетиями откровенного богоборчества властей, проступают контуры невидимого дирижёра, во все времена - как и ныне - не оставляющего попыток перекроить русский кафтан на западный фасон.

Перекраивание нашей жизни на западный лад приводит также к тому, что многие слова теряют подлинный смысл. Например, что значит ключевое слово «жизнь»? В каком контексте употребляют его в рекламе? «Бери от жизни всё». То есть - успевай пожить в своё удовольствие. Высокое понятие превращают в надпись на бутылке пива.

«Куда же летит мир?» - думаю я каждый раз, приближаясь к зданию радиостанции «Радо-неж», куда иду выступать и где вижу теперь памятник Адаму и Еве. Каждый раз иду мимо и думаю: «Господи помилуй, ведь мы в сердце древней Москвы! Это же святое место - Замоскворечье». Здесь были кладбище, погост, храмы. Каждая пядь этой земли свята в буквальном смысле слова. И здесь поставили памятник - чему? Человеческому грехопадению. А когда же в Москве будет поставлен памятник человеческой святости? Вот так бы в центре Москвы святому поставили памятник!

У нас раньше была Дорогомилловская застава у метро «Киевская». Сейчас там открыли Европейский центр, называется «Площадь Европы». Раньше там нормальные люди ходили с колясками. Сейчас там пройти невозможно. Огромное скопление подростков, молодёжи. Курят, неприлично себя ведут.

Изучающие русский лучше мыслят

Стоит задуматься над сообщением агентства медицинской информации, опубликованном в Интернете под заголовком «Носители русского языка учатся читать быстрее и лучше развивают грамотность». О чём идёт речь? Доктор наук Мила Шварц, преподаватель Хайфского университета Израиля, описывает свои исследования. Вот что они показали. У детей, родной язык которых русский, более высокий уровень навыков чтения, лучше развита познавательная функция.

29 первоклассников поделили на три группы: русскоязычные дети из еврейских семей, дети, родной язык которых иврит, и дети из смешанных семей, которые не обучались русскому языку вообще. Оказалось, что школьники, которые приобретали навыки чтения на русском языке перед изучением иврита, показали преимущество перед другими группами в способности различать звуки, быстрее читать и точнее переводить слова.

Кроме того, специалисты оценили знание английского языка у 107 учеников, разделённых на те же самые группы. Как и в первом исследовании, у русскоязычных детей было отмечено значительное преимущество в изучении иностранного языка. Исследователи полагают, что из-за лингвистической сложности русского языка его изначальное знание даёт преимущество при обучении другим языкам. Знаменательно, что люди из другой страны признают ту удивительную способность, которую дарует людям наш язык.

Я несколько лет работал с иностранными студентами. Скажем, семья живет в Индии или Бангладеш или в Непале. И, оказывается, есть такая традиция: если в семье несколько сыновей - их не посылают учиться в одну страну. Если один едет в Англию, то другой - в Советский Союз, учиться на русском. И если человек едет в Англию - ему не надо учить новый язык, поскольку второй государственный язык в этих странах, где живут студенты, английский. Так, ребята, изучающие русский, признавались мне, что по возвращении после окончания учёбы домой они ощущали преимущество в знаниях, в умении мыслить, выходить из критических ситуаций, словом, у них была выше креативность. А ведь русский язык очень трудный. Исследования, которые я хочу включить в свою вторую книгу, показали, что изучение нашими детками церковнославянского языка даёт поразительный толчок, стимул к развитию их мыслительных способностей. Это достойно особого внимания.

Сейчас очень заметно падение среднего уровня грамотности. Иной раз это так непривычно. Взять Москву 30-летней, 40-летней давности. Невозможно было представить ошибки в объяв-

лениях в магазине, в метро, в автобусе. Сейчас это сплошь и рядом. Детки прочтут и подумают, что так и надо говорить.

Как было раньше? Если говорить о себе, то я окончил русскую школу в Баку. Избрал себе специальность. Но в единственном вузе, где обучали этой специальности, занятия велись на азербайджанском языке. Для меня это было трагично. Конкурс был 27 человек на одно место. Я и мой друг, одноклассник, всё лето готовились - и поступили. У нас был преподаватель, который заботился о культурном уровне своих студентов. Он задавал вопросы, касающиеся мировой культуры, литературы, искусства. И получалось, что два человека, которые тут же вскидывали руку, были я и мой друг. На третьем занятии он вошёл в аудиторию и перед тем, как задать очередные вопросы, сказал: «Вот эти двое, которые закончили русскую школу чтобы рук не поднимали». А вокруг были такие же бакинцы, как мы, но окончившие азербайджанские школы. Не сочтите за хвастовство, но мы были на целую голову выше их - и в этом была заслуга не наша, а русского языка.

В подтверждение хочу привести одну цитату. Москвичи помнят, что не так давно в Москве открывали памятник казахскому просветителю Абаю Кунанбаеву. Приезжал президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Он процитировал удивительные слова этого классика казахской литературы: «Нужно учиться русской грамоте. Духовное богатство, знание и искусство и другие несметные тайны хранит в себе русский язык. Русский язык откроет нам глаза на мир. Русская наука и культура - это ключ к мировым сокровищам. Владящему этим ключом всё другое достанется без особых усилий».

Уверенно могу сказать: иностранцы, начиная учить русский язык, меняются. В какой-то мере они становятся русскими, у них нередко появляются русские жёны. Они возвращаются, скажем, к себе в Нигерию и говорят, что они там «русские», им там борща не хватает. Вы посмотрите на евреев, которые уехали в Израиль. Они жалуются, что, пока жили в Советском Союзе, к ним относились как к евреям; когда эмигрировали, то стали для «своих» русскими. Вообще, это отдельная большая тема. Но очень интересно быть русским. Вы посмотрите на генеалогию Толстого, Пушкина, Лермонтова. Шотландцы называют последнего Лермонт (Лермонты - шотландские предки М.Ю. Лермонтова), а в Аддис-Абебе стоит памятник Пушкину как «великому африканскому поэту»... А сейчас в других республиках просто запрещают русский язык. Потому что он действительно оружие, сильное, действенное оружие.

Не бывает «русского мата»

Теперь о сквернословии и матерной брани, которые почему-то считаются, как полагают некоторые, неотъемлемой частью нашего разговорного языка. Часто люди путают сквернословие и мат. Хотя и то и другое мерзость, но всё-таки не одно и то же. Мерзкие, скверные, хульные ругательные слова, которые существуют в русском языке, - не русские, они тюркского происхождения. Есть несколько неприличных слов в русском языке, их аналоги существуют в азербайджанском языке. Но самое-то поразительное, что в азербайджанском, других тюркских языках эти слова нормальные! Одно из этих слов обозначает слово «жениться». В русском языке оно похабное. А всё дело в контексте. Контекст изменился. Дело в том, что всегда агрессия шла на Русь с юго-востока. Русь - уязвимое подбрюшье. И эти обычные слова, которые говорил русскому человеку противник, - в его сознании это отпечатывалось как ругань. А низость человеческой природы заключается, увы и ах, в том, что потом почему-то русский человек начинал адресовать эти слова своему брату, свату, ближнему, оскорбляя его. Что таит в себе слово «оскорблять»? Оскорблять - это наводить скорбь. Можно подумать, что жизнь нас обходит скорбью, что мы ещё должны друг друга оскорблять!

Ещё на одну особенность нынешнего сквернословия хотел бы обратить внимание. А именно на обилие в русском языке оскорбительных слов, являющихся названиями болезней или болезненных состояний человека: шизик, чокнутый, псих... и ещё так прискорбно участвовавшее в последнее время - даун (как известно, люди, родившиеся с одной лишней хромосомой). Получается, что мы глумимся над теми, кого, перефразируя М.Ю. Лермонтова, можно было бы назвать «игрою счастья обиженными». А между тем люди, находящиеся с ними в тесном общении, свидетельствуют: неизменно складывается впечатление о том, что это у большинства из нас одной хромосомы как раз и недостаёт. Настолько они открыты добру, настолько чисты и наивны, мирны и абсолютно неспособны на зло. Известен даже случай, когда во время забега на стадионе один из них упал. Так все остальные прервали свой бег и подбежали к нему, чтобы помочь подняться и посочувствовать. Трибуны рукоплескали им стоя.

Совсем другая история - мат. Упаси Господи осквернять нашу речь! Дело в том, что, покрив территориально Русь, но понимая, что русский человек не сломлен, захватчики заинтересовались: а почему? В чём сила русского человека? И тогда русский человек исповедовал свою веру. Он молился Богородице, Христу. А для язычника осознание нашего Бога недоступно. Бога, Который Сына Своего дал распять ради нас, людей. Язычник думает так: ты мне руку отрубил - я тебе две, ты мне глаз выколол - я тебе два. Это даже не принципы Ветхого Завета, где «око за око». Это гораздо хуже. И вдруг русский человек говорит таким варварам о Христе, о Богородице. Каждый раз, когда я рассказываю об этом, у меня сердце сжимается. Чтобы понять, какая мерзость, какой ад есть матерная ругань, надо осознать, на что она направлена. Ведь это имеет отношение к самой, быть может, великой тайне нашей веры, к тайне мироздания, тайне Боговоплощения.

Святитель Василий Великий писал в своём письме к монахиням: «Как часто мы, люди, говорим - Рождество Христово! Нет, нет, это не рождество в нашем понятии, это воплощение, это великая тайна». В молитве мы говорим Богородице: «Яко всех Творца недоуменно...» Раньше я думал, что, когда недоумеваешь, это чего-то не понимаешь. Оказывается, правильный смысл русского слова «недоумевать» - это то, до чего не доходит ум, что гораздо выше нашего ума. Это тайна, указание на то, что она недоступна человеческому уму. Язычнику, например, недоступно: Мать Бога - Приснодева. Он говорит: что ты меня за дурака держишь, что я, не знаю, как девушка становится женщиной, как рождаются дети? Но язычник догадывается, в чём основа духовной крепости русского человека, - в его непонятном Боге и ещё более непонятной Приснодеве - Его Матери. Он измывается, глумится над Приснодевством нашей Богородицы, бьёт по самому дорогому. Вот что такое мат - это покушение на Небесную чистоту Матери Божией.

Закономерно поэтому, что ругань эта именуется ещё и инфернальной лексикой, ведь «инферно» по-латыни означает ад. А потому рассудите - может ли русский (или считающий себя таковым) человек хулить Пречистую?! Вот вам и «русский мат»! Обман и ещё раз обман, низкая и подлая спекуляция. И допустимо ли такое в стране, коренное население которой убеждено, что Родина благоденствует до той поры, пока находится под неусыпным присмотром Богородицы, и где так ждут по осени праздника Покрова Пресвятой Богородицы?

Незнание духовных законов не освобождает от ответственности, как и в уголовной сфере. Но пусть теперь-то знают: мат - это хула на Богородицу. И поэтому я не принимаю этих спекулятивных выражений: русский фашизм, русский мат. Ещё раз говорю: русского мата, во-первых, нет. Просто нет. Это измышление, причём подлое и низкое. Во-вторых: русский мат просто русским не может быть по определению.

«Окайте на здоровье!»

Мы сегодня очень плохо говорим. Я любил бывать на севере, и вот почему. Там всегда интересно разговаривали. Там такой удивительный диалект: «быват», «хватат». Я заходил в Архангельске в магазин и задавал какие-то вопросы девушкам-продавщицам, которые приехали из провинции, из глухих деревень. А задавал с одной только целью - чтобы послушать музыку северной речи. А вот недавно был на севере, хотел послушаться - и не получилось! Там молодёжь сегодня разговаривает, как диджеи московских радиостанций. А диджеи московских радиостанций разговаривают, как американцы. Никогда русская речь прежде такой не была! Назвать это можно одним словом - холуйство. Причём, быть может, самая отвратительная его форма, потому что касается оно величайшей после веры нашей святыни - нашего великорусского языка. Сегодня вы можете поехать на Дальний Восток, в Восточную Сибирь, на север, на юг. И везде, к сожалению, уходят диалекты. Прошлым летом, когда я подписывал книгу женщине в Троице-Сергиевой Лавре, она начала извиняться: «Василий, простите меня Христа ради!» Я спрашиваю: «А за что я вас должен простить?» - «Да, вот, я окаю». Я ей говорю: «Так окайте на здоровье!» Это такая музыка, ведь красота языка, его диалекта. Окающих тоже становится всё меньше...

Мне часто задают вопросы о первой книге - «Тайна русского слова». Я не собирался её писать. Книга была послушанием. На мой взгляд, вообще ни один нормальный человек не может сказать: давай-ка я сяду, напишу книгу. Книга - это всегда дело мучительное. Для меня это было объяснение в любви к России, которой я очень многим обязан. Потому что русский язык мне объяснил, почему я называюсь человеком.

Я начинаю все свои лекции с рассказа из времён моего бакинского детства. В этом городе из-за жары у всех открыты балконы, двери, что делает дом как бы одной большой семьёй. Как-

то соседи купили собачку и ходили с ней, всем показывая. Мне странно было: почему они её демонстрируют? Оказывается, у этой собачки очень интересная родословная, до 25-го колена. И её имя образовано не стихийно, а именно так, как положено у породистого животного. Имя складывается из двух половинок, и каждая несёт часть имени отца, а другая - матери. Я тогда школьником был. Но подумал: «Господи, сколько историй связано с этой маленькой шавкой! Имя её не сегодня и не случайно появилось, а сложилось из всей собачьей родословной!» И это лишь маленькая собачка! Неужели же человек может пренебрегать своими корнями?!

Вообще, тайна человеческого имени - тоже отдельная тема в моей книге. Вот мы - венец творения Божия, мы называем себя «человек». И я начал ко всем приставать: а что такое человек? И только благодаря Александру Семеновичу Шишкову, а позже уже игумену Пафнутию, протоиерею Георгию Дьяченко с его замечательным «Полным церковнославянским словарем», я, наконец, понял. Ведь лет 500-600-700 назад в наших землях не говорили «человек», а говорили «словек». А почему? А потому, что мы же единственные во всей Вселенной словесные существа! Единственные. Кроме нас, больше никто не мыслит, не говорит словами. Мне пришлось видеть документальный фильм о мальчике, уже юноше, который вырос среди волков в Индии. Он уже никогда не станет человеком. У него нет речи. И уже не будет. Ребёнка в пять лет нельзя начать учить языку. Он начинает впитывать язык сразу после рождения, а некоторые медики говорят, что ещё в утробе матери, слыша её голос. А этот мальчик как был волчонком - так им и останется. И на это печально было смотреть... Так что речь - это великий дар. И именно поэтому мы словесны. Мы словесны.

И мне стало понятно, почему в Евангелии от Иоанна Христос наш Бог называется Словом. А потому, что к словесному можно прийти только Словом. И тогда мне стала ясна эта пронзительная молитва «Отче наш». Единственная молитва, которую нам дал Господь. Все остальные молитвословия сложили люди, наши святые. А одну - только Господь. Ведь Он в ней утверждает: Я ваш Отец. Для православных с рождения это, может быть, и привычно. А для меня, бывшего мусульманина, это было как гром с ясного неба. У меня слёзы наворачиваются всегда, когда я слышу эти слова.

Только в русском языке человеку даётся Божественное достоинство. Господь Христос возвышает нас, говоря: Я твой Отец. А русский язык это подтверждает. Потому что если Отец - родитель Слова, то Его ребёночек - словек. Посмотрите, во многих тюркских языках человек - это «адам», в английском - это «man». Но эти понятия к самому Богу отношения не имеют.

Отсекли добро?

Да, наш язык поистине придаёт нам достоинство Божественное. Почему я снова и снова об этом напоминаю? Сегодня молодёжь на сайтах в Интернете или в компаниях на улицах называет друг друга «чел». Не человек, а чел. В своей книге я сокрушался о том, что сотворили американцы с великим английским языком, языком Шекспира и Диккенса. Обратите внимание, как прощаются англичане. «Гуд бай». Но сегодня они уже не говорят «гуд бай», а просто «бай». Удивительно, ведь можно был оставить «гуд» - добро. Но отсекли именно его. Отсекли добро.

Приходит как-то мне письмо из Америки, с Аляски. Наша русская женщина вышла замуж за американца, родила ему троих детей. Она прочитала мою книгу и рассказала, что она пробуждает в людях большой интерес к языку. И что меня тронуло, не только к русскому. Ей стало так больно за английский, что она мне прислала по электронной почте статью отца Серафима Роуза, которая у нас не публиковалась. В этой статье он плачется о том, что творится с английским языком. Оказывается, даже не «гуд бай» полная форма английского прощания. Это тоже усечённая форма. А поначалу было «Год бай ю». То есть, Бог с вами. Как мы говорим, «оставься с Богом». Что было - ушло. Осталось нечто как лай - «бай». А у нас от человека остался «чел».

Самое главное усекается везде. В начале учебного года знакомый алтарник одного московского храма, очень хороший парень Евгений, поступил в одно высшее духовное образовательное учреждение города Москвы, на богословский факультет. В тот момент он как раз прочёл мою книгу и был воодушевлён ею. Ему очень понравились рассуждения о церковнославянском языке. Встречаю его через неделю и вижу, что человек расстроен. «Женя, в чём дело?» - спрашиваю. «Василий Давыдович, я глянул в расписание - и увидел, что каждую неделю у нас шесть часов английского языка, и только один час церковнославянского!»

Хочется спросить педагогов: простите, господа, вы что, готовите пастырей для англиканской церкви? А ещё Евгений рассказал, что на второй год обучения останется только англий-

ский. А церковнославянский? На усмотрение студентов - факультативно можно заниматься. Что тут сказать? Вразуми их, Господи...

Сегодня вопрос чистоты нашего великорусского языка, вопрос сохранения, сбережения языка церковнославянского уже давно вышел за традиционные рамки культуры речи. Сбережение чистоты нашей речи, русского языка, нашей жемчужины, церковнославянского благодатнейшего языка - это защита нашей веры. Мужества и крепости желаю всем нам в защите церковнославянского языка, в отстаивании православной веры. И если мы отдадим на поправление эти наши святыни, то мы - хриstopродавцы. И получим то, что заслужили.

В.Д. ИРЗАБЕКОВ

Сергию Радонежскому

На 700-летие со дня рождения Сергия Радонежского

Пересвет и Ослябя стояли за Русь.
И молился за воинов Сергий...
И берёзы шумели, и падала грусть -
Драгоценные нежные серьги!
И направил орду кровожадный Мамай -
Генуэзцы, Литва и татары... -
На небесную Русь, на берёзовый край...
И заплакали малый и старый.
Но, садясь на коня, князь Димитрий вперёд
Поскакал и, полки поднимая
На кровавую сечу за русский народ,
Словно сокол, летел на Мамай!
И поил его Дон и Непрядва ждала,
Чтоб омыть ему рваные раны...
Трижды солнце взошло. Жаркой битва была.
И бежали в поля басурманы!
И погиб Пересвет за народ и Христа...
И звенят над могилою серьги...
И молитва звучит, глубока и чиста,
Как Душа твоя, светлый наш Сергий!

Сергей Михайлов. Россия.

Николай Гумилёв: Вызов судьбе.

Александр Гусев, Борис Подберезин.

Глава 4. Черубина де Габриак

*Из-за чего же стреляться,
как не из-за женщин и стихов?*
(Н. С. Гумилёв)

Елизавета Ивановна Васильева (Дмитриева)

В этой истории весь Гумилёв. С его дерзким вызовом и жизни, и смерти, и любви, и самой судьбе. На пороге выбора...

Елизавету Ивановну Дмитриеву он встретил летом 1907 года в Париже. Двадцатилетняя Лиля (так звали её близкие) посещала Сорбонну. С детства тяжело болела, много лет была прикована к постели, осталась хромой на всю жизнь. Но при всём этом слыла чаровницей, умеющей завораживать мужчин.

Спустя два года они увиделись в Петербурге, узнали друг друга. Лиля уже закончила Императорский женский педагогический институт, вела русскую словесность в женской гимназии, писала стихи, занималась переводами.

Роман закрутился феерически - по-гумилёвски.

- Тут же сразу мы оба с беспощадной ясностью поняли, что это «встреча» и не нам ей противиться, - признавалась Лиля.

Околдованные друг другом любовники не расставались. Стихи, прогулки, литературные вечера. Любили ездить в знаменитую «Башню» Вячеслава Иванова (Таврическая, 35), где собиралась петербургская богема. Гумилёв, как обычно, был одержим бурной и разрушительной стихией страсти. Сказочное воображение поэта обратило Лилечку, гадкого утёнка, в волшебного лебедя:

*Не смущаясь и не кроясь, я смотрю в глаза людей,
Я нашёл себе подругу из породы лебедей.*

Преобразилась и Лиля. В этой веренице мистификаций, интриг, амурных игр, лживых уверений явилось ей нечто подлинное, забытое и... настораживающее. Любовные истории для неё всегда скрывали пугающую тайну, трагизм, безысходность и пагубу. Но Лиля любила и умела играть с огнём. Любила любовь.

Она наверняка видела неизбежную обречённость так внезапно нахлынувшего счастья. Ведь, встречаясь с Гумилёвым, Лиля оставалась невестой инженера-мелиоратора В.Н. Васильева и в то же время мечтала покорить сердце поэта Максимилиана Волошина. Тщательно обдумывала каждое письмо к нему. 13 мая, находясь в полном здравии, сообщает: «Дорогой Макс, я уже три дня лежу, у меня идёт кровь горлом, и мне грустно. <...> Хочется видеть Вас, милый Макс».

Лгать она тоже умела и любила.

Столь нежный зов милой девушки приносит плоды: Максимилиан Александрович приглашает Лилю погостить у него в Коктебеле. Любвеобильная и лукавая искательница приключений просит поехать с ней ничего не подозревающего Гумилёва, а Волошину пишет: «Гум <илёв> напросился, я не звала его, но т.к. мне нездоровится, то пусть. Уже больше писем не будет, а будет Коктебель. Я Вас оч<ень> хочу видеть и оч <ень> люблю. Лиля».

25 мая 1909 года Гумилёв и Лиля выехали в Москву. Там Николай Степанович встретился с Брюсовым, представил ему возлюбленную. Дорогу от Москвы до Коктебеля она позднее будет вспоминать как «дымно-розовый закат». Ласково называет Гумилёва Гумми, он её - Лилей, утверждая, что это имя похоже на серебряный колокольчик. В Гумилёве она видела своего доброго ангела-спасителя, которого можно удачно использовать. Гумилёв, надеялась Лиля, пробудит в Волошине ревность, заставит его вспылать к ней бурной страстью. А на случай, если её чары на Максимилиана Александровича всё же не подействуют, - Гумилёв останется её единственным любовником. Такая вот незавидная роль отводилась Лилечкой верному и наивному Николаю Степановичу, её благородному рыцарю.

Чары, однако, подействовали. В Коктебеле Волошин с Лилей всё чаще стали уединяться, подолгу гуляли вдвоём. Гумилёва мучительно унижало не столько коварство измены, сколько

её публичность: всё происходило на глазах других гостей - Алексея Толстого с женой и поэтессы П. Соловьёвой.

- Здесь началось то, в чём больше всего виновата я перед Н. Ст. (Гумилёвым. - Авт.), - началась Лиля. - Судьбе было угодно свести нас всех троих вместе: его, меня и М. Ал. (Волошина. - Авт.), потому что самая большая моя в жизни любовь, самая недостижимая, - это был Макс. Ал. <...> Я узнала, что М. А. любит меня, любит уже давно, - к нему я рванулась вся, от него я не скрывала ничего. Он мне грустно сказал: «Выбирай сама. Но если ты уйдёшь к Г-ву (Гумилёву. - Авт.) - я буду тебя презирать».

Выбор уже был сделан, но Н. С. (Гумилёв. - Авт.) всё же оставался для меня какой-то благоуханной алой гвоздикой. Мне всё казалось, что хочу обоих, зачем выбор?

В конце концов, ничего не объясняя, Дмитриева попросила Гумилёва уехать.

Алексей Толстой отозвался шуткой: «Гумилёв с иронией встретил любовную неудачу: в продолжение недели он занимался ловлей тарантулов. Его карманы были набиты пауками, посаженными в спичечные коробки. Он устраивал бой тарантулов. К нему было страшно подойти. Затем он заперся у себя в чердачной комнате дачи и написал замечательную, столь прославленную впоследствии, поэму “Капитаны”. После этого он выпустил пауков и уехал».

Трудно представить, что творилось в уязвленной душе поэта. Проще разгадать поступок Лили. Жесток, оскорбителен и беспощаден её выбор. Только вероломством и холодным расчётом можно объяснить предательство этой женщины, слабой и одновременно сильной, когда она жаждет перевоплотиться в Кармен, вернее - поиграть в неё: «любовь свободна... законов всех она сильнее». Коварна и слишком уж театральна эта игра! И бедный Гумилёв явно не заслуживает в этом спектакле роли дон Хозе.

Невозможно оправдать её замешанный на дешёвых интригах и холодных эгоистичных «выкладках» удар по человеку, который её любит, опекает, искренне привязан. Разве умная и чуткая Лиля не могла предвидеть, к чему приведут её расчётливые и фальшивые любовные игры, коими был так славен Серебряный век?! Конечно, могла. Более того - она же их и срежиссировала. Такой вот авантюрный характер!

В отчаянии Гумилёв едет в Киев, делает очередное предложение Ахматовой и получает очередной отказ. На исходе упоительного коктебельского лета возвращается в Петербург и Дмитриева. Позднее она будет казнить себя: «Почему я так мучила Н.С.? Почему не отпускала его от себя?» Придумает оправдание: «Это не жадность была, это тоже была любовь. Во мне есть две души, и одна из них, верно, любила одного, другая другого».

Простую арифметику нарушила третья душа, сделавшая свой выбор. Это Иоганнес фон Гюнтер - прибалтийский немец, поэт, переводчик, драматург. Видимо, с его участием по Петербургу расползаются слухи: Гумилёв нелестно отзывался о Дмитриевой. Сам же Гюнтер устраивает встречу бывших любовников на квартире подруги Елизаветы Ивановны - Лидии Брюлловой, и сам же её подробно описывает: «Нас ожидали. На Дмитриевой было тёмно-зелёное бархатное платье, которое ей очень шло. Она страшно волновалась. Всё её лицо покрылось красными пятнами. Красиво накрытый стол тоже, казалось, рассчитывал на примирение. Лидия Брюллова, в чёрном шёлковом платье, приняла нас очень радушно.

Но что произошло? Небрежно, я бы сказал, надменно ступая, Гумилёв приблизился к ним.

- Мадемуазель, - начал он, ни с одной из них не поздоровавшись, - вы распространяете ложь, будто я собирался жениться на вас. Вы были моей метреской. На таковых не женятся. Это я хотел вам сказать.

Роковой, презрительный кивок головы. И повернулся спиной. И вышел».

Таким был ответ на «хочу обоих».

Алексей Толстой, считая, что этот поступок бросил тень на гумилёвскую репутацию рыцаря без страха и упрёка, позднее клялся: «Я знаю и утверждаю, что обвинение, брошенное ему, - в произнесении им некоторых неосторожных слов - было ложно: слов этих он не произносил и произнести не мог. Однако из гордости и презрения он молчал, не отрицая обвинения, когда же была устроена очная ставка, с ухмылкой подтвердил эту ложь». Здесь тоже весь Гумилёв: никогда не унижаться до самооправданий и покаяний! Даже в том случае, если на кону - жизнь.

Такого же мнения был и Вячеслав Иванов, вставший на сторону Гумилёва.

Слухи о скандале дошли до Волошина. 19 ноября он оказался в одной компании с Гумилёвым. Дело было в мастерской художника А.Я. Головина, располагавшейся на верхнем этаже Мариинского театра. Пол огромной мастерской был живописно завален декорациями к «Орфею», внизу, в театре, давали «Фауста». Шаляпин пел «Заклинание цветов». Дождавшись окон-

чания арии, Волошин подошёл к Гумилёву и прилюдно дал ему пощёчину. Гумилёв отшатнулся и прохрипел: «Ты мне за это ответишь!», тут же вызвал обидчика на дуэль.

Секундантами Гумилёва стали поэт М. Кузмин, критик, театровед и известный шахматист Е. Зноско-Боровский, Волошина - литератор Алексей Толстой и князь А.К. Шервашидзе, театральный художник.

Гумилёв был верен себе (и, конечно же, Печорину!) - стреляться с пяти шагов до смерти одного из противников!

У секундантов Волошина целый день ушёл на уговоры Кузмина и Зноско-Боровского увеличить расстояние до пятнадцати шагов. Ещё день потребовался, чтобы уговорить Гумилёва.

Место для поединка выбрали на Чёрной речке - почти там же, где семьдесят два года назад стрелялись Пушкин и Дантес. Театральности прибавили добытые секундантами у барона Мейендорфа старинные пистолеты с выгравированными на них именами прежних дуэлянтов.

День и ночь накануне дуэли Гумилёв провёл в «Башне» В. Иванова. Там он, по свидетельству М. Кузмина, «окружённый трагической нежностью», говорил на отвлечённые литературные темы и ничем не выдавал беспокойства.

Рано утром 22 ноября выехали на двух автомобилях. По дороге машина, в которой ехали Гумилёв и его секунданты, застряла в снегу. Вытаскивали все сообща. При этом кто-то потерял в снегу галошу (позднее жёлтая пресса использует этот эпизод для издёвки над дуэлянтами).

Вскоре подъехали к безлюдному заснеженному полю. Алексей Толстой, выбранный распорядителем, начал отмерять расстояние между противниками.

- Вы слишком широко шагаете! - вскипел Гумилёв.

- Подчёркиваю грандиозность события! - парировал Алексей Николаевич. Но всё же отмерил пятнадцать шагов заново.

Секунданты зарядили и подали дуэлянтам пистолеты. Толстой, следуя правилам, в последний раз предложил противникам помириться, но Гумилёв гневно перебил его:

- Я приехал драться, а не мириться!

Совершенно спокойный, он стоял в цилиндре и чёрном сюртуке, бросив шубу на снег. Он казался себе Печориным. И это тешило самолюбие.

Толстой попросил участников приготовиться. Начал считать: «Раз, два...» В этот момент впечатлительный Михаил Кузмин в ужасе рухнул на снег, заслонясь цинковым хирургическим ящиком. На счёт «три» противники выстрелили. Гумилёв промахнулся, пистолет Волошина дал осечку.

- Я настаиваю, чтобы этот господин стрелял. Пускай он стреляет во второй раз, я требую этого! - злился Гумилёв.

- Вы отказываетесь от своих слов? - неожиданно спросил Волошин, не сводя глаз с Гумилёва.

- Нет, - ответил тот.

Волошин прицелился и вновь нажал на спуск. Снова осечка! Шервашидзе крикнул Толстому:

- Алёша, хватай скорей пистолеты!

Толстой бросился к Волошину, выхватил пистолет и выстрелил в снег. Гумилёв пришёл в ярость.

- Я требую третьего выстрела!

Посовещавшись, секунданты отказали, предложив противникам пожать друг другу руки. Как бы не так! Гумилёв поднял со снега шубу, перекинул её через руку, повернулся и, не проронив ни слова, пошёл к автомобилю.

Дуэль вызвала шквал издевательских публикаций. «Много писалось в газетах о поединке «декадентов» с зубоскальством и преувеличениями» (С. Маковский). Главным героем фельетонов стала... потерянная галоша. В «Биржевых ведомостях»: «Галоша. Вместо некролога». На следующий день - эпиграмма А. Измайлова:

На поединке встарь лилася кровь рекой,
Иной и жизнь свою терял, коль был поплоче,
На поле чести нынешний герой
Теряет лишь... калоши.

За Волошиным надолго сохранилось прозвище Вакс Калошин, придуманное Сашей Чёрным ещё в 1908 году:

Боже, что будет с моей популярностью, Назовёт меня Пильский дикой бездарностью,
Боже, что будет с моим кошельком? А Вакс Калошин - разбитым горшком.

Почему Гумилёв с ничтожного расстояния не попал в ненавистного соперника? А. Толстой утверждал, что в пистолеты специально зарядили двойную порцию пороха. Это усилило отдачу и снизило точность. Такое объяснение мало кого убедило. Тайна осталась неразгаданной. Хотя нам кажется, нищезанец Гумилёв ещё не созрел, чтобы вот так, беспрепятственно, убить поэта. Не дотянул до Печорина.

После дуэли они оставались недругами. Лишь в 1921 году, незадолго до гибели Гумилёва, помирились, сухо пожав друг другу руки.

* * *

В начале 1909 года Гумилёв знакомится с историком искусства и поэтом С.К. Маковским, сыном известного художника. Сергей Константинович устроил в те дни выставку художников-модернистов, где впервые блеснули В. Кандинский, К. Петров-Водкин, Н.Чюрленис. И ещё Маковский увлечён идеей нового художественного журнала. Гумилёв с пылом поддерживает проект. Весной он знакомит Сергея Константиновича со своим кумиром - И.Ф. Анненским. Тот идею одобрил, согласился участвовать в новом издании. Так родился «Аполлон» - заметное явление в культуре Серебряного века. Редакция помещалась в доме 24 на Мойке, неподалёку от последней квартиры Пушкина. В журнале печатались все известные поэты: А. Блок, В. Брюсов, К. Бальмонт, В. Иванов, Ф. Сологуб, И. Анненский, М. Кузмин, М. Волошин, А. Ахматова, О. Мандельштам. Гумилёв из номера в номер публиковал свои знаменитые «Письма о русской поэзии».

С. Маковский: «Гумилёв горячо взялся за отбор материалов для первых выпусков «Аполлона», с полным бескорытием и с примерной сговорчивостью. Мне он сразу понравился той серьёзностью, с какой относился к стихам, вообще - к литературе, хотя и казался подчас чересчур мелочливо-принципиальным судьёй. Зато никогда не изменял он своей принципиальности из личных соображений или “по дружбе”, был ценителем на редкость честным и независимым».

Уже в первом номере «Аполлона» появились гумилёвские талантливые, но «несколько трескучие» (С. Маковский) «Капитаны», а вместе с ними и «трескучая» поэтическая маска Гумилёва, которая закрепилась за ним на долгие годы, стала знаковой в восприятии его лирики и вообще имиджа. Капитан-флибустьер, чья грудь пропитана «солью моря», прочно вошёл в сознание читателей - в своей «повелительной маске открывателя новых земель», в высоких ботфортах и кружевных брабантских манжетах, с пистолетом за поясом. Покоритель и завоеватель, который

... иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь...

Маска эта навсегда сделала его узнаваемым для поклонников-читателей. Игорь Северянин с восторгом оценил:

Уж первый номер «Аполлона»,	То «Капитаны» Гумилёва,
Темнящий золото руна,	Где лишнего не видно слова,
Выходит в свет, и с небосклона	И вот к числу звучащих слов
Комета новая видна:	Плюсируется: Гумилёв...

Маковскому не просто было держать Гумилёва в журнале. Далеко не всех он устраивал. Особенно возмущался Вячеслав Иванов, непререкаемый авторитет для «аполлоновцев»: «Ведь он глуп, да и плохо образован, даже университета окончить не мог, языков не знает, мало начитан». Маковский соглашался, но статус-кво сохранял. Выпад Вячеслава Иванова огорчает. Тем более, что он был не далёк от истины. До признания «классиков», поэтов-аристократов Гумилёв, несмотря на знаменитых «Капитанов» с их живописной экзотикой, пока не дотягивал. «Мальчишество», - ухмылялись «классики».

В августе 1909 года в редакцию пришло странное письмо на листах с траурной чёрной каймой, переложённых душистыми засушенными травами. Таинственная поэтесса, подписавшаяся буквой «Ч», предлагала редакции свои грустно-романтические стихи:

И я умру в степях чужбины,	К чему так нежны кисти рук,
Не разомкну заклятый круг,	Так тонко имя Черубины?

Ответить Маковский не мог - обратного адреса не было. Но вскоре загадочная незнакомка позвонила по телефону.

- Никогда, кажется, не слышал я более обворожительного голоса, - признавался Сергей Константинович.

Вскоре - новое письмо. И снова надушенные листы с траурной каймой, засушенные пряные травы, новые стихи. Незнакомка сообщает своё необычное имя: Черубина де Габриак. Маковский рассказывает о ней «аполлоновцам», показывает стихи. Все в восторге. Общее мнение: печатать! Особенно восторгается М. Волошин. Одна Лиля - Е.И. Дмитриева - отзывается о стихах неодобрительно, сочиняет на них пародии. Литераторы-мужчины списывают это на обычную женскую ревность.

Осенью 1909 года во втором номере журнал публикует семь (!) стихотворений никому не известной поэтессы. Переписка с Маковским дополняется телефонными звонками. С каждым днём возникают новые черты портрета знакомки. Она - восемнадцатилетняя испанская аристократка, «инфанта», ревностная католичка. После смерти матери воспитывалась в монастыре. В письмах и телефонных разговорах угадывались одиночество и тоска по любви. Рыжеволосая, немного прихрамывающая красавица...

Узнав адрес, Маковский посылает девушке пышный букет. В ответ стихи:

Твои цветы... цветы от друга,	Заворожу печальным взглядом
Моей Испании цветы.	Двенадцать огненных гвоздик,
Я их замкну чертою круга	Чтоб предо мною с ними рядом
Моей безрадостной мечты.	Из мрака образ твой возник.

И я скажу... но нет, не надо, –
Ведь я не знаю тихих слов.
И в этот миг я только рада
Молчанью ласковых цветов.

«В крови горит огонь желаний, / душа тобой уязвлена...» - стихи про меня, - признался бы Маковский. Сергей Константинович жил от письма к письму, от звонка до звонка (благо «инфанта» звонила теперь ежедневно). Теряя от страсти рассудок («целуй меня, твои лобзанья мне слаще мирра и вина...»), он молил о встрече, но загадочная Черубина каждый раз находила отговорки - «свидание невозможно». А в письмах - новые завлекающие вирши:

Милый рыцарь Дамы Чёрной,	Храбрый рыцарь! Вы дерзнули
Вы несли цветы учтиво,	Приподнять вуаль мой шпагой...
Власти призрака покорный,	Гордый мой венец согнули
Вы склонялись молчаливо.	Перед дерзкою отвагой.

Бедный рыцарь! Нет отгадки,
Ухожу незримой в дали –
Удержали вы в перчатке
Только край моей вуали.

- Кто она? Почему так прячется? Когда же наконец зайдет в редакцию? - страдал Маковский. Тщетно. Она решительно уклонялась от личного знакомства, настаивала на том, что сотрудничество её в «Аполлоне» (против всех правил) должно оставаться анонимным - из-за сложных и неразборчивых семейных обстоятельств.

От редактора любовное безумие передалось остальным «аполлоновцам».

И. фон Гюнтер не скрывал: «Всем коллективом мы влюбились в поэтессу Черубину де Габриак». Разговоры в редакции то и дело сводились к тайне «инфанта», горделивой красавицы, такой недоступной. «Дон Жуан» Гумилёв клялся покорить сердце Черубины при первой же встрече. Её разыскивали в литературных салонах, высматривали в ложах театров, на концертах. Близкий друг Маковского барон Н.Н. Врангель, прослышав, что девушка собирается за границу, обходил вагон за вагоном все поезда, отправляющиеся с Варшавского вокзала. Едва не кончилось скандалом, когда на перроне он кинулся к подходившей по приметам юной рыжеволосой девушке, приняв её за Черубину де Габриак.

Тайна раскрылась внезапно, разгадка оказалась ошеломляющей: под именем Черубины скрывалась Елизавета Ивановна Дмитриева. Увлёкшись И. Гюнтером, Лиля призналась ему. Тот обещал хранить тайну, но слова не сдержал (это привело к ссоре с Гумилёвым, считавшим поступок Гюнтера недостойным) - обо всём рассказал М. Кузмину. Кузмин - Маковскому.

Необычный розыгрыш придумал Макс Волошин. Он же вместе с Лилей писал стихи от имени Черубины. Так возникла самая яркая мистификация Серебряного века. М.И. Цветаева нарекла это время «эпохой Черубины де Габриак», Алексей Толстой называл Елизавету Ивановну «одной из самых фантастических и печальных фигур русской литературы». Пример Волошина вдохновил Брюсова: он пытался повторить такой же розыгрыш с молодой поэтессой Надеждой Львовой. Сам же Волошин замышлял ещё одну мистификацию: долго, но безуспешно уговаривал Марину Цветаеву писать стихи под вымышленными мужскими именами.

Маковский вскоре оправился от краха. Иначе было с Дмитриевой. Эта история обернулась для неё личной катастрофой. Елизавета Ивановна мучительно переживала разоблачение, надолго забросила стихи, ушла из «Аполлона», вообще как бы исчезла для всех знакомых. Потом вышла замуж за В.Н. Васильева и уехала с ним в Туркестан. Но даже через полтора десятка лет постоянно возвращалась мыслями к Черубине:

Где Херувим, своё мне давший имя,
Мой знак прошедших дней?

Каких фиалковых полей
Касаешься крылами ты своими?

Окончательно погубило её увлечение модной в то время антропософией. За принадлежность к антропософскому обществу в 1927 году Дмитриева была арестована и выслана из Ленинграда. 5 декабря 1928 года она умерла в Ташкенте от рака печени.

С Волошиным Елизавета Ивановна дружила и переписывалась всю свою короткую жизнь. С Гумилёвым же никогда не виделась, но до конца своих дней мучилась чувством вины перед ним. Откликнулась на его смерть:

Как-то странно во мне преломилась
Пустота неоплаканных дней.
Пусть Господня последняя милость
Над могилой пребудет твоей!

Как любили мы город наш серый,
Как гордились мы русским стихом...
Так не будем обычною мерой
Измерять необычный излом.

Всё, что было холодного, злого,
Это не было ликом твоим.
Я держу тебе данное слово
И тебя вспоминаю иным.

Мне пустынная помнится дамба,
Сколько раз, проезжая по ней,
Восхищались мы гибкостью ямба
Или тем, как напевен хорей.

Помню вечер в холодном Париже,
Новый Мост, утонувший во мгле...
Двое русских, мы сделали ближе,
Вспоминая о Царском Селе.

Накануне мучительной драмы...
Трудно вспомнить... Был вечер... И вскачь
Над канавкой из «Пиковой дамы»
Пролетел петербургский лихач.

В Петербург мы вернулись – на север.
Снова встреча. Торжественный зал.
Черепуховый бабушкин веер
Ты, читая стихи мне, сломал.

Было сказано слово неверно...
Помню ясно сияние звёзд...
Под копытами гулко и мерно
Простучал Николаевский мост.

После в «Башне» привычные встречи,
Разговоры всегда о стихах,
Неуступчивость вкрадчивой речи
И змеиная цепкость в словах.

Разошлись... Не пришлось мне у гроба
Помолиться о вечном пути,
Но я верю – ни гордость, ни злоба
Не мешали тебе отойти.

Строгих метров мы чтим законы
И смеялись над вольным стихом,
Мы прилежно писали канцоны
И сонеты писали вдвоём.

В землю тёмную брошены зёрна,
В белых розах они расцветут...
Наклонившись над пропастью чёрной,
Ты отвёл человеческий суд.

Я ведь помню, как в первом сонете
Ты нашёл разрешающий ключ...
Расходились мы лишь на рассвете,
Солнце вяло вставало меж туч.

И откроются очи для света!
В небесах он совсем голубой.
И звезда твоя – имя поэта
Неотступно и верно с тобой.

Александр Гусев, Борис Подберезин.

«Николай Гумилёв: Вызов судьбе» Изд. «Jumi» Рига, 2014 г.

Основы христианской культуры

15. О ГРАНИЦАХ ЛЮБВИ

(Из № 64) Таким образом, начало духа, указывая любви ее верный предмет, меняет в корне ее основное направление и все наполняющее ее содержание. За прежними именами и обликами разумеются уже новые, иные предметы и состояния, и эти новые предметы требуют от души нового отношения к себе, требуют - и получают его. И в результате этого неизбежно перерождается самый акт любви в его основном душевно-духовном строении: он приобретает новые пределы, новые формы и проявления.

...Далее, начало духа *ограничивает* начало любви, разливу.

Духовная любовь есть не только религиозная преданность, но в основе своей она есть прежде всего зрячий, живой, предметный *выбор*. Если разуместь любовь не в смысле сентиментального, беспредметного умиления, а в ее предметной определенности и функциональной полноте, во всей полноте живого одобрения, сочувствия, содействия, общения - вплоть до художественного отождествления с любимым предметом, то ясно, что невозможно реально любить *все* (например - и воспринятое, и невоспринятое) или *все наравне* (например - и близкое, и далекое, и Божественное, и небожественное); во всяком случае, человеку, пока он человек, это недоступно. Тот из людей, кто говорит, что «любит» «все» или «все без различия», тот или ошибается в самопознании, или в действительности не любит ничего и никого. Любовь как психическая сила совсем и не способна к такому беспредметному растяжению; любовь как духовное состояние совсем и не призвана к этому. Конечно, если под любовью разуместь только благожелательство, а под благом духовное усовершенствование (т.е. победу добра над злом), то религиозно прозревший человек желает блага всем и постольку любит всех: ибо простая наличность зла уже вызывает в нем страдание и отвращение и заставляет его искренно благожелательствовать. Но если понимать любовь во всей ее полноте как *отождествляющееся единение и творческое приятие*, то такой человек не может любить ни всех, ни всех одинаково, да и не ставит перед собою такую задачу.

Так, никто не призван любить зло как таковое или злого человека как такового, и если мыслить диавола как подлинное и чистое средоточие зла, то любовь к диаволу в его диавольстве должна быть признана совершенно противоестественною. Есть смысл желать диаволу преобразования, и есть глубокий смысл в молитве за диавола, но нет смысла обращаться к нему с творческим приятием, т.е. принимать его цели и интересы как свои, сочувствовать ему и помогать ему, и нет основания вступать с ним в союз и объединить его дело со своим злом. Конечно, человек, сильный духом, может решиться на то, чтобы *воспринять* диавола во всем его подлинном диавольстве, впустить в свою душу его чистое зло для испытания, познания и умудрения: он может даже довести это испытание до некоторого художественного отождествления, отводя для этого мучительного и отвратительного опыта ткань своей души и силы своей личности. Но это допущение никогда не превратится для него в *любовное приятие*, и эта реализация никогда не вовлечет и не захватит его духовного центра и не приведет его к сочувствующему поступку и содействию. Мучительность этого испытания будет состоять не только в восприятии отвратительного, но и в добровольном раздвоении своей душевной ткани: она будет выражаться в непрерывном отвращающемся содрогании *всего* духа как в его злоиспытывающих частях, так и в его свободном от зла центре. Мало того, это испытание, от которого душа обжигается как уголь и быстро в муках стареет, а дух закаляется и мудреет, - имеет единое оправдание и назначение: *сопротивление злу*. Восприимлющий воспринимает только для того, чтобы не приятить; «отождествлявшийся» только для того и допускал это, чтобы противостоять злу во всей силе измерившего, увидевшего и уразумевшего противника. В этом испытании он прозревал и вооружался и, вооружившись, увидел себя призванным к неумолимому посечению диавола, испытанного во всем его диавольстве.

Понятно, что для слабого человека это испытание может превратиться в непосильное искушение, а искушение может привести его к покорности злу. И это искушение и падение может осуществиться не только в обычном порядке слепого или наивного заражения злом, но и вслед-

ствие *неверного понимания пределов любви*. Достаточно мягкосердечному человеку упустить из вида, что любовь кончается там, где начинается зло, что любить можно и должно только искру, луч и лик, если они не померкли еще до конца за буйством расплескавшегося зла, что в обращении к злу от любви остается *только духовное благожелательство* и что это духовное благожелательство, направленное на диавола, всегда может приобрести единственно верную форму - форму посекающего меча; достаточно упустить это из вида - и победа зла обеспечена. Есть мудрая христианская легенда об отшельнике, который долгое время побеждал диавола во всех его видах и во всех, исходивших от него искушениях, пока, наконец, враг не постучался к нему в его уединище в образе раненого, страдающего ворона, и тогда слепое, сентиментальное сострадание победило в душе отшельника: ворон был впущен, и монах оказался во власти диавола... Именно этой сентиментальной любви, проистекающей из слабости и имеющей значение соблазна, духовная зрелость и духовная воля полагают предел; они заставляют человека установить верную грань для своей неразборчивой и беспринципной чувствительности и обращают его прозревающее око к водительным образам архангела Михаила и Георгия Победоносца.

Напрасно было бы ссылаться здесь в виде возражения на заповеди Христа, учившего *любить врагов и прощать обиды*. Такая ссылка свидетельствовала бы только о недостаточной вдумчивости ссылающегося.

Призывая любить врагов, Христос имел в виду *личных* врагов самого человека («ваших», «вас»; срв. Мф 5:43–47; Лк 6:27–28), его собственных ненавистников и гонителей, которым обиженный, естественно, может простить и *не* простить. Христос никогда не призывал любить врагов *Божьих*, благословлять тех, кто ненавидит и попирает все Божественное, содействовать кощунственным совратителям, любезно сочувствовать одержимым растлителям душ, умиляться на них и всячески заботиться о том, чтобы кто-нибудь, воспротивившись, не помешал их злодейству. Напротив, для таких людей, и даже для несравненно менее виновных, Он имел и огненное слово обличения (Мф 11:21–24; 23; Мк 12:38–40; Лк 11:39–52, 13:32–35, 20:46–47 и др.), и угрозу суровым возмездием (Мф 10:15, 12:9, 18:9, 34–35, 21:41, 22:7,13, 24:51, 25:12,30; Мк 8:38; Лк 19:27, 21:20–26; Ин 3:36), и изгоняющий бич (Мф 21:12; Мк 11:15; Лк 19:45; Ин 2:13–16) и грядущие *вечные* муки (Мф 25:41,46; срв. Ин 5:29). Поэтому христианин, стремящийся быть верным слову и духу своего Учителя, совсем не призван к тому, чтобы противоестественно вынуждать у своей души чувства нежности и умиления к нераскаянному злодею как таковому, он не может также видеть в этой заповеди ни основания, ни предлога для уклонения от сопротивления злодеям. Ему необходимо только понять, что настоящее, религиозно-верное сопротивление злодеям ведет с ними борьбу *именно не как с личными врагами, а как с врагами дела Божия на земле*; так что чем меньше *личной* вражды в душе сопротивляющегося и чем более он внутренне простил своих личных врагов - всех вообще и особенно тех, с которыми он ведет борьбу, - тем эта борьба его будет при всей ее необходимой суровости духовно вернее, достойнее и жизненно целесообразнее.

Это относится всецело и к заповеди о *прощении обид*. Согласно этой заповеди, человек имеет призвание прощать своим обидчикам наносимые ему личные обиды (срв.: «сколько раз прощать брату моему, согрешающему *против меня!*» Мф 18:21; «если семь раз в день согрешит *против тебя...*» Лк 17:3–4; «должен был *ему* сто динариев...» Мф 18:28). При этом размеры прощающей доброты и терпеливости должны быть поистине бесконечны (Мф 18:22). Однако даже в рассмотрении личной обиды Евангелие устанавливает те условия, при которых «согрешивший *против тебя* брат твой» может стать для тебя «как язычник и мытарь» (Мф 18:15–17): допуская силу личного ожесточения, неподдающегося никаким уговорам («выговори ему», Лк 17:3), Евангелие указывает на суд церкви как на высшую инстанцию, неповиновение которой несет за собой понудительную, воспитывающую изоляцию ожесточенного. Понятно, что обращение к этой инстанции и исключение обидчика из общения - нисколько не мешают акту внутреннего прощения, и точно так же акт личного прощения, разрешая проблему *обиженности*, совсем не разрешает проблему *обидчика* и *его ожесточенности*. Однако помимо всего этого Христос предвидел и указал такие злодеяния («соблазнение малых»), которые, по Его суждению, делают смертную казнь лучшим исходом для злодея (Мф 18:6; Мк 11:42; Лк 17:1–2).

Вообще говоря, нужна сущая духовная слепота, для того чтобы сводить всю проблему сопротивления злу к прощению личных обид, к «*моим*» врагам, «*моим*» ненавистникам и к «*моему*» душевно-духовному преодолению этой обиженности, и было бы совершенно напрасно приписывать такую духовную слепоту Евангелию. Естественно, что наивный человек с его чисто личным и скудным мировосприятием не видит добра и зла в их более чем личном - общественном, общечеловеческом и религиозном измерении, и именно потому он полагает, что

личное прощение угашает зло и разрешает проблему борьбы с ним. Но на самом деле это не так. Простить обиду - значит погасить в себе ее злотворящую силу и не впустить в себя поток ненависти и зла, но это совсем не значит победить силу злобы и зла в *обидчике*. После прощения остается открытым и неразрешенным вопрос: что же делать с обидевшим, не как с человеком, который *меня* обидел и которому за это «причитается» от меня месть или «возмездие», а как с нераскаявшимся и неисправляющимся насильником? Ибо бытие злодея есть проблема совсем не для одного пострадавшего и совсем не лишь в ту меру, в какую ему не удалось простить; это - проблема *для всех*, значит, и для пострадавшего, но не как для пострадавшего и непростившего, а как для члена того общественного единения, которое призвано к *общественному взаимовоспитанию* и к организованной борьбе со злом.

Обиженный может и должен простить *свою* обиду и погасить в своем сердце *свою* обиженность, но именно его личным сердцем и его личным ущербом ограничивается компетентность его прощения; дальнейшее же превышает его права и его призвание. Вряд ли надо доказывать, что человек не имеет ни возможности, ни права - прощать обиду, нанесенную другому, или злодейство, попирающее божеские и человеческие законы, - если только, конечно, он не священник, властный отпускать грехи кающемуся, и не верховный государственный орган, властный даровать амнистию. В составе каждой неправды, каждого насилия, каждого преступления, кроме личной стороны «обиды» и «ущерба», есть еще сверхличная сторона, ведущая преступника на суд общества, закона и Бога, и понятно, что личное прощение частного лица не властно погасить эту подсудность и эти возможные приговоры. В самом деле, кто дал мне право «прощать» от себя злодеям, творящим поругание святыни, или злодейское соблазнение малолетних, или гибель родины? И каков может быть смысл этого мнимого «прощения»? Что означает оно: что «я» их не осуждаю и не обвиняю? но кто же поставил меня столь милостливым судьей? Или - что «я» примиряюсь с их злодеяниями и обязуюсь не мешать им? но откуда же у меня может взяться такое мнимое право на предательство, на предательство святыни, родины и беззащитных? Или, быть может, это «прощение» означает, что я воздерживаюсь от всякого суждения, умываю руки и предоставляю события их неизбежному ходу? однако такая позиция безразличия, безволия и попущения не имеет ничего общего с христианским прощением и не может быть обоснована никакими ссылками на Евангелие...

Сопrotивляющийся злу должен прощать личные обиды, и чем искреннее и полнее это прощение, тем более простивший способен вести неличную, предметную борьбу со злодеем, тем более он призван быть органом живого добра, не мстящим, а понуждающим и пресекающим. Но в душе его не должно быть места наивным и сентиментальным иллюзиям, будто зло в злодее побеждено в тот момент, когда он лично простил его. Прощение есть *первое условие* борьбы со злом или, если угодно, *начало* ее, но не конец и не победа. Ибо для этой великой борьбы со злом необходимо иметь поистине не менее «нежели двенадцать легионов ангелов» (Мф 26:53), и настоящий злодей, пока не увидит этих легионов, всегда будет усматривать в «прощении» прямое поощрение, а может быть, и тайное сочувствие.

Именно в этой связи следует понимать и евангельские слова «не противься злему» (Мф 5:39). Правило, заключающееся в них, определительно разъяснено последующими словами - в смысле *кrotкого перенесения личных обид*, а также щедрой отдачи *личного* имущества и *личных* услуг. Истолковывать этот призыв к кротости и щедрости в личных делах как призыв к безвольному созерцанию насилий и несправедливостей или к подчинению злодеям в вопросах добра и духа было бы противосмысленно и противоестественно. Разве предать слабого злодею - значит проявить кротость? Или человек волен подставлять нападающему и *чужую* щеку? Разве щедрость не распространяется только на свое, личное? Или растративший общественное достояние и отдавший своего брата в рабство - тоже проявил «щедрость»? Или предоставлять злодеям свободу надругиваться над храмами, насаждать безбожие и губить родину - значит быть кротким и щедрым? И Христос призывал к *такой* кротости и к *такой* щедрости, которые равносильны лицемерной праведности и соучастию со злодеями? Учение Апостолов и Отцов Церкви выдвинуло, конечно, совершенно иное понимание. «Божии слуги» нуждаются в мече и «не напрасно носят его» (Рим 13:4); они - гроза злодеям. И именно в духе этого понимания учил св. Феодосий Печорский, говоря: «живите мирно не только с друзьями, но и с врагами; однако только со своими врагами, а не с врагами Божиими».

Так, начало духа *ограничивает* действие любви в ее непосредственном, наивном разливе. Понятно, что это ограничение неизбежно ведет за собою и видоизменение ее духовного строения и облика.

Иван ИЛЬИН.

Эдуард Ковшевный

В гнездо родовое...

Мне снилось опять
 как устало, в пыли,
 мы к дому родному
 тайком подошли.
 От взглядов – в тени тополей
 схоронились,
 где ветви над чёрным забором
 склонились.
 Безжизненно-тихим был вечер.
 Парило.
 И остро, до боли,
 в душе защемило
 когда вид сирени
 в заросшем саду
 опять вдруг напомнил,
 как в страшном году,
 под вечер, за нашей семьёй
 приходили -
 и жизнь - лишь сирени кусты
 сохранили.
 И вспомнилось снова
 как дом покидали...
 ...крестьяне в гостиную
 детям кричали:
 - Эй, Полька! Пузырь* со стены
 отрывай!
 - Вон стулу, ту стулу
 живее давай! -
 из окон раскрытых
 всё в спешке кидали
 и, грязно ругаясь, друг друга
 толкали.
 ...Отчаянье, бегство под ночь -
 вспоминали...
 И долго у дома
 мы молча стояли.
 Потом, не боясь уже взглядов людей,
 мы вышли из тихой
 тени тополей...
 К дороге прошли,
 по которой вернулись.
 Не выдержав боли,
 на дом оглянулись:
 в безжизненных окнах
 закат отражался
 и - пламенем - отблеск
 неровный казался...

2.12.1983г.

В гнездо родовое с бессильной тоской
 спустя много лет мы вернулись с тобой.
 По улице пыльной, в тревоге, несмело
 мы шли, озираясь... Уже вечерело.
 Пустынным, чужим всё вокруг показалось,
 и сердце внезапно болезненно сжалось.
 И молча пройдя мимо грязных дворов,
 где в прошлом был рай от цветущих садов,
 мы вышли на площадь... На место расстрела.
 Сухая трава под ногами хрустела...
 Лучи заходящего солнца слепили.
 Та церковь, где близких когда-то крестили,
 была ныне клубом для танцев ночных.
 Не стало крестов, куполов золотых...
 И душу мгновенное чувство пронзило,
 что всё нереально. И горло сдавило.
 И словно во сне - мы по зову родному -
 прошли к заселённому отчужденному дому.
 Подгнивший настил у забора скрипел.
 Разбито. Запущено. Дом почернел.
 Кусты лишь сирени в саду уцелели,
 три тополя возле калитки шумели.
 Узнав нас - навстречу - ветвями качнулись,
 и, верить не смея, шепнули: «Вернулись...»

Пузырь со стены* - бра, которое ловкие,
 работающие, крестьянские ручки отроковицы
 Полины пытались сорвать со стены, не
 дожидаясь, когда владельцы дом покинут.
Прим. авт.)

Бра (нескл., ср. рода) - настенный подсвечник,
 светильник. Хрустальное бра. (слов. Ожегова)

 В УСАДЬБЕ

Павел Ильич Рашевич ходил, мягко ступая по полу, покрытому малороссийскими плахтами, и бросая длинную узкую тень на стену и потолок, а его гость Мейер, исправляющий должность судебного следователя, сидел на турецком диване, поджав под себя одну ногу, курил и слушал. Часы уже показывали одиннадцать, и слышно было, как в комнате, соседней с кабинетом, накрывали на стол.

- Как хотите-с, - говорил Рашевич, - с точки зрения братства, равенства и прочее, свинопас Митька, пожалуй, такой же человек, как Гёте или Фридрих Великий; но станьте вы на научную почву, имейте мужество заглянуть фактам прямо в лицо, и для вас станет очевидным, что белая кость - не предрассудок, не бабья выдумка. Белая кость, дорогой мой, имеет естественно-историческое оправдание, и отрицать ее, по-моему, так же странно, как отрицать рога у оленя. Надо считаться с фактами! Вы - юрист и не вкусили никаких других наук, кроме гуманитарных, и вы еще можете обольщать себя иллюзиями насчет равенства, братства и прочее; я же - неисправимый дарвинист, и для меня такие слова, как порода, аристократизм, благородная кровь, - не пустые звуки.

Рашевич был возбужден и говорил с чувством. Глаза у него блестели, *pince-nez* не держалось на носу, он нервно подергивал плечами, подмигивал, а при слове "дарвинист" молодцевато погляделся в зеркало и обеими руками расчесал свою седую бороду. Он был одет в очень короткий поношенный пиджак и узкие брюки; быстрота движений, молодцеватость и этот кургузый пиджак как-то не шли к нему, и казалось, что его большая длинноволосая благообразная голова, напоминая архиерея или маститого поэта, была приставлена к туловищу высокого худощавого и манерного юноши. Когда он широко расставлял ноги, то длинная тень его походила на ножницы.

Вообще он любил поговорить, и всегда ему казалось, что он говорит нечто новое и оригинальное. В присутствии же Мейера он чувствовал необыкновенный подъем духа и наплыв мыслей. Следователь был ему симпатичен и вдохновлял его своею молодостью, здоровьем, прекрасными манерами, солидностью, а главное - своим сердечным отношением к нему и к его семье. Вообще знакомые не любили Рашевича, чуждались его и, как было известно ему, рассказывали про него, будто он разговорами вогнал в гроб свою жену, и называли его за глаза ненавистником и жабой. Один только Мейер, человек новый и непредубежденный, бывал у него часто и охотно и даже где-то говорил, что Рашевич и его дочери - единственные люди в уезде, у которых он чувствует себя тепло, как у родных. Нравился он Рашевичу также и за то, что был молодым человеком, который мог бы составить хорошую партию для Жени, старшей дочери.

И теперь, наслаждаясь своими мыслями и звуками собственного голоса и с удовольствием поглядывая на умеренно полного, красиво подстриженного, приличного Мейера, Рашевич мечтал о том, как он пристроит свою Женю за хорошего человека и как потом все заботы по имени перейдут к зятю. Неприятные заботы! Проценты в банк не внесены уже за два срока, и разных недоимок и пеней скопилось больше двух тысяч!

- Для меня не подлежит сомнению, - продолжал Рашевич, всё больше вдохновляясь, - что если какой-нибудь Ричард Львиное Сердце или Фридрих Барбаросса, положим, храбр и великодушен, то эти качества передаются по наследству его сыну вместе с извилинами и мозговыми шишками, и если эти храбрость и великодушие охраняются в сыне путем воспитания и упражнения, и если он женится на принцессе, тоже великодушной и храброй, то эти качества передаются внуку и так далее, пока не становятся видовой особенностью и не переходят органически, так сказать, в плоть и кровь. Благодаря строгому половому подбору, тому, что благородные фамилии инстинктивно охраняли себя от неравных браков и знатные молодые люди не женились чёрт знает на ком, высокие душевные качества передавались из поколения в поколение во всей их чистоте, охранялись и с течением времени через упражнение становились всё совершеннее и выше. Тем, что у человечества есть хорошего, мы обязаны именно природе, правильному естественно-историческому, целесообразному ходу вещей, старательно, в продолжение веков обособлявшему белую кость от черной. Да, батенька мой! Не чумазый же, не кухаркин сын, дал нам литературу, науку, искусства, право, понятия о чести, долге... Всем этим человечество обязано исключительно белой кости, и в этом смысле, с точки зрения естественно-исторической, плохой Собакевич, только потому, что он белая кость, полезнее и выше, чем самый лучший купец, хотя бы этот последний построил пятнадцать музеев. Как хотите-с! И если я чумазому или кухаркину сыну не подаю руки и не сажаю его с собой за стол, то этим самым я

охраняю лучшее, что есть на земле, и исполняю одно из высших предназначений матери-природы, ведущей нас к совершенству...

Рашевич остановился, расчесывая бороду обеими руками; остановилась на стене и его тень, похожая на ножницы.

- Возьмите вы нашу матушку-Расею, - продолжал он, заложив руки в карманы и становясь то на каблуки, то на носки. - Кто ее лучшие люди? Возьмите наших первоклассных художников, литераторов, композиторов... Кто они? Всё это, дорогой мой, были представители белой кости. Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Гончаров, Толстой - не дьячковские дети-с!

- Гончаров был купец, - сказал Мейер.

- Что же! Исключения только подтверждают правило. Да и насчет гениальности-то Гончарова можно еще сильно поспорить. Но оставим имена и вернемся к фактам. Что вы, например, скажете, сударь мой, насчет такого красноречивого факта: как только чумазый полез туда, куда его прежде не пускали - в высший свет, в науку, в литературу, в земство, в суд, то, заметьте, за высшие человеческие права вступилась прежде всего сама природа и первая объявила войну этой орде. В самом деле, как только чумазый полез не в свои сани, то стал киснуть, чахнуть, сходить с ума и вырождаться, и нигде вы не встретите столько неврастеников, психических калек, чахоточных и всяких заморышей, как среди этих голубчиков. Мрут, как осенние мухи. Если бы не это спасительное вырождение, то от нашей цивилизации давно бы уже не осталось камня на камне, всё слопал бы чумазый. Вы скажите мне, сделайте милость: что до сих пор дало нам это нашествие? Что принес с собой чумазый?

Рашевич сделал таинственное, испуганное лицо и продолжал:

- Никогда еще наша наука и литература не находились на таком низком уровне, как теперь! У нынешних, сударь мой, ни идей, ни идеалов, и вся их деятельность проникнута одним духом: как бы побольше содрать и с кого бы снять последнюю рубашку. Всех этих нынешних, которые выдают себя за передовых и честных людей, вы можете купить за рубль-целковый, и современный интеллигент отличается именно тою особенностью, что когда вы говорите с ним, то должны покрепче держаться за карман, а то вытащит бумажник...

Рашевич подмигнул и захохотал.

- Ей-богу, вытащит! - проговорил он радостно тонким голосом. - А нравственность? Нравственность какова? - Рашевич оглянулся на дверь. - Теперь уже не удивляются, когда жена обкрадывает и покидает мужа, - это что, пустяки! Нынче, батенька, двенадцатилетняя девчонка норовит уже иметь любовника, и все эти любительские спектакли и литературные вечера придуманы для того только, чтобы легче было подцепить богатого кулака и пойти к нему на содержание... Матери продают своих дочерей, а у мужей прямо так и спрашивают, по какой цене продаются их жены, и можно даже поторговаться, дорогой мой...

Мейер, всё время молчавший и сидевший неподвижно, вдруг поднялся с дивана и посмотрел на часы.

- Виноват, Павел Ильич, - сказал он, - мне уже пора домой.

Но Павел Ильич, который еще не кончил говорить, обнял его и, насильно усаживая на диван, поклялся, что не отпустит его без ужина. И Мейер опять сидел и слушал, но уже поглядывал на Рашевича с недоумением и тревогой, как будто только теперь начинал понимать его. Красные пятна выступили у него на лице. И когда, наконец, вошла горничная и сказала, что барышни просят ужинать, он легко вздохнул и первый вышел из кабинета.

В соседней комнате за столом сидели дочери Рашевича, Женя и Ираида, 24 и 22-х лет, обе черноглазые, очень бледные, одинакового роста. Женя с распущенными волосами, а Ираида с высокою прической. Перед тем, как есть, обе выпили по рюмке горькой настойки с таким видом, как будто это они выпили нечаянно, первый раз в жизни, и обе сконфузились и захохотали.

- Не шалите, девочки, - сказал Рашевич.

Женя и Ираида между собой говорили по-французски, а с отцом и гостем по-русски. Перебивая друг друга и мешая русскую речь с французской, они стали быстро рассказывать, как именно в эту пору, в августе, они в прежние годы уезжали в институт и как это было весело. Теперь же ехать некуда и приходится жить и усадьбе безвыездно всё лето и зиму. Какая скука!

- Не шалите, девочки, - повторил Рашевич.

Ему самому хотелось говорить. Если при нем говорили другие, то он испытывал чувство, похожее на ревность.

- Такие-то дела, дорогой мой... - начал он опять, ласково глядя на следователя. - Мы по доброте и простоте и из страха, чтобы нас не заподозрили в отсталости, братаемся, извините, со

всякою дрянью, проповедуем братство и равенство с кулаками и кабатчиками; но если бы мы пожелали вдуматься, то и увидели бы, до какой степени преступна эта наша доброта. Мы сделали то, что цивилизация висит уже на волоске. Дорогой мой! То, что веками добывали наши предки, не сегодня-завтра будет поругано и истреблено этими новейшими гуннами...

После ужина все пошли в гостиную. Женя и Ираида зажгли свечи на рояле, приготовили ноты... Но отец всё продолжал говорить, и неизвестно было, когда он кончит. Они уже с тоской и досадой смотрели на эгоиста-отца, для которого, очевидно, удовольствие поболтать и блеснуть своим умом было дороже и важнее, чем счастье дочерей. Мейер - единственный молодой человек, который бывал в их доме, бывал - они это знали - ради их милого женского общества, но неугомонный старик завладел им и не отпускал его от себя ни на шаг.

- Подобно тому, как западные рыцари отразили нападение монголов, так и мы, пока еще не поздно, должны сплотиться и ударить дружно на нашего врага, - продолжал Рашевич тоном проповедника, поднимая вверх правую руку. - Пусть я явлюсь перед чумазым не как Павел Ильич, а как грозный и сильный Ричард Львиное Сердце. Перестанем же деликатничать с ним, довольно! Давайте мы все сговоримся, что едва близко подойдет к нам чумазый, как мы бросим ему прямо в харю слова пренебрежения: "Руки прочь! Сверчок, знай свой шесток!" Прямо в харю! - продолжал Рашевич с восторгом, тыча перед собой согнутым пальцем. - В харю! В харю!

- Я не могу этого, - проговорил Мейер, отворачиваясь.

- Почему же? - живо спросил Рашевич, предчувствуя интересный и продолжительный спор. - Почему же?

- Потому, что я сам мещанин.

Сказавши это, Мейер покраснел, и даже шея у него надулась, и даже слезы заблестели на глазах.

- Мой отец был простым рабочим, - добавил он грубым, отрывистым голосом, - но я в этом не вижу ничего дурного.

Рашевич страшно смутился и, ошеломленный, точно пойманный на месте преступления, растерянно смотрел на Мейера и не знал, что сказать. Женя и Ираида покраснели и нагнулись к нотам; им было стыдно за своего бестактного отца. Минута прошла в молчании, и стало невыносимо совестно, когда вдруг как-то болезненно, натянуто и некстати прозвучали в воздухе слова:

- Да, я мещанин и горжусь этим.

Затем Мейер, неловко спотыкаясь о мебель, простился и быстро пошел в переднюю, хотя еще не подавали лошадей.

- А вам будет сегодня темненько ехать, - бормотал Рашевич, идя за ним. - Луна теперь поздно восходит.

Оба стояли на крыльце в потемках и ждали, когда подадут лошадей. Было прохладно.

- Звезда упала... - проговорил Мейер, кутаясь в пальто.

- В августе их много падает.

Когда подали лошадей, Рашевич поглядел внимательно на небо и сказал со вздохом:

- Явление, достойное пера Фламариона...

Проводив гостя, он прошелся по саду, жестикулируя в потемках руками и не желая верить, что только что произошло такое странное, глупое недоразумение. Ему было стыдно и досадно на себя. Во-первых, с его стороны было крайне неосторожно и бестактно поднимать этот проклятый разговор о белой кости, не узнавши предварительно, с кем он имеет дело. Нечто подобное с ним уже случалось раньше; как-то в вагоне он стал бранить немцев, и потом оказалось, что все его собеседники - немцы. Во-вторых, он чувствовал, что Мейер уже больше не приедет к нему. Эти интеллигенты, вышедшие из народа, болезненно самолюбивы, упрямы и злопаятны.

- Нехорошо, нехорошо... - бормотал Рашевич, отплевываясь; ему было неловко и противно, как будто он поел мыла. - Ах, нехорошо!

В окно из сада видно было, как в гостиной около рояля Женя с распущенными волосами, очень бледная, испуганная, говорила о чем-то быстро-быстро... Ираида ходила из угла в угол, задумавшись; но вот и она заговорила, тоже быстро, с негодующим лицом. Говорили обе разом. Не было слышно ни одного слова, но Рашевич догадывался, о чем они говорили. Женя, вероятно, роптала на то, что отец своими разговорами отвадил от дома всех порядочных людей и сегодня отнял у них единственного знакомого, быть может, жениха, и теперь уже у бедного молодого человека во всем уезде нет места, где он мог бы отдохнуть душой. А Ираида, судя по

тому, что она с отчаянием поднимала вверх руки, говорила, вероятно, на тему о скучной жизни, о сгубленной молодости...

Придя к себе в комнату, Рашевич сел на кровать и стал медленно раздеваться. Состояние духа было угнетенное, и томило всё то же чувство, как будто он поел мыла. Было стыдно. Раздевшись, он поглядел на свои длинные жилистые старческие ноги и вспомнил, что в уезде его прозвали жабой и что после всякого длинного разговора ему бывало стыдно. Как-то так, роковым образом выходило, что начинал он мягко, ласково, с добрыми намерениями, называя себя старым студентом, идеалистом, Дон-Кихотом, но незаметно для самого себя мало-помалу переходил на брань и клевету и, что удивительнее всего, самым искренним образом критиковал науку, искусства и нравы, хотя вот уже двадцать лет прошло, как не прочел он ни одной книжки, не был нигде дальше губернского города и, в сущности, не знал, что происходит на белом свете. Если же он садился писать что-нибудь, хотя бы поздравительное письмо, то и в письме выходила брань. И всё это странно потому, что на самом деле он чувствительный, слезливый человек. Уж не сидит ли в нем нечистый дух, который ненавидит и клеветает в нем помимо его воли?

- Нехорошо... - вздыхал он, лежа под одеялом. - Нехорошо!

Дочери тоже не спали. Послышались хохот и крик, как будто за кем-то гнались: это с Женей сделалась истерика. Немного погодя зарыдала и Ираида. По коридору несколько раз пробежала босая горничная...

- Экая история, Господи... - бормотал Рашевич, вздыхая и поворачиваясь с боку на бок. - Нехорошо!

Во сне давил его кошмар. Приснилось ему, будто сам он, голый, высокий, как жираф, стоит среди комнаты и говорит, тыча перед собой пальцем: «В харю! В харю! В харю!»

Он проснулся в испуге и прежде всего вспомнил, что вчера произошло недоразумение и что Мейер, конечно, уже больше не приедет. Вспомнил он также, что надо проценты платить в банк, дочерей замуж выдавать, надо есть, пить, а тут болезни, старость, неприятности, скоро зима, дров нет...

Был уже десятый час утра. Рашевич медленно оделся, напился чаю и съел два больших ломтя хлеба с маслом. Дочери не вышли к чаю; они не хотели встречаться с ним, и это оскорбляло его. Он полежал у себя в кабинете на диване, потом сел за стол и принялся писать дочерям письмо. Рука у него дрожала и чесались глаза. Он писал о том, что он уже стар, никому не нужен и что его никто не любит, и просил дочерей забыть о нем и, когда он умрет, похоронить его в простом сосновом гробе, без церемоний, или послать его труп в Харьков, в анатомический театр. Он чувствовал, что каждая его строчка дышит злобой и комедиантством, но остановиться уже не мог и всё писал, писал...

- Жаба! - вдруг послышалось из соседней комнаты; это был голос старшей дочери, негодующий, шипящий голос. - Жаба!

- Жаба! - повторила, как эхо, младшая. - Жаба!

А.П. ЧЕХОВ.

У КАМИНА

Мне часто грезится картина:
Наш бедный дом, моя семья,
Мечтая, плачет пианино...
Поёт отец, играю я.
Звучат старинные романсы,
И марши русские звучат,
То переходим мы на вальсы,
То обращаем к песням взгляд.
«Лиловый негр», - что пел Вертинский,
«Князь Игорь», - оперный фрагмент...
Но был особенно мне близкий
Романс старинный с юных лет,
Что назывался «У камина».
Он чувства пробуждал до слез.

В томящих запахах жасмина
И лепестках цветущих роз.
Я представлял большую залу,
Камин, горящий в полутьме,
В прозрачной грустной дымке даму,
И голос нежный в тишине.
«Камин потух. Одна зола,-
Строка мне в душу западает, -
Как та любовь, что отжила,
Уж никого не согревает!»...
Тот образ с детства я пронес,
В огне страстей сгорали грезы.
Камин погас, что в сердце нес!
Остались сны, страданья, слёзы!

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ ПРОШЛОГО

«На основании точнейших данных науки хиромантии предсказываю настоящее, прошедшее и будущее. Даю советы о пропавших вещах, неудачах в браке и способы разбогатеть».

Далее следовал адрес и часы приема: от 9 утра до 11 вечера.

«Нужно пойти, - подумала я. - А то живешь - ничего не знаешь. Пойду, хоть прошлое узнаю...»

Разыскала дом. Спросила у швейцара.

- У нас таких нет, - отвечал он. - Прежде, действительно, жил тут дворник, умел зубы лечить. Пошепчет в рот - зуб и пройдет. Многим помогал. А теперь он на Фонтанке, а какой номер дому, я знать не могу, потому что с меня этого не спрашивается. А если вам знать требуется, где квартира номер тридцать два, так прямо вам скажу, что во дворе, налево, шестой этаж.

Я пошла во двор, налево, в шестой этаж. Лестница была корявая и грязная. Кошки владели ею беспредельно. Они шныряли вверх и вниз, кричали как бешеные и вообще широко пользовались своими правами. Дверь, за которой предсказывают прошлое, была обита грязной клеенкой и украшена нелепым звонком, болтавшимся прямо снаружи.

Кто-то открыл мне и быстро шмыгнул в другую комнату.

- Пожалте-с сюда! - тихо заблеял простуженный голос.

Я пожаловала.

Комната была маленькая, в одно голое окно. Железная кровать, закрытая вместо одеяла газетной бумагой, два стула и ломберный стол. Над столом прикреплен булавкой к стене лист бумаги, с нарисованной на ней пятерней.

Хозяин стоял и грустно меня разглядывал. Он был очень маленький, с очень большим флюсом, перевязанным черным платком, торчащим на затылке двумя заячьими ушами.

- А, понимаю! - сказал он вдруг и улыбнулся, сколько позволял флюс. - Понимаю!.. Вас, вероятно, прислала ко мне графиня Изнарская?

- Нет, - удивилась я.

- Ну, в таком случае княгиня Издорская?

- И не княгиня.

Он не был поражен таким ответом и как будто даже ждал его. Выслушал с интересом и спросил еще, словно для очистки совести:

- В таком случае, наверное, баронесса Изконская.

И тут же прибавил с достоинством:

- Это все мои клиентки. И полковник Иванов - вы знаете полковника Иванова? - тоже приходил советоваться со мной, когда у него украли чайную ложку. Чистейшего серебра. С пробой. По пробе все и искали сначала... Чем могу служить? Настоящее, прошедшее или будущее? Позвольте вашу левую ручку. Которая у вас левая? Ах да, виноват, эта. Они, знаете, так похожи, что даже мы, специалисты, часто путаем. Позвольте рассмотреть линии. Гм... да. Я этого ожидал! Вы проживете до девяноста... да, совершенно верно, до девяноста трех лет и умрете от самой пустой и безопасной болезни - от отравления карболовой кислотой. Остерегайтесь пить карболовую кислоту в преклонных годах!

- Благодарю вас! - сказала я. - Только я больше интересуюсь другим вопросом...

- Понимаю! - перебил он. - Для того, чтобы я понял, достаточно самого легкого намека. Вас беспокоит мысль о той вещи, которая у вас пропала на днях!

Я стала вспоминать, что у меня пропало: булавка от шляпы, последний номер журнала «Аполлон», перчатка с правой руки...

- Эта вещь была вам дорога и необходима, - я вижу это по линиям вашего указательного пальца.

Положительно, он намекал на перчатку. Она была действительно очень нужна, и я, разыскивая ее, полезла даже под шкаф и стукнула лоб.

- Вам бы хотелось знать, где теперь эта вещь! - пророческим голосом продолжал хиромант.

- Да! О-очень!..

- Она вам возвращена не будет. Но благодаря ей будет спасено от голода целое семейство. И оно будет благословлять ваше имя, даже не зная его!

- Несчастные!

- Теперь скажу вам о вашем прошлом. Вы были больны.

Я молчала.

- Не очень сильно.

Я молчала.

- И довольно давно. Еще в детстве.

Я молчала.

- Но несерьезная болезнь. Я же говорю, что несерьезная, - оправдывался он. - Так, какие-то пустяки! Голова, что ли, болела... и недолго. Что там! Какой-нибудь час. И еще должен вам сказать, что в вашей жизни сыграли некоторую роль ваши родители: проще скажу - мать и отец. А еще мне открыто, на основании ваших линий, что у вас очень щедрая натура. Если вы только заметите, что человеку нужны деньги, уже вы сейчас все ему отдадите.

Мы помолчали некоторое время - он вопросительно, я отрицательно.

Потом он захотел огорчить меня. Он поднял голову вверх и, трясая заячьими ушами, ехидно сказал:

- Замуж вы никогда не выйдете!

- Ну, это положим!

- Как «положим»? Мне по линиям шестого сустава безымянного пальца...

- Врет вам шестой сустав. Я давно замужем.

Заячьи уши уныло опустились.

- Как же вам еще раз выходить. Тем более, что даже смерть вашего мужа не обозначена на ваших суставах. Он доживет до девяноста двух лет и умрет от такого пустяка, что вы даже и не заметите. Но для вашего мужа очень опасны пожары. В огне он очень легко загорается...

- Благодарю вас, мы будем осторожны.

- И вообще, остерегайтесь всяческих несчастий - это мой вам совет. Ушибы, увечья, заразные болезни, потеря глаза, рук, ног и прочих конечностей, со смертельным исходом, - все это для вас чрезвычайно вредно. Это все, что я могу вам сказать на основании научных исследований вашей руки, называемых хиромантией. Один рубль.

Я заплатила, поблагодарила и вышла.

Он стоял на лестнице - одно заячье ухо вверх точно прислушивалось к моим шагам, другое - упало вниз, безнадежное. Он долго смотрел мне вслед.

- Поблагодарите от меня графиню Задольскую! - вдруг крикнул он сверху.

- Что-о? - подняла я голову.

- Баронессу... за рекомендацию. И княжну тоже...

Слегка прищурив глаза, он гордым взглядом окинул двух пегих кошек, примостившихся у самого порога. Вы, мол, твари, понимаете, кого пред собой видите?

- Непременно! - ответила я.

Я понимала, что раз нас слушают посторонние, то нужно быть деликатной.

Кошки переглянулись...

Надежда ТЭФФИ.

*Нет ничего чудовищнее того,
что мы можем внушить себе сами.*
Бернард Шоу.

14-1-2016 Коллеге на день юбилея:

Спадает снег с колючих лап еловых,
На белом плюше блёстки серебра...
В глуши таёжной в сумерках лиловых
Весёлых радуг дивная игра!

А в нашем парке хитрая сорока
Оповестила всех про юбилей...
И незабудка расцвела до срока,
И стало вдруг светлее и теплей.

Уже январь - недалеко до лета,
Не кутай плечи в беличье манто...
Сегодня ты, Лилёк, звезда балета,
Прелестная капризница Ватто...

Носить алмазы на атласной шее -
Какая, право, блажь, галиматья!
Богатство есть нетленней и важнее
И у тебя, мой друг, и у меня!

И коль тебя Лилеей нарекли,
Цвети! Желая счастья! Натали.

Н.П. Гребенюкова. Хабаровск.

Евгений Новицкий

- ПОЭЗИЯ -

Святой Николай

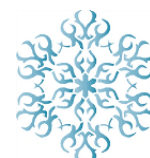
В старинном городе Патары,
Где Богу Николай служил,
В убогой маленькой хибаре
Один старик с семьею жил.
Был очень беден этот старец,
Одно богатство и имел:
Трёх юных дочерей-красавиц,
Которых вырастить сумел.
Они частенько голодали,
И за такую нищету,
Их все патарцы презирали,
И обходили за версту.
Старик не верил в чью-то помощь,
И только горестно вздыхал,
Но как-то раз, в глухую полночь,
В окошко кто-то постучал.
Бедняк вскочил и в лунном свете
Увидел, что лежат у ног
Блестящей россыпью монеты,
А рядом - толстый кошелёк.
В другую ночь всё повторилось,
А в третью ночь старик не спал:
Хотел узнать он, кто же милость
Ему такую оказал.
Вот тихо скрипнуло оконце,
И кошелёк на пол упал.
Старик, увидев незнакомца,
За ним вдогонку побежал.
От счастья слёзы проливая,
Он благодетеля догнал
И в нём - святого Николая
С великой радостью узнал.
Старик Святителя прославил
За то, что милостью своей
От тяжкой бедности избавил
Его и юных дочерей.
С тех пор традиция такая
Установилась в декабре:
На день святого Николая
Дарить подарки детворе.
И если будешь ты примерно
Себя вести, то так и знай:
К тебе с подарком непременно
Придёт Святитель Николай!

Евгений Валерьевич
Новицкий. Украина.

Мерцают звезды в вышине ночной,
Налитые ледяным тусклым светом,
И кажется, их мертвенный покой
Ничто не потревожит в мире этом.
Соцветием опаловых очей
На дольний мир взирают равнодушно,
И сам он в ореоле их лучей
Рисуется холодным и бездушным.
Но лишь коснется огненный рассвет
Волшебной кистью края небосклона –
Померкнет звезд голубоватый свет
И скроются они в небесном лоне.

Закатилось солнце за вершины
Утомленных зноем синих гор,
Ночь сошла в кипящую долину,
Развернув над ней свой омофор.
И все то, что радовало око
В ореоле солнечных лучей,
Растворилось в сумраке глубоком,
Как в реке играющий ручей.
Лишь огни пастушеских костров
Да литые гроздьи звезд-опалов
Расшивают бархатный покров
Сетями узоров небывалых.

Из псалма 8

Когда взираю я на небеса,
Дивясь величию Твоего творенья,
Душа трепещет в радостном волненьи
И неземные слышит голоса.
Скажи, что пред Тобою человек,
Что к Своему вознес его порогу,
Пред ангелами умалив не много,
С Собой поставив царствовать вовек?

*Позволь каждой ошибке научить тебя великому уроку:
каждый закат - это начало яркого и большого рассвета. Шри Чинмой*

ОТОРОПЬ*

Через заросли красно-бурых кустарников, тоненьких блестящих осинок-берёзок мы вошли в зимний лес. То была опушка, воротничок леса. Но здесь деревья степенные высокоствольные. Остановитесь, прислушайтесь к своему дыханию. Воздух свежий студёный. Чистым снегом пахнет. Хорошо!

Славный снег выпал, мягкий пушистый. И целёхонькие снежинки россыпями бриллиантов светятся, сверкают, искрятся, несмелый ветерок, шёпотом гуляющий среди деревьев, их легче пуха подхватывает и бережно опускает. А бывают снежинки, как крупка, они белыми рыхлыми градинками выпадают, как сахарная пудра, как мерцающие звёздочки, как мохнатые пёрышки, такие художники на картинах любят изображать, но эти - самые красивые, ажурные лучистые - из детства, тогда, упав на ладошку, они казались огромными и сказочными, но, к великому огорчению, тихо истаивали и растворялись.

Солнечно, но оттепелей и сильных ветров не было, оттого не взяли снега корочкою наста. В сугробах снег тоже разным бывает: воздушным, шелковистым, бархатным, колючим, жёстким, клёклым, воглым, - не счесть, всевозможным. А какие разные случаются снегопады: глухие отвесные, косящие наклонные, карусельные, а ещё - слепящие метели и хлёсткие метелицы, разгульные выюги, тоскливые завирухи, заверти, замети, позёмки... Ух, попал я в снежные передраги, - как-нибудь расскажу, если не очень торопитесь.

Сегодня снег радостный. Праздник, а не снег.

Дробинки следов видите? Эту строчку мышонок оставил. Пробежал немного, припорошенные сухие былинки понюхал, развернулся, чиркнул тонким хвостиком пышный снежок, заспешил дальше и нырнул в рыхлую норку. Сейчас он под снегом, - в придавленных опавших листьях у него лабиринты проходов и уютное круглое гнёздышко, выстланное мягкими сухими травинками и пушинками увядших цветов. С одним таким мышонком я дружил...

Много лет назад работал на таёжном Севере учителем. Там настоящая тайга начиналась сразу за домами посёлка лесорубов. После школы, а иногда и до уроков, я ходил в таинственные чащи. Ступал по мягкому толстому, годами нараставшему, ковру осыпавшихся пихтовых иголок, - идёшь, затаив дыхание, потому что шагов своих не слышишь. Бродил дивным таёжным ручьём, вода в нём чистая-чистая, и гладкие камешки на дне словно колыхаются, пытаются обогнать один другого.

А однажды я заблудился. Когда неблизко уходил, старался придерживаться чуть приметной тропинки, набитой охотниками к дальним озёрам и зимовью. Но тут увлёкся табунком рябчиков, всё время отлетавших от меня, стал за ними продираться через цепкие кусты, обходить завалы рухнувших деревьев, вывернутых корней, и заплутал. Был конец октября. Небо мерклое. Меленькие снежинки мельтешат. Знобка мне стало. Решил в посёлок возвращаться. Пытаюсь на тропку выйти, да найти не могу. Стараюсь одного направления держаться, пробираюсь сквозь дебри, а вновь свои же рыхловатые следки на снежной порошнице вижу, - оказалось, что круги наворачиваю... Всполошился. Неужто в тайге ночевать придётся? С собою даже спичек не взял, обут в ледяные сапоги, ноги стынют. Назавтра у меня - день рождения, двадцать пятое. Вот попал... А может, попытаться выйти по своим следам, - рассуждаю, - пока их ещё не совсем присыпало. Разворачиваюсь и по едва различимым отпечаткам резиновых сапог начинаю распутывать собственные блукания.

Долго ли коротко, а вышел-таки на знакомую тропиночку. И едва успел, потому как запорхали большие лохматые снежинки, и натопанное мною скрылось, исчезло в белом саване. От сумятицы и беготни распалился, вымотался. Сел, привалился спиной к лиственнице, ладони в рыхлый снежок опустил, а там кустики брусники, а на них твёрдые шарики. Коченелыми пальцами веточки прочёсываю и мёрзлые ягодки с чистым снегом в рот отправляю. И так мне хорошо стало! С кем бы радостью поделиться? Тут-то он и появился. Лесной мышонок. Тёмный на снегу, кругленький. Нащупал в кармане батончик с изюмом, в школе купленный, отламываю кусочек, протягиваю зверушке. Подумав, тот подбегает, осторожно нюхает, доверчиво берёт угощение в маленькие лапки и быстренько уносит под ворох опавших листьев. Покрутившись, пошуршав в своей крохотной берложке, возвращается. Немного погода от моего батончика ничего не осталось.

Из смурого ненастного неба лохматый снег полетел охапками. Я попрощался с маленьким приятелем и поспешил домой. Снегопад усиливался, густел, а когда я подходил к посёлку,

стал таким плотным, что вытянутой руки невозможно увидеть. Ночью я сочинял письмо девушке Люсе о первом снеге и забавном мышонке. Любимая связала и подарила мне красивый шерстяной пуловер солнечного цвета, он меня грел, в печке потрескивали, шипели и пищали сырые поленья, пахло смолою, а снег за мокрым окном всё падал и падал. Но утро было восхитительно погожее, лучезарное.

С хорошим настроением отведя уроки, купил два батончика с изюмом, и заторопился в заснеженные кущи. Рыхлый снег был по колени, но я бороздил его не хуже вездехода. Смог найти вчерашнюю лиственницу. Под нею на первоснежье увидел бисерные тропочки моего дружка. Через малое время он и сам объявился, узнал меня, подбежал и привстал на задние лапки. Один батончик я покрошил ему, другой съел сам. Так и отметили мой двадцать второй день рождения. Мышонок был внимательным и отзывчивым собеседником...

Я ещё с неделю приходил к маленькому другу, приносил лакомство. Конечно, я считал себя серьёзным взрослым человеком, в тайгу ходил вовсе не для этих встреч. В руках у меня были то ружьё, мечтал добыть царственного глухаря, то спининг с удочкой - на благородного тайменя. Но в трофеях случались только рябчики, да хариусы. Потом повалили непросветные дремучие снега. А когда погода наладилась, раза три пытался найти ту лиственницу, и не отыскал. Огорчался, успокаивал себя, что в норке под пухлой снежной периной крохотному мышонку должно быть тепло, а запаса моих гостинцев хватит надолго.

Давно была та история. Девушка Люся стала моей женой, - получив в подарок вязаный ею пуловер, посчитал, что просто обязан жениться. Я уже не пишу простодушных писем. Некому. Но иногда сочиняю наивные рассказы. Будто бы с кем-то беседую. Как с тем чутким мышонком в тихой тайге на снегу под высокой лиственницей, сбросившей до весны свою хвою.

Ну вот, опять вы куда-то спешите. Понимаю. Не до беспечных прогулок. Дела. Да и эка невидаль - лесные мышки. А они, между прочим, в отличие от полёвок и серых домашних, замечательны незаурядной сообразительностью и бесподобным проворством, даже по деревьям умеют лазать.

Александр Герасимов.

2014 г. г. Калининград

*Это слово, как известно, имеет много значений, в том числе: замешательство, растерянность, недоумение, изумление... (Примечание автора)

Тридцать первое

Крадя минуты и потери
Надежды, радости и злость
Стучится робко в окна, двери
Последний, бело-серый гость.

Возьми - печали и волненья,
Лишений грусть и боль утрат,
Мои пустые сновиденья
И тени почерневших дат.

Не забирай лишь расставанья
И теплоту случайных встреч,
Несбывшиеся ожиданья
Позволь оставить и сберечь.

И уходя, за снежной кромкой
Сомненья все отбросив прочь,
Пришей невидимой иголкой
К метели сказочную ночь.

Евгений Кульба. Россия.

ТИХО ПАДАЕТ СНЕГ

Тихо падает снег. Вся Россия сейчас пелена
В яслях нового дня.

В них положен Предвечный Младенец.
Свет нисходит с небес. И молитва во храмах слышна,
Что когда-то слагал светлоликий Давид Псалмопевец!

Тихо падает снег. Богомольцы сегодня волхвы.
По российским снегам,
как по чёрным камням Палестины,
Всё идут и идут, покоряя поля и холмы,
Подставляя ветрам свои добрые души и спины.

Тихо падает снег. Наступает уже Рождество.
Над Россией моей Вифлеемская звёздочка светит.
Наш Небесный Отец воплотился! По воле Его
В эту дивную ночь все на свете немножечко дети.

Алексей Гушан. Россия.

*Не важно, кто напротив.
Важно, кто рядом.*

Ручеёк

В ранней молодости отец Тимофей работал печатником: центральные газеты печатал. И вот как-то появляется под потолком ротационного цеха растяжка: «Увеличим производство на три процента». В честь очередной годовщины социалистической революции. Тимофей спрашивает начальника цеха, как мы можем увеличить производство на три процента, если тираж изданий строго ограничен, и всякий перерасход бумаги приводит к взысканиям и денежным вычетам. Начальник цеха махнул рукой: мол, отстань.

Через неделю добавляется новый призыв: «Увеличим на четыре процента» по поводу съезда не то партии, не то профсоюзов. Тимофей снова спрашивает, а ему снова: отстань.

Однако третье воззвание, появившееся в связи с юбилеем союза молодежи, привело молодого человека в полное недоумение: добавилось еще три процента, и выходило, что в сумме надо было перевыполнить план аж на десятину. Он растерялся: куда выбрасывать тонны лишних газет?

Ему объяснили, что выбрасывать ничего не придется, и ни одной лишней газеты никто не напечатает, но поддерживать «передовые починь» надо: глядишь, выиграем «социалистическое соревнование» и получим вымпел. Чистой воды лицемерие и фарисейство. То, что, по мнению отца Тимофея, со временем и развалило социалистическую державу. Однако молодой печатник отказывался понимать общепризнанный политекс.

Впоследствии, учась в семинарии, Тимофей познакомился с жизнеописанием Ростовского митрополита Арсения, известного дерзкими выступлениями против императрицы Екатерины, разорявшей монастыри, и очень полюбил этого необыкновенного владыку. Кстати говоря, для Тимоши отыскалась и своя Екатерина - секретарь комсомольской организации Катька, устроившая собрание.

Наборщица Катька собиралась вступать в партию. И все у нее для этого было: женщина, рабочий класс, из комсомола, - прямым путем без затруднений. Но ей хотелось чего-нибудь возвышенного, громкого, хотелось идеологических достижений. Вот и взялась она за Тимофея. Дескать, был порядочным человеком: организовал клуб туристов и водил молодежь в походы; возглавил эстрадный оркестр, под который проходили все праздники, и сам прекрасно играл на аккордеоне, особенно, песни военных лет, - а потом вдруг опустился до предательства. Обличала, обличала его с трибуны, и все очень высоким штилем: насчет морали, идейности, а он, сидя в каком-то ряду, слушал. Потом призвала его встать и спросила:

- Ты что, против линии Центрального комитета нашей организации?

Парень пожал плечами:

- Ну, а если эта линия - полная глупость?

И Катька сорвалась на визг:

- Комсомольский билет на стол!

Билета у Тимофея при себе не было, и он молчал, не понимая, что надо делать.

- На стол! - еще раз взвизгнула Катька, глаза ее победно блистали...

И тут в наступившей тишине из глубины зала вылетело:

- Ты что-ль ему этот билет давала?

Все обернулись: в дверях стояли несколько чумазых печатников совсем не комсомольского возраста. Собрание было открытым, и они пришли поддержать своего. И вот единственная в этом мужском цеху работница возразила комсоргу...

Катька в ответ переспросила:

- А что: ты что ли давала?

И это было неосторожно с ее стороны: русский язык, как известно, безгранично щедр на двусмысленности.

Работница вновь:

- А ты давала?

Зал содрогнулся. Это был не хохот, это были рыдания. Причем, как только они затихали, как-бы слышались, всплывали, - все те же встречные вопросы двух типографских тружениц, и рыдания снова охватывали зал. Тимофей стоял посередине и, поворачиваясь то к одной, то к другой, ждал, чем дело кончится. Народ, исплакавшийся от смеха все слезы, стал расходиться.

С Катькой случилось то, что случилось бы с полководцем, который, призывая воинов к смертной битве, выехал перед ними на белом коне, указал саблей в сторону неприятеля, и вдруг неуклюже свалился бы в грязь.

И хотя собрание завершилось пустым весельем, в протокол было вписано «единодушное осуждение» с передачей личного дела в райком.

Однако через несколько дней, как раз во время Тимошкиной смены, на первых полосах всех газет появилось сообщение об освобождении от должности первого секретаря того самого Центрального комитета, с линией которого Тимофей был не согласен. Печатники хлопали его по плечу, Катя заискивала и шептала: «Ну, если у тебя наверху свои люди, и ты все знал заранее, предупредил бы, чтобы не выставлять меня в неприглядном свете». Но никаких связей у Тимошки не было - он вообще воспитывался в детском доме.

Директор издательства пригласил к себе в кабинет, где у него гостил приятель космонавт. Рассказал о Тимошкиной принципиальности, и космонавт, слегка нагрузившийся коньяком, одобрил:

- Такие люди партии очень нужны - они, как прозрачные ручейки, вливающиеся в мутный поток. Я прямо сейчас готов дать рекомендацию.

- Слабый из меня ручеек, - вздохнул Тимофей и попросил отпустить его, надо было работать.

- Твое здоровье, - сказал космонавт, поднимая фужер.

С этого времени Тимошка стал неудержимо стремиться поближе к сущности бытия, чтобы, значит, без фарисейства.

Так, собственно, он и стал отцом Тимофеем.

свящ. Ярослав Шипов.

*Мудрости не учишься у других, к ней приходишь сам,
вставая на ноги после каждого нового удара судьбы.*

Глоблю воздух пересохшими губами,
Ещё рыбок – и поднимусь на пьедестал.
И вдруг дорожка закачалась под ногами,
И двух шагов я до черты не добежал.

Волной пронёсся по трибунам долгий ропот:
Надежды зрителей бегун не оправдал.
И фотокамер беспристрастный громкий шепот
Соперника на пьедестал сопровождал.

И, как из капель возведенный в детстве замок,
Мечта о славе превратилась в горсть песка.
И зачастила в дом незваной гостьей дама
Со звучным именем Мадмуазель Тоска.

Друзья остались лишь в альбомах фотографий,
И телефон будить звонками перестал.
Скрипел уныло придорожный пыльный гравий,
Когда бесцельно по нему один шагал.

И вот однажды загорелся в небе вечер,
Рассыпал искры звёзд по тёмной синеве,
И свет от них цветной росой упал на плечи,
Легко и радостно так стало снова мне.

Поблекли краски на картинах снов печальных,
Душа, пленённая небесной красотой,
В одеждах светлых приняла венец венчальный,
Соединилась с благородною мечтой.

3.08.2011 г. г. Херсон. *прот. Василий Мазур.*

А ты твори ...

А ты твори не ради поощрения,
По нотам, словно клавиши нажав,
А ты дари любимым вдохновение,
В ладонях птицу счастья удержав,

Пусть не надолго, легкое мгновение,
И так, отправив радостную весть,
Придет добра простое умножение,
Найдется отклик, добрых дел не счесть.

И полетят они по белу свету,
Кого-то утешая, жизнь даря,
Опорой станут, дружеским советом,
Словами и делами говоря.

А ты живи, довольствуясь немногим,
Богатство- это мир твоей души,
Сокровищниц несметные чертоги
Откроются. Ну как же хороши

Все те, в ком жизни искорка сияет,
Кто делится теплом своей души,
С любовью вдохновеньем согревает,
А ты твори на радость, ты пиши.

27.01.16.

Ирина Журавлёва
Сайт «Свете Тихий»

Молчание - громче крика.

БУМАЖНЫЕ СТЕНЫ

"Стучите, и вам откроется"

Небольшой сиднейский домик, который снимали Климент и Маруся Тряскины, принадлежал местному миллионеру Головану. С некоторых пор хозяин вздумал разделить свою рухлядь на две квартиры. Поскольку Тряскиных было двое, Голован перевел их в переднюю часть, где окна смотрели на главную улицу. А в образовавшейся каморке, что упиралась в заросли заднего двора, поселил престарелого дьякона.

Частенько слышал дьякон разговоры за стеной. И рад бы не слышать, да стены в Головановом доме, точно бумажные... доносится даже шорох газеты.

- Хороший дьякон, - вздохнула иногда Маруся, - тихий, и нраву кроткого... не то, что ты...

- Уж больно он застенчив, - обиженно бурчал в ответ Климент. - Жди... так он тебе и выйдет во двор! Как есть, отшельник.

- А ты зачем в отставку раньше времени подавал? Чтобы меня поедом есть от скуки?

Климент в сердцах бросал газету на стол. Начинать говорить что-то едкое, но удушливый кашель часто заглушал его слова. Тогда он, задев плечом стену, выходил во двор: не хотелось признаваться самому себе, что со здоровьем - дело дрянь, а не то он с радостью вернулся бы...

Так и сегодня. Он достал в садовом сарае лопату - не привык сидеть без дела - и направился в сторону клумбы. И пошатнулся. Почти сразу распахнулось окно:

- Никак ошалел! - раздался голос Маруси. - А ну, как опять хлынет... Что я потом с тобой..? - она не договорила, уронила голову на руки и расплакалась.

Климент бросил лопату. Запустил руки в карманы, пошарил, но сигареты куда-то запропастились...

- Маруся, а, Маруся! - прохрипел он, - никак опять спрятала?!

Жена не поднимала головы.

За углом дома скрипнула дверь, на дорожке показался дьякон. Хоть и отшельник, а всё же умел вовремя появиться.

Климент повернулся к нему за поддержкой.

- Отец Клеопа, выручай: хоть бы раз она сжалилась...

Дьякон разом остановился. Удивлённо вскинул глаза. На прозвище не обиделся. Привык уже - что ни день, то новое... Понимает, что сосед не зла, а так - по доброте своего озорства. Он постоял, опустив голову. И вдруг спросил, забавно напирая на "О":

- Тебя - что, мало треплет? Захотелось больше? Что ж, вольному воля, кури.

Климент любил говорок соседа. Но при упоминании курева круто повернулся и пошёл прочь.

- Что-то непонятное с ним творится... - точно извиняясь, тихо проговорила Маруся.

Дьякон молча подошёл к окну. Устремил на женщину долгий, печальный взгляд, на глаза его навернулись слёзы.

- Эх, да что там... - проговорил он со вздохом, - с ним и так всё ясно!

Затем повернулся и пошёл к себе.

На другое утро Климент устроился в кухне за крохотным столиком, под самым окном. Несмотря на мучительный кашель, курит. Сидит, во двор поглядывает: авось, повезёт - сосед выйдет? И рад бы изловить дьякона, перекинуть с ним пару слов, да где там! - прячется отшельник в своей келье, иногда целыми днями не показывается. И всё же... куда бы тот ни надумал отправиться, мимо Климентовых окон незамеченным не пройти, не проехать.

Климент не знает толком, как зовут соседа.

- Маруся, а, Маруся: как его там... отец Фёдор или Феодул?

- Никак опять забыл? Горе ты моё луковое...

- Ладно уж, что за беда! Сам придумаю имя.

- Да уж, на выдумки ты мастер, - рассмеялась Тряскина.

Климент не выдержал ожидания. Вышел во двор, поплёлся к цветочной клумбе. Полил розы, затеял было ромашки сажать. Вдруг у калитки мелькнула знакомая фигура.

- Доброго тебе дня, отец "Клеопа"!

- Какой тебе день? Ещё Божие утро, - дьякон потоптался нерешительно на месте, повёл носом - и вдруг разговорился...

- Курить-то бросай. Пакостное зловоние развёл. Испортил мне обоняние, даже розочек твоих не чую...

- Волжанин, что ли? - обрадовался собеседнику Климент.

- Не отводи в сторону... Курить, говорю, бросай.
- Это ещё почему?
- Так ведь слышу, как тебя кашель треплет. Грех один...

Климент рассмеялся.

- Что ещё за "грех" ?

- А кабы не грех, так и родились бы люди с этакой дыркой для трубки. Бросай, говорю.

- Ты мне, отец Клеопа, лучше другое расскажи: почему русские люди у себя на родине жить не могут? Сколько им ещё...

Кашель снова заглушил слова Климента. Дьякон опустил голову.

- Тоже грех... Знать, Господа сильно прогневали...

- Ну и политика у тебя... - смех Климента вызвал новый приступ кашля.

- Стар я для политики, да и прост, - вздохнул дьякон; помолчал, и вдруг добавил: - И ты не лжемудрствуй. А курить-то всё же бросай.

С тех пор так и повелось: встречает Климент - в кои-то веки! - соседа, а тот опять за своё: - "Бросай", "окает", да и всё. Климент отшучивается и дружески хлопает дьякона по плечу.

Прошло года три. За это время Климент заметно изменился - исхудал, осунулся, лицом потемнел, в глазах поселился тревожный блеск. Болезнь уносила последние силы; теперь он чаще и сильнее задыхался, но курил... Курил больше прежнего. Временами, словно чувствуя в аромате цветов облегчение, подолгу простаивал возле клумбы.

Заслышав знакомое "окание", Климент неизменно оживлялся. Но он уже не спешил навстречу дьякону. Только слегка приподнимал пальцы к несуществующему козырьку, которого сроду не носил. И тут же его рука падала...

Как-то дьякон подошёл сам.

- Опять Божий мир коптишь... От тебя скоро птахи передохнут: смердишь, аки гиенна огненная. Посмотри на себя... - лик твой увял! К тому же отвечать за свою страсть придётся. Брось курить!

- Хм! А я думал, что ты, батя, смиренный... - пытался отшутиться Климент и беспокойно отвёл глаза.

Оба замолчали. Дьякон что-то чертил носком ботинка на земле; вдруг он поддал ногой окурок - много их валялось возле клумбы. Климент понял без слов.

- Эх ты, отец Клеопа... Думаешь, легко это? Я же курю с десяти лет. Мой батя вот, тоже был дьяконом... да только рано умер. Слишком рано. Мне и года в ту пору не было. Матери трудно пришлось: пятеро детей, а я - младший... пороть некому. Правда, мать была строгая. Спасаясь от её глаз, я убегал с мальчишками на Амур. Плавали «стойкой», чтоб не намокли спрятанные в кепках сигареты...

- К врачу ходил? - неожиданно прервал дьякон.

Климент вздрогнул, точно его хлестнули, и тряхнул головой: ни за что!

- Аль ты опупел?

Климент не выдержал:

- Послушай, отец Клеопа: как я могу быть уверен, что ты мне правильно говоришь? Ты - дьякон: тебя заботит только грех. А ты вот возьми и докажи... Докажи, что это грех.

Дьякон вздохнул, хотел что-то сказать, но махнул рукой и, опустив голову, пошёл к себе.

Ночью мешал заснуть надрывной, свистящий кашель за стеной и озабоченный женский голос. Дьякон встал, подошёл к божнице и тихо опустился на колени. Молитву прервал лёгкий стук в окно.

- Кто здесь бродит в непотребное время, аки страх в ночи? - горестно вздохнул дьякон, глядя в темноту.

Климент, словно в ознобе, проговорил.

- Прости, отец Клеопа... Мне сейчас приснился очень странный сон. Представляешь, я сплю... и - во сне! - мне захотелось курить. Ну, я того... полез за пачкой сигарет в карман. И вытащил... Нет, ты представляешь... я вытащил из кармана икону Святителя Николая. Вот такую...

Дрожащей рукой Климент протянул дьякону бумажную иконку, размером с ладонь.

- Это же он... Это же мой любимый...

Дьякон уставился на протянутую руку и часто заморгал - всё же тьма, аки в преисподней, не видать ни зги! Он поднёс свечу и снова уставился на руку Климента. И вдруг отпрянул. С трудом овладел собой и сокрушённо покачал головой:

- Неразумен ты, аки осля. Ты же сам вопрошал, всё хотел доказательство. Вот и получил ответ...

Климент растворился в ночной мгле. Дьякон снова подошёл к божнице - и уронил голову на аналой.

Тряскины не могли уснуть до рассвета, - из каморки отца Клеопы доносились всхлипывания, тихие слова молитвы, время от времени слышалось, как он поминал имя раба Божьего Климента.

Тамара Малеевская.

Брисбен 2016 г.

Интересно знать!

Писателю было не по душе его имя Джордж, поэтому он часто представлялся как **Бернард Шоу**.

Мало кому известно, но Бернард Шоу соединял несоединимое - он увлекался боксом и даже принимал участие в спортивных соревнованиях.

Как и стоило ожидать, он в 1925 году отказался от денежной части Нобелевской премии по литературе. Это событие он назвал знаком благодарности за то облегчение, которое испытал мир, когда он ничего не напечатал в том году.

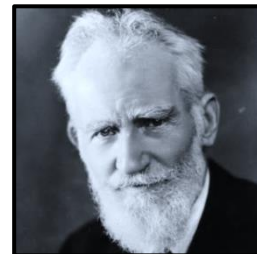
Когда у Шоу спросили, какие 5 книг он бы взял на необитаемый остров, писатель незамедлительно ответил, что взял бы 5 книг с чистыми страницами.

В свое время драматург увлекался машинами и очень любил ездить за рулем.

Писатель скончался в 94 года, после того как упал со стремянки во время обрезки деревьев.

Юмора этой неординарной личности не занимать. Именно за невероятный талант, честность, искренность и здоровый цинизм этот писатель стал источником мудрости и вдохновения для многих поколений драматургов, сценаристов, писателей и читателей.

«Теперь, когда мы научились летать по воздуху, как птицы, плавать под водой, как рыбы, нам не хватает только одного: научиться жить на земле, КАК ЛЮДИ». **Bernard Show**.

8 ФЕВРАЛЯ

Есть некий торжественный звук
В холодном февральском рассвете,
Когда пробуждается вдруг
Мечта о тепле и о лете.
Еще далеко до весны,
И будут метели и стужи,
Но стали мятежнее сны,
И утро светлее снаружи.
Предвестник встревоженных снов
Еще так неясно озвучен,
А снежно-ледовый покров
По-прежнему долог и сучен.
Но сердце уже на заре
Не зимние слышит мотивы,
Весна говорит в феврале:
«Нет смерти. Проснитесь. Все живы!»

Владимир Невярович. Москва.

Желанное

Желанное, к нам в гости запоздав, -
Мечтами ум и сердце наполняя,
Влечёт к себе, как добрый отблеск рая,
Как в чистом небе новая звезда.

Желанное, покуда далеко, -
Считать своим в надеждах робких смея,
Взираем на него, благоговая,
Забыв о самолюбии легко.

Когда же воздаянием за труды
Желанного реальность наступает, -
Вкусив, душа к нему охладевает
И не хранит заветные плоды.

Желанное, обыденностью став,
Высоких чувств не будит, что не странно:
Мы пленены давно другим желанным,
Былому постоянством не воздав...

прот. **А. Зайцев.**

17-19 .11.2010 г. Россия.

ПАМЯТНИК

- База! База! Я Геолог! Не слышу вас!

- Геолог! Геолог! Сдвиньте стрелку на пару делений впра... Нее...!

Кажется, влево! Черт! А может быть вправо? Вы куда сдвинулись-то?

Побудьте на связи. Мне надо сбегать тут...

Радист быстро закутался в простыню от тучи назойливых комаров, злобно жужжавших за дверью радиорубки, и кинулся из дома, как в пропасть, в досчатую будку с намалёванными оранжевой краской двумя нулями.

Об этой будке необходимо сказать отдельно несколько слов. Как только группа изыскателей из интеллигентного города Ленинграда появилась на территории бывшего тюремного лагеря, она обнаружила её страшно загаженной. Туалетов за колючей проволокой не предусматривалось, как и во всём приполярном городишке, бывшем чукотском поселении на десяткок чумов. Геологи тот же час вырыли яму, поставили над ней наспех сколоченную будку и начертали на ней два нуля. Успех сего заведения был оглушительным и несколько неожиданным. Так как вскоре к сооружению выстроилось, чуть ли не всё население городка, месту невиданному в этих местах, раритетному...

- База! База! Вы пропали! Когда рейс будет? Продукты? Мы начали есть мышей! Горьких мальков. Вы меня слышите..?

- Геолог! Геолог! Отлично слышу вас! Но рейса в ближайшие дни не будет. Послушайте лёгкую музыку.

Пять человек геологического отряда, окружив чёрный ящик радиации, сидели в темноте палатки, за триста километров от базы, и слушали джаз с унылыми лицами. Вот уже неделю повторялась одна и та же музыка. Геологи умоляли базу срочно забросить им продукты, а в ответ получали по радиации только порцию лёгкого джаза. На дворе стоял июль 1952 года. Восемь геологических отрядов были раскиданы по обширной территории Западной Сибири. И только у двух отрядов имелась связь с базой - были радиации.

- Ну что ж, - виновато пробормотал начальник отряда, - давайте в маршрут собираться. Далеко заходить не будем. Экономим силы...

Несколько минут стояла тишина, прерываемая огорчёнными вздохами членов отряда.

В эти же часы на огромной территории Севера Западной Сибири, - от Уральских гор на западе и р. Енисей на востоке, а на севере до побережья Карского моря, - выбирались из сырых палаток члены партии №777. Они занялись своим профессиональным делом - поиском признаков нефтегазоносности.

«Скорый» поезд Москва-Воркута, отправляющийся по расписанию в 15.33 с третьего пути Ярославского вокзала Москвы, как обычно задерживался. Постоянные пассажиры до Воркуты никогда не спешили занять свои места в указанное время. Они неторопливо подходили к своим вагонам часа через три-четыре после указанного времени отправления. И всегда успевали. Не опоздали они и на сей раз. Поезд покинул Москву где-то после 19 часов. Из двенадцати списанных, разбитых вагонов поезда один был багажным, ещё один вагон назывался почему-то мягким, с потёртыми, а местами даже в дырах сидениями в пяти купе. В остальных купе мягкие начинки полок были аккуратно срезаны. Два вагона считались купейными. Из восемнадцати купе обоих вагонов, двери закрывались только у пяти. У четырёх купе дверей вообще не было. А на месте дверей висели кисейные бязевые шторы. Остальные купе не прикрывались и бязью. Семь вагонов «скорого» считались спальными, но без туалетов. Двери клозетов были заперты и наискосок них висели пугающие бумажные наклейки с надписями «ведётся следствие». Двенадцатый вагон числился общим, правда, с действующими общественными заведениями. В него на пятьдесят четыре места уже было продано около ста билетов, и продолжали продаваться всем желающим, однако, без указания места. Хотя все места в этом вагоне ещё месяц назад были зарезервированы для группы изыскателей, геологов из Ленинграда.

Вот эта-то буйная артель геологов и прибыла из Ленинграда в Москву рано утром с грудой рюкзаков, мешков, ящиков и сразу же устремилась на Ярославский вокзал. По единственной табличке Москва-Воркута, прислонённой к колесу багажного вагона, они и определили в тупичке свой мирно спящий состав, и загрузилась в общий вагон. Оставив несколько человек охранять загруженное барахлишко, члены разношерстной бригады бросились грабить город, пообещав охранникам вернуться к отходу поезда. И вернулись, боясь опоздать, точно к обозна-

ченному в расписании часу отправления, держа в руках, в карманах, за пазухой по две, а то и по три бутылке водки. Они ещё не ведали точно узаконенного времени отправления скорого поезда Москва-Воркута. Пассажирский состав геологи случайно обнаружили на третьем пути вокзала. Указательной таблички у колеса багажного вагона уже не было. А пьяные машинисты паровоза на прямой вопрос «в Воркуту?», неопределённо ответили, что «может быть и на Воркуту».

Ватага геологов пошла вдоль состава, разыскивая общий вагон. И нашла. Впритык к вагону-ресторану, почему-то забитому живым блеющим грузом - овцами. Всё барахлишко было на месте. Трое охранников мертвецки спали. Рядом с ними похрапывали трое незнакомых мужиков и валялись пять пустых бутылок водки. «Московской». С большим трудом разбудили одного из охранников.

- Где водку взяли?

- А мы тут мужичков пустили до Асбеси. По пути же. Вот они и рассчитались водкой.

Мужиков изгонять не стали. Но предупредили сидеть тихо в пустом купе для проводников вплоть до указанного ими станционного разъезда. А поезд на Воркуту - «пятьсот весёлый» - убыл из Москвы, как и было сказано выше, ровно после девятнадцати часов московского времени. Проводники в общем вагоне поезда так и не появились.

- Ну-с! За начало полевого сезона! - провозгласил, зажатый с двух сторон молодыми девицами, гладкий парень.

- Ура! - взревела юная компания вагона, переполненного купе.

На нижних лавках купе общего вагона ухитрилось разместиться по девять человек. Некоторые угнездились на коленях приятелей. С верхних полок купе свисали чьи-то головы. В проходах меж полками вагона поезда толпились остальные члены геологической партии. После третьего или четвёртого тоста в шумной компании уже никто никого не слушал. В вагоне было весело. Все пятьдесят четыре полки вагона занимали юные и очень юные люди, вдруг освободившиеся от рутинных семейных забот: не надо было бегать после работы по магазинам в поисках кормов для семьи, забирать детей из детского садика. И вдруг - свобода! Тамбуры вагонов, ползущего на северо-восток поезда заполнялись парами, вдруг потянувшихся друг к другу, молодыми юношами и девчушками, мужчинами и женщинами, жаждущими бесконтрольных сладостных острых ощущений прикосновения. И мужа, жены, дети - оставались где-то в другом мире, о них думалось как-то отстранённо, будто их и не было, и никогда не будет. Водочный запасец туманил головы, освобождал от соблюдения верности, нащёптывал предвкушения какой-то иной, нестандартной, удивительно счастливой жизни...

На вторые сутки к вечеру поезд добрался до станции Асбесь и застрял тут до поздней ночи. Мужички, заплатившие за свой проезд водкой, прокричали в проход вагона слова благодарности и сошли. Но их никто не услышал. Компания молодёжи беспричинно хохотала, шумела, произносила речи. И когда поезд, наконец, тронулся, кто-то достал гитару, и нестройный хор взревел «раз пошли на дело, я и Рабинович, Рабинович выпить захотел...». Колёса вагона застучали на стрелках железнодорожных путей, поезд резко повернул на север и скрылся в ночи за полярным кругом. Стрелочник испуганно присел, оглушённый рёвом уголовной песни. «Опять арестантов повезли на погибель, - подумал он. - И куда их столь гонят?».

К утру достигли станции Сайды. Здесь общий вагон с протрезвившими пассажирами отсоединили от «скарого» поезда. Два маломощных паровозика зажали его с двух сторон и потащили в ночь через уральские хребты на восток. Паровозики из последних сил стучали колёсами, карабкаясь на перевал Уральских гор. Скорость транспортного средства не превышала и скорости пешехода. Иногда какие-то призрачные подозрительные фигуры возникали вдруг из тумана белой полярной ночи. Они неспешно шагали рядом с составом, по обе его стороны, иногда цепляясь за него. Проехав два три километра, бесплотные тени спрыгивали с подножек вагонов и растворялись в сумрачной белёсой неизвестности безжизненных безлесных гор. Откуда они пришли, куда уходили, неизвестно.

Ранним утром паровозики, задыхаясь, дотащили вагон до конечной станции с чукотским названием. Из вагона на прокисшую землю быстро высыпала толпа молодых людей и стала принимать из окон и тамбуров вылетающие тюки снаряжения. На слякотной «платформе» образовалась гора груза, который необходимо было доставить за три километра на речной причал и загрузить на хилый катерок. До пристани никакого транспорта не было. А по однокольной железнодорожной ветке поезда до берега уже давно не ходили. Рельсы проржавели, шпалы прогнили, а колею перегораживали досчатые козлы с пугающей надписью «Проезд категорически запрещён!».

- Один момент! - обратилась к унылой толпе геологов высокая плоская девица. - Я сейчас! Она быстро поднялась по ступеням паровозика к молодому машинисту, с любопытством выглядывающему из паровозной будки.

- Тебе чего?

- Тсс! - прошептала девица, приложив палец к губам паренька, и скрылась вместе с ним в чреве мрачной кабины паровозика, наследника Стефенсона.

Минут через двадцать девица выпорхнула из кабины и, вытирая паровозную копоть с лица и шеи, весело закричала: - Быстро грузите барахло в тендер.

- Быстрее! Быстрее! - подбадривал молодой машинист, с любовью следя за высокой девицей.

- Жорик! Уберите заборчик, - приказала девица, указывая на строгую надпись. - Поехали!

Она встала перед паровозиком и, пятясь задом, поманила машиниста кокетливым жестом, как кучера на облучке кареты. Поезд медленно тронулся по прогибающимся рельсам, переваливаясь из стороны в сторону, как телега на разбитой сельской дороге. На тендере паровоза взревели песню «если б я был султан, то имел бы...». Через полчаса паровозик ухитрился доковылять до тупичка разобранных железнодорожных путей за сотню метров до причала.

Ранней весной этого же года орда геологов, и груз, через пять часов были на базе в приполярном городке Западной Сибири, Обдорске. Начинался великий нефтяной бум - геологическая разведка огромных болотистых пространств с целью обнаружения признаков нефти и газа. Спустя полтора десятка лет эта территория, равная по площади пяти Францией, станет резервуаром огромных запасов углеводородов...

- А это что?

Группа геологов, техников, шоферов, рабочих геологической партии, уже переодетая в одинаковые, не по размеру энцефалитные куртки цвета хаки и болотные сапоги 60-го размера, с любопытством столпилась у колючей проволоки, огораживающей унылые приземистые ветхие бараки. Со стороны барачков из-за ограждения на них с изумлением, раскрыв рты, взирала толпа, в таких же зелёных одёжках. Единственным отличием этих групп было то, что среди членов геологической партии было несколько женщин, и ещё - все они, мужчины и женщины, имели причёски. Среди толпы за проволокой не просматривалось ни одной женщины, а люди, с открытыми ртами, были наголо острижены. Если бы кто-нибудь взглянул на эти две живописные группы со стороны, он едва ли понял бы, кто из этих людей находится за колючей проволокой, а кто - вне неё.

Мужчины без причёсок были арестантами, приговорённые к различным срокам. И находились они внутри четырёхстороннего каре, охватывающим двойным рядом колючей проволоки мрачные полуразвалившиеся бараки. На углах колючего квадрата высились свежестроенные сторожевые вышки, на которых находилось по два часовых с автоматами, а под ногами у них, на помосте, пулемёты. У единственного входа в эту цитадель прогуливалось и сидело на лавочках ещё с десятков солдатиков в униформах цвета полевых кузнечиков, с автоматами за спиной. По обе стороны ворот свирепо лаяла и рвалась с поводков свора крупных злобных овчарок. Среди заключённых, находились, в основном, политические, сидевшие по ёмкой 58-ой статье. Около десяти процентов арестантов отбывало сроки по уголовным статьям - убийцы, насильники, воры. И все они ещё не знали, что им осталось находиться под дулами автоматов меньше года...

- Гы! Бабцы! А вы - по какой статье забриты? А чо это вы вместе с мужиками тянетесь? Пошто хахали-то не стрижены?

- Извините, ребята! Вы нас, не за осуждённых ли принимаете? - вежливо откликнулась на вопрос заключённого высокая широкоплечая девушка.

- Дык лагерница и есть! В наших же бараках стоишь. С неделю как нас оттель выгнали.

- То-то мы все чешемся! Поразвели блох...

Геологи, а это были геологи, располагались точно в таких же угрюмых низких бараках с узкими оконцами. Только вне колючего ограждения.

Ещё до весны, в феврале месяце, в Обдорске появился невысокий, плотного телосложения армянин по фамилии Асадов. По происхождению он был всё-таки Асадян, но поскольку в последние годы проживал и прописан был в Баку, в Азербайджане, то и считался по паспорту азербайджанцем Асадовым. Целью его налёта на Обдорск была забота арендовать помещения, базу для геологической партии номер, почему-то, «777», которая должна будет появиться в Обдорске в июне месяце. «Три семёрки» - по марке ходового в те времена отвратного портвейна, тотчас окрестили эту партию жители приполярного городка. Да и сами члены партии вскоре

привыкли к этому необходимому прозвищу и охотно откликались на него, и даже на кличку «поллитра». Но будем откровенны, юный состав партии, не превышающий в большинстве своём 20-25 лет, своим поведением в некоторой степени соответствовал этому ярлыку. Однако, не все, далеко не все. Так называемый, инженерно-технический состав (ИТР) пригублял, конечно, но в меру. И был крайне честолобив, азартен, и нацелен на открытия. Но о них позже. А пока об Асадове.

Этот Асадов, или Асаян был не только ловким, но и сообразительным малым. Северный полярный круг географически проходил как раз по северной окраине города. Все живущие и работающие южнее полярного круга, получали надбавку к окладу 0,6, выше - 0,8. Однако, севернее полярного круга никаких поселений или организаций не было. Кроме десятков лагерей ГУЛага, контингент которых строил, якобы, так называемую, транссибирскую полярную железную дорогу. По причине мировой конспирации эти лагеря носили во времена СССР официальные названия строек - «Стройка №503». Понятно, что заключённый в них люд никаких надбавок к окладу не получал. Да и оклада не получал тоже. Служивый же народ, охранники, имели стандартное довольствие, которое положено солдатику и офицерам в советской армии.

Так вот, этот Асадов мгновенно сообразил, что, если он будет работать заместителем начальника партии №777 по хозяйственной части, то иметь надбавку 80% значительно приятнее, чем 60%. Однако полярный коэффициент шёл только в Заполярье, севернее полярного круга. Там же, как прояснил потенциальный хозяйственник, кроме лагерных бараков, ничего и не было. Стало быть, чтобы заполучить вожделенные процентные надбавки, необходимо договариваться об аренде помещений для партии с начальством тюрем севернее полярного круга. Как только эта мысль посетила голову армянского азербайджанца, Асадов тут же пробился к начальнику 503-ей стройки (тюрьмы!), не забыв прихватить бутылку мутного самогона, что выменял на два апельсина у местной старухи самогонщицы. Такое слово приполярная самогонщица слышала, кажется, но всегда полагала, что «апельсин» - это керосин высокого качества. Однако, получив в руки невиданный в этих краях оранжевый солнечный предмет, бабушка решила, что она крепко нагрела странного маленького чёрненького чужестранца с неродным акцентом. Старушка приглашала заходить ещё, Асадов обещался. Так что расстались они взаимно довольные совершённой сделкой и друг другом.

С начальником стройки, то бишь лагеря, Асадов договорился как-то подозрительно легко и быстро. Для сотрудников, прибывающей в июне месяце партии №777, он выговорил у начальника тюрьмы два барака, в которых пока размещались заключённые, - двухэтажный сруб изпод семьи начальника лагеря и огромный дощатый сарай, служивший холодным карцером для заключённых. Тут же за хмельным столом был заключён договорчик об аренде вышеозначенных строений сроком на шесть месяцев, с возможным продлением аренды в последующие годы на те же сроки и за те же суммы. Арендодатель, начальник тюрьмы, обязывался к июню месяцу вынести арендованные помещения из-за ограды колючей проволоки - тюремной зоны, передвинув колючий забор лагерной территории к югу. И ещё - облагородить, освободить бараки от двухэтажных нар и разгородить каждый из них на четыре помещения, комнаты. За арендованные строения арендатор Асадов обязывался уплатить двадцать четыре тысячи рублей, т.е. по четыре тысячи в месяц. Для начальника лагеря это были фантастические деньги - его зарплата, примерно, за десять лет беспорочной службы отечеству. Правда, Асадов выговорил у хозяина лагеря крохотное условие - включить в договор за аренду тюремных помещений семьдесят тысяч рублей, вместо оговорённой суммы. После согласия, Асадов вручал начальнику тридцать тысяч. Тюремный начальник настолько был оглушён полученными пачками денег, что только позже, значительно позже понял, что он - впервые - оказался взяточником. А тогда, за весёлым застольем, после рассовывания купюр по карманам, он тут же предложил Асадову сдать в аренду весь лагерь вместе с жителями колючего каре. Асадов пока отказался...

Через неделю шустрый хозяйственник, заключив ещё несколько криминальных договоров на якобы очистку арендованной территории, сооружение общественного туалета и на утепление жилых строений, отбыл на нынешнюю родину - в Ленинград. Закрывшись в отдельном купе пассажирского поезда Воркута-Ленинград, он несколько раз пересчитал сэкономленные от аренды банкноты: выходило ничего себе... Затем Асадов встал коленями на коврик, рассеянно помолится в сторону хвоста поезда, якобы на восток, и спокойно заснул сном праведника. В Ленинград он прибыл из Азербайджана подмолотить шальных денег для содержания в Баку четырёх жен и, кажется, тринадцати детей.

Продолжение следует

Геннадий Гончаров. Австралия.

Саломея

Приключения, почерпнутые
из моря житейского.
Александр Фомич Вельтман.

Начало см. № 54

Продолжение...

КНИГА ВТОРАЯ

Часть четвертая

III

В некотором уездном городе, при городской части, жил квартальный надзиратель Иван Иванович Тесьменко, отличнейший человек, преисправнейший по службе, вернейший муж Авдотьи Матвеевны и попечительнейший отец пяти сыновей и шести дочерей. При всех своих достоинствах он часто страдал невинно и в жизнь свою переменял по крайней мере двадцать родов службы. Из одной вытеснен, из другой уволен, из пятой сам вышел, из седьмой обстоятельства заставили выйти, из восьмой болезнь, из девятой жена, из десятой начальник, из которой-то, кажется по лесной части, леший, просто пришел к нему и говорит:

- Иван Иванович, извольте выходить в отставку, а не то я истреблю весь лес, вверенный вашему благоусмотрению и надзору.

Собственно Иван Ивановичем все были довольны как нельзя больше, но женой его никто не был доволен; даже леший, служивший с Иваном Ивановичем по лесной части. Авдотья Матвеевна была очень хорошая женщина; но по недоверчивости к мужу она всегда входила в его дела по службе и распоряжалась всем очень умно и заботливо, однако ж это не нравилось ни начальникам, ни подчиненным ее мужа. Леший же недоволен был тем, что она называла всех, на кого рассердится, сперва лешим, а потом свиньей. «Стало быть, и я свинья?» - подымал леший и обиделся. Долго терпел, наконец, не зная чем отомстить, начал рубить лес. По ночам такая рубка, что чудо; глядь на утро - сотни самых лучших деревьев как не бывало. Иван Иванович, смекнув, что плохо и придется отвечать, принужден был подать в отставку.

В звании квартальной надзирательши Авдотье Матвеевне как-то удобнее было мешаться в разные распоряжения.

Однажды Авдотья Матвеевна, уложив детей спать, гадала в карты, что за причина, что так долго Иван Иванович не возвращается от городничего; вдруг доложили ей, что приехал управляющий Брусницкого.

- А! зови-ко, зови его!.. Здорово, Дорофей Игнатьич.

- Здравствуйте, сударыня Авдотья Матвеевна; как вас Бог милует?

- Слава Богу, слава Богу, как видишь. А ты-то, батюшка, запал! Забыли свой дом; а городских-то повинностей не мало накопилось... Стыдно! Ведь это всё на ответе Ивана Ивановича. Барии гуляет в Москве, а ты-то где гуляешь, батюшка?

- Какая гульба, сударыня... Такой год вышел, что избави Боже! Зиму всю проболел.

- Так! У кого нет отговорок в запасе!

- Прикажете, сударыня, матушка Авдотья Матвеевна, принять кому: куль мучки, две четверти овсеца, да там еще разное кое-что... яичек, маслица, того-сего...

- С зимнего-то пути на летний свел, да тем, чай, и заговеемся?

- Помилуйте, сударыня, всё в свое время будет...

- То-то! Дичь-то еще за тобой. А тонкий-то холст?

- Привез, сударыня.

- Разве?

- Прикажете на двор въезжать?

- На двор, на двор.

- Да к Ивану Ивановичу дельцо у меня есть...

- Что такое?

- Да вот какой казус случился. Еду я четвертого дня из Саньковцев через лес, эдак перед закатом солнца, - смотрю, бежит ко мне какая-то бабенка да кричит: «Батюшка, помоги, разбойники режут! Батюшка, гонятся за мной!» Я и оторопел: «Садись скорей», говорю: взял ее к себе, да и припустил коня, думаю, вправду гонятся. Приехал домой, уж ночь на дворе...

«Покорми, - говорю Маланье, - бабенку-то, да пусть переночует»; а сам пошел по хозяйству. Как воротился, а Маланья и говорит: «Что, батюшка, Дорофей Игнатъич, какую ты привез, безумную али пьяную?» - «А что?» - «Да вот смотри на нее, все буянит! Говорит, что она барыня, а не крестьянка». - «Ты что, голубушка? - спросил я ее, - откуда ты? Какие разбойники тебя ограбили?» - «Как ты смеешь, говорит, называть меня голубушкой; ты знаешь, кто я?» - «Нет, не знаю, сударыня». - «А вот я тебе покажу!» - да как ухватит бутылку со стола да в меня было. Я так и обомлел, насилиу выскочил в двери: безумная, думаю. И велел припереть двери, да стечь до утра. Как рассвело, отворили двери, а она лежит без памяти, вся, как огонь, красная. Ну, думаю, как умрет - беда! Пойдут следствия: откуда взялась да кто уморил. Я скорей ее на воз, да и сюда. Хочу просить Ивана Ивановича, чтоб в часть ее взяли.

- Вот то-то, Дорофей Игнатъич, Бог-то, и попутал тебя; ведь если б не такой случай, ты бы и не подумал приехать.

- Помилуйте, матушка, у меня уж и подвода была готова, а тут вот как черт навязал обузу. Да уж будьте уверены, что то само по себе, а это само по себе; я только буду вас просить, чтоб Иван Иванович приказал взять ее у меня с рук долой.

- Дунька! - крикнула Авдотья Матвеевна, - сбегай-ко скорей. Э, да вот он идет...

- Это что за человек? - спросил Иван Иванович, входя в комнату.

Мы не станем описывать наружности Ивана Ивановича, чтоб читатель сам себе вообразил в мундирном сюртуке добрейшую наружность, не совсем уклужую, на которой время исказило уже все черты доброты, так что с первого разу можно было подумать, что Иван Иванович и сердит, и привязчив, и невесть что еще. Дорофей низменно поклонился, а отвечала за него Авдотья Матвеевна:

- Ты не узнал управляющего имением Александра Ивановича Брусницкого.

- А! Ну, что скажете?

- Ничего, сударь Иван Иванович; привез кой-что гостинцу вашей милости.

- Спасибо, спасибо. А чего привезли?

- Ну, что привез, то и привез. А вот лучше поговори-ко с ним, у него просьба до тебя.

- Да, батюшка Иван Иванович, не оставьте вашей милостью: вещь пустая, да я больно перепугался.

- Что такое? Говори.

- Извольте ли видеть, ехал я третьёва-сь или, бишь, четвертого дня...

- Постой, постой, я расскажу, что тебе трудиться в другой раз! Вот видишь, Иван Иванович, Дорофей Игнатъич ехал себе в деревню через лес, где разбойники водятся...

- И не думают водиться! - пробормотал Дорофей про себя.

- Вдруг бежит баба какая-то и кричит: «режут!»

- Постой, матушка, - перервал Иван Иванович, - нечего и продолжать, я вижу, что тут дело касается до исправника, а не до меня.

- Да дай, батюшка, кончить! Так и рвет с языка!

- А пожалуй, говори, только я вижу, что дело до меня не касается.

- Вот видите ли, сударь, я вам доложу в коротких словах, - начал было Дорофей.

- Позволь уж мне досказать: не люблю, начав слово, не кончить. Изволишь видеть, он спас бабу от разбойников да привез домой, а оказалось, что она сумасшедшая, не ест, не пьет...

- Все-таки надо освидетельствовать. А что, я, что ли, поеду в уезд свидетельствовать?

- Да дай кончить! - сердито произнесла Авдотья Матвеевна.

- Она, сударь, умерла было! - начал было Дорофей.

- Свидетельства-то, или, как бишь, следствия-то, он и боится, - перервала Авдотья Матвеевна, - так для этого и привез ее сюда.

- Куда? - спросил Иван Иванович.

- Куда! Сюда, говорят тебе!

- То есть к нам? Ко мне? Пошел, брат, пошел, а не то я проводить велью! Мертвую привез из уезда в город, в мой квартал - свалить беду на мою шею!

- Помилуйте, живехонька, сударь, она только больна.

- Все равно!

- Выслушай прежде, да потом кричи!

- Позвольте уж мне, матушка Авдотья Матвеевна, рассказать, в чем дело.

- Рассказывай! Ты думаешь, он тебя лучше поймет?

- Только не извольте гневаться, батюшка Иван Иванович, дело, сударь, пустое...

При этих словах Дорофей вынул из кармана бумажник, отвернулся немножко из учтивости в сторону.

- Дело, сударь, пустое...

И Дорофей рассказал, что спасенная им женщина, верно, какая-нибудь беглая или сумасшедшая, заболела опасно, и он, из боязни, чтоб она не умерла и не завязалось из этого следствие, привез ее в город с тем, чтоб попросить Ивана Ивановича взять ее в часть.

- Нельзя, любезный друг, нельзя! - сказал Иван Иванович.

- Ах, батюшка, да отчего ж нельзя? - крикнула Авдотья Матвеевна.

- Ты, матушка, с ума сошла! Тело поднято в уезде, а не на улице, да если б и на улице, да не в моем квартале, так мне плевать на него.

- Помогите, батюшка, посоветуйте, как мне быть... да если б тело, а то не тело, ведь она еще живехонька...

Дорофей положил что-то на стол и низко поклонился.

- Чудные вы люди, - оказал Иван Иванович, смягчив голос, - добро бы это случилось в моем квартале, ну, тогда бы знали, как поступить.

- Ах, Боже мой, да она теперь в твоём квартале и есть! Кто ж знает, что она привезена, - сказала Авдотья Матвеевна, удивляясь, что муж ее из пустяков делает затруднения.

- Лежи она на улице, дело другое, дозор бы поднял - и прямо в часть!

- Слушаю, Иван Иванович. Так уж я исполню, как изволили сказать... потороплюсь.

- Ну, ну, ладно. Да смотри, брат, мы только про то и знаем.

- Уж известное дело, - сказал Дорофей, поклонился и вышел вон.

Подвода стояла у ворот, он велел въезжать ей на двор; а его собственная тележка стояла в отдалении,

- Ты ступай, Кузька! Да помоги Петрухе сложить с воза куль и мешки; а я сам сдам ее в больницу. Ступай.

Кузька пошел помогать Петрухе, а Дорофей вскочил на тележку и погнал коня в переулочек, потом через улицу и опять в переулочек. Тут была глушь; с обеих сторон заборы тянулись до другой части. Дорофей приостановился, посмотрел, нет ли кого, выскочил из тележки, вытащил из нее бедную Саломею, сложил подле забора и - был таков...

Иван Иванович, утомясь после дневных трудов, понесенных на пользу ближнему, по выходе Дорофея стал раздеваться и, ложась уже в постелю, вспомнил, что надо послать дозор в глухой переулочек, нет ли там чего-нибудь, и велел кликнуть к себе хожалого.

- Ты, братец, обойди квартал дозором, чтоб все было в исправности, да глухие-то переулочки обойди хорошенько, слышишь?

- Слушаю, ваше благородие, уж это известно, - отвечал хожалый и действительно прошел дозором по кабакам, прикрикнул, что пора запирать.

- Сейчас, сударь, сейчас, только гости уберутся, - отвечали целовальники.

- То-то, сейчас!...

- В глухие переулочки! - пробормотал хожалый, отправляясь к себе на дом, - а черта ли там есть!

Таким образом беспмятная Саломея лежала без призора в глухом переулочке. Одр ее широк, она разметалась, горит, внутренний жар раскалил ее; с глухим стоном хватается она руками за одежду и, кажется, хочет сбросить ее с себя... Язык что-то лепечет, уста алчут, да нет никого, кто бы походил за больной и подал ей испить.

Но вот кто-то идет, говорит сам с собой.

- Мне что, - говорит, - пошел, да и утопился! Житья нет! Бил-бил, бил-бил, а за что? Вишь, я виноват, что, надевавши, у мундира рукав лопнул! А теперь по ночи достань ему где хочешь! Э! Кто тут? Охает кто-то... Ах, батюшки, женщина какая-то... Умирает! Побегать сказать в будке, чтоб подняли...

И прохожий побежал к будке, которая была против длинного глухого переулочка, на другой стороне улицы.

- Эй! Будочник! Слышь!

- Кто идет? - крикнул будочник, сидевший в дверях, прислонясь к стенке.

- Пошли, брат, скорей, поднять женщину! Вон, лежит тут в переулочке, пьяная или что, Бог ее знает.

- Где в переулочке?

- Да вот тут недалеко.

- Ладно. Поднимут и без тебя, - отвечал будочник.

Вскоре в глухом переулке раздался голоса хожалого с командой.

- Ну, где тут? Эка невидаль! Проспалась бы и здесь! Тащи ее куда в будку...

Хожалый, отдав приказ, отправился домой, а будочники перетащили беспамятную Саломею к будке.

- Вот тебе раз, еще в будку! - сказал один из них, - брось ее в загороду.

На другой день Иван Иванович донес, что во вверенном квартале, в Переезжем переулке, поднята женщина в нетрезвом состоянии, а по освидетельствовании оказалось, что она же и в горячечном состоянии. Никакого вида при ней не оказалось, кроме носильного крестьянского платья, почему, вероятно, она в бегах обретается. И куда благоугодно будет ее отправить? Не благоугодно ли в острог - в больницу?

- Без сомнения, отправить в острог, в больницу.

- Слушаю, - отвечал Иван Иванович.

IV

Обратимся теперь в Москву, к родителям и супругу Саломеи Петровны.

В тот самый день, когда она отправилась по своим надобностям из Москвы, около полуночи Федор Петрович, очень хорошо зная, что Саломеи Петровны нет еще дома, так, для большего убеждения, спросил у слуги:

- Что, Саломея Петровна еще не возвращалась?

- Никак нет-с.

- Ах, ты, Господи! Нет уж, как хочет, а я спать лягу, - сказал Федор Петрович и лег спать.

По обыкновению, всякое утро приходил человек и будил его, докладывая, что чай готов и что Саломея Петровна изволили уже встать.

Против обыкновения, на другой день после отъезда Саломеи Петровны по своим надобностям человек не приходил будить Федора Петровича и докладывать, что Саломея Петровна изволили уже встать. Был уже час третий пополудни, Федор Петрович отлежал бока, удивляясь, что Саломея Петровна так долго спит. «Верно, поздно приехала домой, - думал он. - Вот жизнь собачья!» - прибавил он вслух и крикнул:

- Эй!

- Чего изволите, сударь? - спросил лакей.

- Барыня встала?

- Никак нет-с.

- Ах ты, Господи! - сказал Федор Петрович, - в котором часу приехала барыня?

- Барыня не приезжали-с.

- Как, барыня еще не возвращалась домой?

- Никак нет-с.

- Ах ты, Господи! - вскричал Федор Петрович, - да где ж она?

- Не могу знать-с. Петр ездил с барыней: они изволили послать его из галереи за афишкой в театр. Он взял афишку, а в галерее уже барыни не было. Так он и велел кучеру ждать у театра. А сам ждал в галерее в бельэтаже, подле нашей ложи. Театр-то кончился, все пошли вон, а Петр ждал-ждал, куда свечи потушили. Петр хотел было еще немножко подождать, да капельдинер прогнал его: «Ступай, - говорит, - вон! Кого ты ждешь? Все разъехались». И лампу потушили... Петр и пошел. Спросил кучера Игната: «Что, барыня выходила?» - «Да не выходила же», говорит...

- Ах ты, Господи! - вскричал Федор Петрович, - да где ж она?

- Не могу знать. Карета стояла подле театрального подъезда до рассвета. Какое до рассвета... уж солнце высоко было, когда они воротились домой...

- Кто, барыня?

- Нет, Петр и Иван.

- А барыня?

- Ее так и не дождалось.

- Ах ты, Господи! Это ни на что не похоже! Давай чаю!

- Ключи у барыни.

- Тьфу! Давай одеваться.

Федор Петрович оделся и отправился к Петру Григорьевичу. Петра Григорьевича не было уже дома; Софья Васильевна куда-то собралась ехать, только Катенька была в гостиной.

- Ах, Федор Петрович! - вскричала она радушно, бросаясь к нему навстречу, - как давно вы у нас не были!

У Федора Петровича забилося сердце от какого-то тайного, горького чувства. Несмотря на строгое запрещение Саломеи Петровны не подходить к ручке Катеньки - *молоденькой девчонки* - он в забывчивости подошел к руке.

- Что вы такие смущенные?

- Ничего, Катерина Петровна, так, устал, жарко!

- Вы пешком пришли?

- Пешком.

- Как же это вы осмелились? Сестрица не позволяет вам пешком ходить, - сказала шутя Катенька, - стойте, вот я ей окажу!

«Господи! - подумал Федор Петрович, - если б Катенька была моей женой!»

- Вы что-то все думаете, не отвечаете.

- Отвечать-то, Катерина Петровна, нечего. Как на душе скребет, так Бог знает что и отвечать.

- Что за несчастье такое с вами случилось?

- Помилуйте, встанешь в семь, жди до полудня чай пить!

- Кто ж вам велит?

- Кто? Да это уж жизнь такая, неприятно же врозь пить чай. Да добро бы в полдень, а то сегодня я по сю пору чаю еще не пил!

- Отчего ж это? Хотите, я велю поставить самовар.

- Сделайте одолжение. Ключи у Саломеи Петровны, а она еще, Бог знает, со вчерашнего дня по сю пору не возвращалась домой.

- Как! - вскричала Катенька.

- Да так. Я уж этой жизни и не понимаю!

- Коляска готова? - раздался голос Софьи Васильевны; и с этими словами, она, разряженная, вышла в гостиную. - А! Федор Петрович...

Федор Петрович подошел молча к руке.

- Что это вас давно не видать? Вы как чужой стали! Что Саломея делает?

- Да я пошел, ее еще не было дома, - отвечал Федор Петрович, стараясь говорить спокойным голосом.

- Маменька, Федор Петрович еще не пил чаю, я велела поставить самовар.

- Где ж вы были все утро?

- Дома.

- Напой, Катенька, Федора Петровича чаем; а мне нужно ехать. Прощайте, Федор Петрович, поцелуйте за меня Саломею.

- Покорнейше благодарю! - отвечал Федор Петрович по модному выражению, переведенному с французского диалекта.

Софья Васильевна поклонилась довольно сухо и уехала. Софья Васильевна сердита была на Федора Петровича, потому что Саломея, не позволив дать отцу своему денег взаймы, на него же свалила отказ.

Катенька напоила Федора Петровича чаем, и он пошел домой.

- Что, приехала барыня?

- Никак нет! - отвечали ему в передней в несколько голосов.

В ожидании Саломеи Петровны он сжег десяток пахитосов, потому что Саломея Петровна трубку ему запретила курить. Потом ходил, ходил по всем комнатам, смотрел на часы и, наконец, вышел из себя.

- Шесть часов! Эй! Что ж не накрыт стол?

- Да кушать не готовлено. Барыня с вечера ничего не изволили заказывать.

- Тьфу! Это черт знает что за жизнь! - крикнул Федор Петрович и прибавил сквозь зубы: - Таскается день и ночь!

Федор Петрович, не зевая, к кому прибегнуть с горем своим, снова пошел к Петру Григорьевичу, застал его с женой, дочерью и двумя гостями за столом.

- А! Обедали, Федор Петрович?

- Нет еще, - отвечал Федор Петрович, - Саломеи Петровны нет дома.

- Так садитесь, - оказал Петр Григорьевич и стал продолжать разговор с гостями. Софье Васильевне также некогда было с ним говорить, а потому он молча, торопливо догонял кушающих уже десерт.

- Куда ездила сегодня Саломея? - спросила, наконец, Софья Васильевна.

- Никуда, - отвечал Федор Петрович.

- Как же вы давеча говорили, что ее нет дома?

- Ее по сю пору нет дома, - отвечал Федор Петрович, - она вчера поехала в театр... и не возвращалась. Я не знаю.

Софья Васильевна, вероятно, догадалась, наконец, что что-нибудь да не так, прервала слова Федора Петровича и сказала, захохотав:

- Бедный муж, не знает, где жена! Я я знаю.

- Она мне ничего не говорила, - начал было Федор Петрович.

- Не говорила? Да разве вы не помните, что она сбиралась с Малютиными в Вознесенск?

С этими словами Софья Васильевна встала из-за стола.

- Хотите трубку? - сказал Петр Григорьевич, взяв за руку Федора Петровича. - Пойдемте ко мне в кабинет. Федор Петрович, - продолжал он, - вы почти сами вызвались дать мне займы сорок тысяч, которые мне необходимы, чтоб поправить свои дела. Для чего ж вы вместо исполнения слова нажаловались на меня своей жене, что я выдал нищую дочь свою за вас для того, чтоб обобрать вас? Скажите пожалуйста...

- Я? Я это говорил? Вот вам Христос! - сказал Федор Петрович.

- Вот записка, полученная женою третьего дня от Саломеи; извольте читать:

«Папа просил у моего мужа сорок тысяч займы. Это крайне его удивляет, и мне слишком неприятно слышать упреки», что мои родители не только что не дали мне никакого приданого и выдали как нищую, но еще требуют от зятя, чтоб он для поправления их состояния отдал свое. По доброте своей муж мой не умел отговариваться. Но, чтоб избежать вечных упреков, я ему сказала, что папа не нуждается уже в его деньгах».

- И не думал! И не думал этого говорить, Петр Григорьевич, клянусь Богом! Я не знаю, что Саломея Петровна вздумалось про меня так писать... Не понимаю! Я уж и деньги приготовил для вас. Она взяла их к себе и сказала, что вы от нее получите.

Петр Григорьевич закусил губы.

- О! Бог ей судья! Мне только жаль, что я доброму человеку навязал на шею такого черта! - сказал он, задыхаясь от досады. - Где она?

- Я не знаю, Петр Григорьевич, где она. Со вчерашнего дня еще не возвращалась домой. Софья Васильевна говорит, что она уехала в Вознесенск.

- Врет она! - вскричал Петр Григорьевич. - Эй! Кто тут? Позови барыню!

- Что тебе, друг мой? - спросила Софья Васильевна и испугалась, увидя, что Петр Григорьевич весь вне себя ходил большими шагами по комнате и поминутно набивал нос табаком. Это был худой признак.

- Где Саломея? - крикнул он.

- Я почему знаю? - отвечала Софья Васильевна. - Кажется, мужу ее лучше знать об этом.

- К чему ж ты выдумала, что она поехала в Вознесенск?

- Я знаю, что она хотела ехать с Малютиными, и без всякого сомнения уехала с ними.

- Я сегодня был у Малютиных. Она, верно, уехала с чертом!

Софья Васильевна побледнела. Федор Петрович стоял безмолвно и смотрел на Софью Васильевну как на виноватую и как будто произнося с упреком: «Вот видите, Софья Васильевна, что вы сделали! Зачем вы сказали, что Саломея Петровна уехала в Вознесенск, когда она не уезжала туда».

- Любезный Федор Петрович, - сказал Петр Григорьевич, - грех не на моей душе, а на бабьей.

- Ох ты! - произнесла Софья Васильевна и торопливо вышла из комнаты.

Федор Петрович стоял молча посреди комнаты. В одной руке держал фуражку, другою приглаживал волосы на голове, потому что они становились у него дыбом в смутное для головы время.

- Что делать! - сказал Петр Григорьевич, глубоко вздохнув и пожав плечами.

- Я не понимаю, куда это уехала Саломея Петровна, - сказал, наконец, Федор Петрович.

Петр Григорьевич набрал снова глубоким вздохом кислорода и пахнул азотом, как турок, затянувшийся табаком.

- Позвольте трубочку, - сказал Федор Петрович.

- Сделайте одолжение, - отвечал Петр Григорьевич, расхаживая взад и вперед по комнате.

- Поди, пожалуйста, посиди в гостиной с Иваном Федоровичем и Степаном Васильевичем, мне совсем не до них, - сказала Софья Васильевна, входя встревоженная в кабинет.

- А мне до них? - отвечал Петр Григорьевич.
- Вы посылали, Федор Петрович, узнать, к кому поехала Саломея?
- Не посылаю, - отвечал Федор Петрович, затягиваясь длинной струей вах-штафу, как утоляющий жажду.
- Ах, напрасно. Как же это вы так беззаботны, не знаете, где жена и что делается с нею?
- Куда ж послать-то мне, Софья Васильевна? Если б она поехала да сказала, куда едет, - дело другое. Я пошлю искать ее.
- Ах, нет, лучше не посылайте. Вы не поссорились ли с ней?
- Как это можно! Когда ж я ссорился?
- Может быть, огорчили чем-нибудь?
- Ей-богу, и не думал огорчать. Признаться сказать, она только посердилась на меня за то, что я взял деньги из ломбарда.
- Вот видите ли, она вам советует беречь деньги, а вы сделали ей неприятность, - будто это ничтожная причина. - Я уверена, что она от огорчения уехала с кем-нибудь из знакомых на дачу или в деревню.
- Как будто я бросать хотел деньги! Я по просьбе Петра Григорьевича взял сорок тысяч...
- Так за что ж она сердилась? - спросила Софья Васильевна с негодованием, поняв оскорбительный для матери поступок Саломеи.
- А Бог ее знает! - отвечал Федор Петрович, - так, я думаю, жалко стало денег.
- Для отца и матери жаль! - произнесла с огорчением Софья Васильевна.
- Я говорил, да что делать... уж у ней такой странный характер.
- А сама мотает, бросает деньги! Сколько вы прожили в полгода?
- А Бог ее знает. Я как-то не люблю считать.
- О, вы чересчур добры, Федор Петрович! Вам надо было держать ее в руках.
- Так уж... и сам не знаю как... Нет, уж жизнь такая. Я, правда, не привык, да что ж делать, ведь это не в полку.
- Федор Петрович, вы не разглашайте об ее отъезде - она, вероятно, скоро воротится... Она, верно, уехала в деревню к Колинским... Конечно, это глупо уезжать не сказавшись, да уж это такой нрав.
- Уж такой нрав, я знаю, - повторил и Федор Петрович. - Я, однако ж, пойду домой, может быть она воротилась.
- Я ввечеру к вам приеду, прощайте, Федор Петрович.
- Федор Петрович пошел домой; но Саломея еще не возвращалась.
- На свободе Федор Петрович закурил трубку - сперва в кабинете, отворив окно; а потом стал с досады, что Саломея Петровна долго не возвращается, ходить с трубкой по зале и по гостиной; по всем комнатам разостлались дымные облака.
- В десять часов вечера приехала Софья Васильевна и, после вопроса; приехала ли Саломея, ужасно раскашлялась.
- Ах, как вы накурили!»! - вскричала она, - да это поневоле уйдешь из дому!
- Это так уж, от скуки... я ведь совсем не курю, - сказал Федор Петрович и хотел поставить в угол трубку; но, закурившись, он, как опьянелый, пошатнулся и чуть-чуть не упал.
- Софья Васильевна посмотрела на него подозрительно и Бог знает что подумала.
- Нет, не могу выносить; это Бог знает что за табак! Мне дурно! - сказала она и торопливо вышла.
- У Федора Петровича кружилась голова, он с трудом добрался до своего кабинета и лег. Между тем Софья Васильевна приехала домой, открыла мужу тайну, которую она только что узнала.
- Ну, друг мой, не удивляюсь, что Саломея уехала куда-нибудь от мужа!
- Что такое?
- Федор Петрович пьет мертвую чашу!
- Не может быть!
- Приехала я к нему, только вошла, слышу - так и разит водкой, по всем комнатам накурено табачищем, а сам он едва на ногах стоит. И бедная Саломея скрывала это несчастье!
- Ну, сама избрала себе горькую долю! А правду сказать... ну, да нечего и говорить!
- Отчего ж не сказать!
- Э! Лучше не спрашивай!
- Это был обыкновенный приступ к обвинению Софьи Васильевны. Она поняла. Но, понимая, никогда не могла воздержаться, чтоб не высказать, что она поняла.

...Чтобы не убедить мужа, что она не дура и все понимает.

- И не хочу спрашивать, знаю, что у тебя в голове; надо на кого-нибудь свалить всю вину: на кого же сваливать как не на меня!

С этого иногда завязывался длинный разговор; Софья Васильевна поднимает из-под спуда все прошедшее свое горе, повыкопает из могил все прошедшие неприятности и супружеские междоусобия; поставит волос дыбом на голове Петра Григорьевича, расплачется, уйдет и дует-ся на него несколько дней.

Чтоб убедиться в истине слов Софьи Васильевны насчет Федора Петровича, Петр Григорьевич поехал на другой день к нему и, разумеется, вошел без доклада. В дверях навстречу ему раздались слова Федора Петровича.

- А где ж я возьму теперь! Вот возвратится Саломея Петровна, деньги у нее; тотчас же и заплатим.

- О чем дело, Федор Петрович? Здравствуйте!

- Да вот управляющий домом пришел и требует сейчас же Деньги; деньги мои все у Саломеи Петровны; а ее нет дома,

- Господа не беспокоили вас и не требовали денег вперед, - сказал управляющий, - по уверенности, что все равно, у них деньги лежат или у вас; но вдруг пришла крайняя необходимость в десяти тысячах, так они и просят уплатить.

- А сколько? — спросил Петр Григорьевич.

- Восемь тысяч пятьсот.

- Но можно подождать, любезный, несколько дней.

- Одного дня, сударь, невозможно; я бы и не беспокоил.

- Что за крайность такая?

- Такая крайность, сударь. Господа убедительно приказали просить сейчас же вручить мне эту сумму.

- Как же быть, деньги спрятаны у Саломеи Петровны; вот возвратится, тотчас же заплатим, - сказал Федор Петрович.

- Когда ж оне изволят, сударь, возвратиться?

- Кто ж вас знал, любезный, что вам вдруг понадобятся деньги, - сказал Петр Григорьевич, - не сидеть же дома да ждать, когда вы за ними придете!

- Притом же нанимала дом сама Саломея Петровна, - прибавил Федор Петрович.

- Ну, да это все равно, - сказал Петр Григорьевич, - приходи, любезный, завтра поутру.

- Господа приказали просить убедительнейше...

- Говорят тебе, приходи завтра, вероятно, дочь моя завтра будет из деревни, - прибавил Петр Григорьевич. - Да все равно, возвратится или не возвратится, завтра получишь.

- Я доложу господам.

- Прощай!

- Да неужели вы все наличные деньги отдали Саломее?

- До копейки все у нее.

- Какие вы, Федор Петрович... ну, кто отдает капиталы на руки женщине?

- Почему ж я знал, Петр Григорьевич? Я не виноват, уж это такая жизнь...

- Где у нее лежат деньги и билеты?

- Она к себе спрятала мой бумажник и шкатулку. Верно, в бюро.

- Надо послать за слесарем.

Покуда пришел слесарь, Петр Григорьевич и Федор Петрович, закулив трубки, ходили по комнатам и пыхали дымом. Если б в это время приехала Софья Васильевна, то, верно, подумала бы, что и муж ее подгулял вместе с Федором Петровичем.

Слесарь, наконец, пришел, открыл бюро. Открыл все шкафы, шкафчики, комоды. Нигде и признаку нет каких-нибудь сокровищ, денег, драгоценностей, даже золотых колец... «Чисто!» - подумал Петр Григорьевич.

- Бог ее знает, куда девала, верно с собой взяла, - сказал Федор Петрович.

- Вероятно! - произнес Петр Григорьевич значительно.

Отправив слесаря, Петр Григорьевич и Федор Петрович сидели в роскошном кабинете Саломеи Петровны на креслах, курили трубки и молчали. Бюро, шкафчики, комоды были растворены, раскрыты, как во время сборов в дорогу или укладывания по возвращении с пути.

Надумавшись, Петр Григорьевич сказал:

- Вам надо заложить скорее деревню; хоть эти-то бумаги у вас?

- Кажется, у меня.

Федор Петрович пошел в кабинет и принес купчую.

- Давайте, я сам поеду и обделаю скорее дело... Э, батюшка, да это именье продано с переводом долга в Опекунский совет! У вас нет никакого свидетельства об уплате долга и процентов?

- Никакого.

- Поздравляю! Да вы совсем не понимаете дела, не заботитесь о выкупе. Я еду сейчас в Опекунский совет; поедем вместе.

- Сейчас, я только чаю напьюсь, - сказал Федор Петрович.

- Какой тут чай, когда чай пить, мы опоздаем! Едемте! Одевайтесь, пожалуйста, скорее!

Федор Петрович оделся на скорую руку. Поехали. Знакомый Петру Григорьевичу директор велел навести справку, и по справке оказалось, что уплата просрочена и что именье включено уже в список продающихся с публичного торгу: что надо уплатить немедленно же сорок тысяч или проститься с ним.

У Петра Григорьевича облилось сердце кровью, а Федор Петрович слушал, слушал и по выходе от директора спросил:

- Когда же можно будет получить сорок тысяч, Петр Григорьевич?

- Вы, кажется, слышали, что дело идет не о «получить», а об «уплатить».

- Я не понял, - сказал Федор Петрович.

- Я вижу... извольте ваши бумаги... Вы куда теперь?

- Да куда же - домой.

- Так прощайте, мне надо ехать по делу.

Петр Григорьевич сел в коляску и поехал; а Федор Петрович отправился пешком домой.

(Продолжение следует)

Александр Фомич Вельтман.

Человек страдает не столько от того, что происходит, сколько от того, как он оценивает то, что с ним происходит. Мишель де Монтень

Когда износится одежда,
Когда закончится еда,
Когда последняя надежда
Тебя оставит, и тогда
Не стоит, в злобе и обиде,
Считать и на душу брать грех,
Что Бог не все на свете видит
И думает не обо всех...

С.В. Филиппов. Россия.

Декабрь

Осколками льда возвращается север
В чертоги лучистых времён,
Готовя зерно ледяного посева,
Смещая события в сон.

И спят - и леса, и остывшая память,
И прошлое тоже во сне.
И только грядущее не засыпает,
Не смея к весне закоснеть.

Сверкает печалью декабрьская вечность,
На снег тишиной пролита.
Ни тихого звука вокруг, ни словечка! -
Усталая спит пустота.

Ей снятся огни в бирюзовом тумане -
Ожившие души лесов,
Которые в тереме звонкого мая
Закроют печаль на засов...

Но севера пламя другое. Другие
Законы декабрьского дня.
И струны мороза, лихие, тугие
Угрозою тихой звенят.

И тихо смещается к ночи пространство
В усеянный звёздами клин,
В котором над тропкой лесной растворятся
Закатной тревоги угли.

Алексей Борычев. Москва.

Мария Всеволодовна Крестовская

(1862 - 1910 г)

Ранние грозы

Продолжение

(начало в № 60)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ХII Когда они выехали за город, Вабельский вдруг повернулся в сторону Марьи Сергеевны и взглянул ей прямо в лицо смеющимися, веселыми глазами.

- А мне кажется... - начал он немного нерешительно, - Наташе можно было ехать, только ей не хотелось... Мне кажется, она просто избегает меня, право; вы не заметили?

- Нет, вы ошибаетесь, это просто так, она такая... такая дикая... странная... Впрочем, знаете, мне кажется, что наша ссора, действительно, оставила след... - заговорила вдруг она взволнованным голосом, точно сразу решившись. - Наташа уже не та, я это чувствую... Хотя внешне ничто не переменилось; она очень ласкова в большинстве случаев, о той размолвке ни я, ни она никогда даже и не упоминаем, но... Но все-таки это уже не то, - добавила она с грустной усмешкой, слегка вздыхая.

Вабельский серьезно смотрел на нее.

- Знаете, что я думаю? - начал он: - я думаю, что вопрос еще далеко не решенный, переменялась ли ваша Наташа вследствие той размолвки с вами или это просто наступили такие годы. Мне часто приходилось слышать от многих матерей и отцов стереотипную фразу: "Ах, наша Манечка, или Ванечка, совсем уже не та, что прежде", то есть не такие, как были ребятами. Для родителей Манечка или Ванечка так и остаются тем маленьким существом, которое они помнят еще на руках няньки, "их ребенком", который и в двадцать, и в тридцать лет будет казаться и оставаться для них все тем же "ребенком". Понимание и многие ясные доказательства того, что этот ребенок мало-помалу вырос и выработался, так сказать, уже в "получеловека", повергают их в какое-то горестное удивление и недоверие, точно они хотят сказать: "Господи, да как же это, да когда же? Давно ли, кажется..."

Марья Сергеевна нетерпеливо откинулась в глубь коляски.

- Это очень печально, - заговорила она, - если перемена в наших детях будет заключаться только в их отчуждении от нас. Пока они малы и беспомощны, мы и душой, и телом сливаемся с ними в одно существо, нас не отталкивает от них разность ума, и мы их любим не меньше от того, что они глупее нас. А они! Они выросли и начинают вдруг чувствовать нас и глупее, и ниже себя! Но за что же? За что?

Вабельский как-то странно усмехнулся.

- Ну, это вы, положим, берете уж чересчур сильно. Я не говорил о пренебрежении, но мне кажется, что легкая отчужденность обязательно должна появляться. Они воспитываются и вырастают в иных условиях, чем вырастали и воспитывались вы; они будут жить с людьми, которых вы, быть может, никогда не узнаете; их взгляды, идеалы и даже сами привычки будут не те, что были у вас, потому что сам век, само общество будет отчасти уже иное! Много, что будет дорого и близко им, будет чуждо и непонятно вам, и наоборот. Явится разьединение взглядов, вкусов, принципов, привычек, и во многом вы разойдетесь по разным дорогам и перестанете понимать друг друга... У меня самого есть отец, славный старик, он всегда живет в провинции, и видимся мы с ним довольно редко. Я очень люблю его, но жить бы с ним не стал, а говорить по душам, вот хоть бы так, как говорю с вами, не мог бы. Да и бесполезно: мы друг друга все равно не убедим, не поймем, и каждый из нас останется при том мнении, что другой неправ и говорит вздор. И, верите ли, были люди, совершенно чужие для меня, в сущности, но которые, право, казались мне ближе отца. С ними у меня было больше единства; мы лучше могли понять друг друга, а следовательно, были уже и ближе между собою.

Марья Сергеевна задумчиво слушала Вабельского. Он заметил ее грусть и заговорил более громким и беспечным тоном:

- Во всяком случае, это совсем еще не так грустно и даже не так близко еще...

- Нет, это очень грустно, - печально вымолвила она. - Я думала, что я всю жизнь буду ее другом.

Он засмеялся с добродушною насмешкой:

- Ваша Наташа, когда была маленькая, наверное, шла и еще дальше. Она, наверное, уверяла вас, что проживет с вами всю жизнь и выйдет замуж только за вас, чтобы не разлучаться с вами.

Она грустно рассмеялась, и в ее памяти промелькнули далекие вечера, маленькая комнатка с голубою лампой на столе, и маленькая же Наташа с разгоревшимся личиком, с заплаканными глазами, жалобно умолявшая ее не умирать без нее...

Марья Сергеевна тяжело вздохнула.

Где же все это? Неужели потеряно безвозвратно в ряду исчезнувших годов? И, вспоминая Наташу маленькою, толстенкою, смешною девочкой с большими глазенками, с обстриженными на лбу по-русски темными волосами, она невольно чувствовала, что та девочка была как будто и ближе, и милее ей, чем эта высокая, худая девушка с серьезным уже лицом, с холодными глазами...

- Еще несколько лет, - спокойно продолжал Вабельский, - и жизнь вполне раскроется перед вашею Наташей. Явится человек, совершенно чужой и, быть может, даже антипатичный для вас, но дорогой, близкий и милый для нее. Вы трепетали, пока она вырастала, просиживали мучительные, бессонные ночи, когда она бывала больна; тот человек не делал ничего подобного, и все-таки он пересилит вас и займет ваше место. Вы знали ее всю жизнь и даже прежде, чем она родилась; он... Он, быть может, будет знать ее всего какие-нибудь два-три месяца, а между тем она полюбит его не только так же, как и вас, но даже несравненно больше. Вы всю жизнь отдали ей; тот, быть может, только испортит ей жизнь, и все-таки будет для нее дороже, чем вы, со всею вашею любовью и жертвами.

Марья Сергеевна глядела на Вабельского с немим испугом. В каждом его слове она чуяла правду, и чем более осознавала ее, тем мучительнее рвало ее каждое его слово.

Вабельский точно понял ее.

- Быть может, я совершаю бестактность, напоминая вам все это - я увлекся и совсем забыл, что говорю с матерью, страстно любящею своего ребенка... Ведь я сказал это, конечно, только в общем смысле, и, Бог даст, с Наташей никогда ничего подобного и не будет. В большинстве случаев это чисто физиологический закон природы... Взгляните на птиц, на животных...

Но Марья Сергеевна нетерпеливо рванулась вперед и резко прервала его.

«Животные! Птицы!» Да разве это то же, что человек? Какое ей дело до всего этого! Она знает только то, что этому ребенку она отдала всю себя, всю молодость, всю жизнь, всю любовь! Она не любила никогда и никого больше ее, и за все это ей сулят впереди отчуждение, разность взглядов, мыслей и возможность быть промененною на первого встречного. Ради него надо будет отходить в сторону от жизни своего ребенка и ступеньваться на сотый план! Ради него ее забудут, от нее отвыкнут и даже, быть может, бросят. Нет, это неправда, это ложь, и она не верит, не хочет, не может верить этому!

Глаза Марьи Сергеевны гневно блестели, и уголки рта судорожно вздрагивали. Вабельский искоса поглядывал на нее, чуть заметно улыбаясь в свои красивые светлые усы.

- Из этого следует, - заговорил он с ласковою насмешкой, - что не следует класть всю жизнь в чужую жизнь; надо оставлять что-нибудь и для себя. Оттого, что вы никогда не любили больше вашей дочери, даже мысленно не поделили вашей любви к ней с кем-нибудь другим, оттого, что вы убили всю молодость, лучшую часть жизни только на дочь, поверьте, ни вам не будет легче, когда наступит ее время, ни ваша Наташа не постарается полюбить поменьше своего будущего супруга из благодарности к вашим лишениям. И если любимый ею муж не будет особенно благоволить к вам, то и она, постепенно и незаметно для самой себя, начнет охладевать к вам. Разве мало видим мы примеров, что очень нежные дочери по выходе замуж принимали всецело сторону мужа, глядели на все его глазами, слушали его ушами и кончали тем, что мало-помалу прерывали всякие отношения с прежнею семьей, если муж этого хотел?

Конечно, Марья Сергеевна знала, что, по всей вероятности, ее Наташа выйдет когда-нибудь замуж, она думала об этом не раз и порой даже мечтала, как это произойдет. И это казалось ей так естественно, так обыкновенно, что нисколько не пугало ее. Но слова Вабельского открыли ей новую, совсем неожиданную сторону вопроса. И теперь это возмущало и пугало ее, как

страшная, но легко исполнимая возможность. Какое-то неприятное чувство, точно озлобление, зарождалось в ней при этих мыслях против самой Наташи; теперь она уже предвидела возможность подобной вины в будущем со стороны дочери, и это заранее оскорбляло ее. Она сидела, глубоко задумавшись и почти уже не вслушиваясь в слова Вабельского. Ужаснее он ничего уже не мог сказать ей.

А он все еще что-то такое говорил.

- Все-таки славная, милая девчурка. Мы с ней еще друзьями будем, вот увидите, это ничего, что она меня теперь немножечко дичится, зато потом поладим.

- Вы думаете?

Марья Сергеевна тихо подняла голову и несколько мгновений задумчиво глядела на него. Нет, ей почему-то казалось, что Наташа с Вабельским никогда не поладит, и это было ей очень грустно. Она не понимала, почему девочка так очевидно сторонится и не любит его. Из всех людей, которых она знала, он был самый симпатичный для нее, ее невольно что-то влекло к нему и сближало с ним все больше и больше, а потому она желала бы, чтобы и дочь ее относилась к нему лучше. Они еще в первый раз так очевидно расходились в своих симпатиях; до сих пор в большинстве случаев бывало так: что не нравилось одной, не нравилось и другой, что любила одна, любила и другая.

Но Вабельскому уже надоело рассуждать о Наташе, и он нашел, что теперь гораздо интереснее настроить ее на более веселое расположение духа...

- Однако, знаете что! - воскликнул он, смеясь. - Вместо того чтобы загадывать, что будет впереди и заранее огорчаться и волноваться, мы с вами лучше выйдем из коляски и пройдемся немного по этой аллее. Смотрите, какой тут чудный воздух, так и хочется дышать всей грудью.

Они ехали уже по Каменному Острову, и вечер был так тих, что листья на деревьях почти не шевелились, и только изредка легкий ветерок вдруг пробежал по веткам и, шелестя между ними, доносил откуда-то аромат цветущей сирени и тянул с Невы свежим, своеобразным запахом воды.

Марья Сергеевна охотно согласилась. Ей хотелось пройтись и развеяться немного от тех грустных мыслей, которые Вабельский невольно нагнал на нее.

Он подал ей руку, и они пошли прямо, вдоль береговой аллеи. Марья Сергеевна шла молча, любуясь догорающим закатом и причудливо разбросанными по всему небу розовыми облаками, отражавшимися целиком, точно опрокинутые, в застывшей глади реки, и на душе ее было как-то и грустно, и отраднo, и тревожно отчего-то...

На своей руке, лежавшей на его руке, она чувствовала его легкое и нежное пожатие, и это было ей приятно, хотя внутреннее чувство подсказывало ей, что это нехорошо и ненужно; но она не отнимала у него своей руки, хотя и старалась придать своему лицу холодное и сухое выражение.

- Ну, вечер так хорош, - сказал он, весело взглядывая на нее и невольно засматриваясь на ее тонкий изящный профиль, мягким абрисом выделяющийся на светлом фоне прозрачного воздуха, - что, право, вам грех раскаиваться в том, что вы согласились хоть немного подышать чистым воздухом после вашей городской пыли.

- Я и не раскаиваюсь.

- Ну, и отлично, а у меня, кстати, явилась одна идейка. Вот тут, в конце острова, есть маленький ресторанчик...

Но он не успел еще договорить, как лицо ее приняло испуганное выражение, и она даже слегка отшатнулась от него.

- Ну, вот, - воскликнул он, смеясь, - я так и знал, что вы испугаетесь! Ну, можно ли быть такой институткой! Ведь это же ребячество.

Марье Сергеевне так редко приходилось бывать в ресторанах, что он, действительно, почему-то пугал ее и казался ей чем-то предосудительным. За всю свою жизнь она всего была там раза четыре-пять, и то всегда с Павлом Петровичем, и идти туда без мужа ей казалось ужасно неловким. Но в то же время ее задевали насмешливые упреки Вабельского, она совсем не хотела казаться в его глазах какой-то наивностью и институткой; ей это было не только неприятно, но даже совестно; он мог подумать, что она нарочно рисуется перед ним и молодится, стараясь притвориться совсем неопытной, всего пугающейся девочкой.

- Нет, - сказала она смущенно, как бы оправдываясь, - я совсем не боюсь и не ребячусь, но... Но...

- Но? - повторил он с легкой насмешкой. - Ведь у женщин всегда найдется какое-нибудь "но"!

- Но я просто не люблю ресторанов.

- Любить рестораны и в кои веки раз случайно заехать туда - две разные вещи! Мы с вами просто заехали бы туда, заняли бы маленький столик в саду или на балконе, напились бы чаю; я же, кстати признаться, очень плохо обедал сегодня и потому закусил бы с большим удовольствием; поболтали бы, посидели бы на чистом воздухе и самым безобидным образом уехали бы домой. Ну, что тут странного или дурного, скажите на милость! Ах, барыня моя милая, совсем вы еще дитя, как я погляжу. - И он засмеялся, как смеются взрослые над каким-нибудь безосновательным страхом детей, и ласково пожал ей руку.

Марья Сергеевна слушала его молча, но с улыбкой, и в душе уже колебалась. Кроме того, что ей не хотелось казаться в его глазах робеющей всего институткой и хотелось сделать ему приятное своим согласием, ресторан еще манил ее, как что-то запретное и почти незнакомое ей. К тому же он сам признался, что голоден; положим, можно было бы пригласить его выпить чаю и закусить после катанья к себе домой. Но это тоже как-то неудобно и неловко... Она готова была согласиться, но какой-то страх все еще удерживал ее, хотя она и говорила себе, что смешно и глупо бояться самых простых вещей и каждого пустяка. Но Вабельский прервал ее сомнения, заговорив вдруг слегка обиженным и грустным тоном:

- Ну, не будем говорить об этом, если на это так трудно и страшно решиться. Мне обидно только одно: что вы так мало доверяете мне и можете думать, что я когда-нибудь решусь предложить вам что-нибудь такое, что может быть предосудительно для порядочной женщины! Вам, которую я так безгранично уважаю...

Марья Сергеевна сконфуженно вспыхнула, испугавшись и смутившись, что он мог заподозрить ее в таких мыслях. Ей было это очень неприятно. Она так безусловно доверяла ему, и уж конечно не желала обижать его, а такое предположение легко могло задеть и оскорбить его.

- Нет, пойдемте! - воскликнула она решительно, чувствуя себя перед ним ужасно виноватой. - Я ничего подобного не думала и если бы не доверяла вам так глубоко, то разве поехала бы с вами сюда, разве была бы так откровенна? Как могли вы это подумать?

- Я невольно должен был это подумать, - продолжал он все тем же грустно-оскорбленным тоном, - потому что иначе, право, трудно объяснить себе ваш страх и недоверие к таким, в сущности, пустякам. Но хватит об этом. Если вы не хотите и сомневаетесь, прилично ли это, следовательно, никакой и речи быть не может...

- Да неправда! - воскликнула она горячо. - Совсем я не сомневаюсь и, напротив, пойду с большим удовольствием!

- Нет, дорогая барыня, я ведь знаю женщин: сначала согласятся, а потом будут мучиться да раскаиваться, да хорошо ли я сделала, да прилично ли это - ах, не вышло бы каких-нибудь сплетен и т.д. Право, - прибавил он, смеясь, - я совсем еще не так голоден, чтобы подвергнуть вас такой пытке!

- Ну, вот, - сказала она, сконфуженно улыбаясь. - Теперь, значит, уже я должна вас просить!

Он тоже засмеялся, и опять крепко пожал ей руку.

- Ну, нет, - сказал он, повеселев, - этого, положим, не будет, уж если вы такая милая и великодушная, что даже решаетесь совсем расхрабриться, чтобы только накормить меня, то уж, конечно, я не заставлю себя долго упрашивать! Итак, идем!

- Идем, - повторила она смущенно, но весело.

Он крепко прижал к себе ее руку, и они пошли, болтая и смеясь гораздо веселее, чем сначала.

Когда они подошли к ресторану, который весной был самым модным и любимым местом петербургской публики, стекавшейся туда по вечерам после катанья на Стрелке, он был уже почти полон, и у подъезда стояло несколько экипажей.

Но на Марью Сергеевну, как только она подошла к подъезду, опять напали чувство страха и неловкость, и почему-то боясь встретиться со знакомыми, она попросила Вабельского занять лучше маленький отдельный кабинет, чем сидеть в саду на виду у всей этой публики, невольно смущавшей ее.

Вабельского тут, по-видимому, все хорошо знали, и, как только они вошли, один из лакеев бросился к ним навстречу с той стремительной почтительностью, с которой они встречают обыкновенно уже давно знакомых им и щедрых гостей.

Марья Сергеевна тревожно поднималась вверх по лестнице за Вабельским и поспешно бежавшим впереди татаринном с круглой черной головой и с широким безукоризненно гладко выбритым лицом.

Когда они вошли в маленький кабинет, выходивший окнами прямо на Неву, татарин, все с той же стремительностью, бросился сначала к Вабельскому, помогая ему снимать пальто, а потом к сервированному уже столу, блестящему своей белоснежной скатертью, наскоро обмахивая приборы висевшим у него на плече чистым полотенцем.

Когда Вабельский заказал ужин и вино и татарин убежал исполнять его поручение, он подошел к застенчиво сжимавшей перчатки Марье Сергеевне и с серьезным, почти строгим выражением на лице крепко поцеловал ей руку.

- Это за то, что верите мне...

Она чуть-чуть покраснела и с улыбкой ответила на его пожатие.

- Ну-с, а теперь, милая трусиха, - перешел он опять на шуточный тон, - позвольте мне вашу накидку и затем будьте как дома! И помните, - прибавил он, смеясь, - что вы сами пригласили меня, а потому должны быть теперь любезною хозяйкой и занимать своего гостя.

Она смеялась, но чувствовала себя еще не совсем ловко. Такое чувство случалось ей, бывало, испытывать еще в детстве, когда, шалая, она знала, что это дурно и что ее за это накажут, и все-таки не могла удержаться и продолжала шалить.

Вся эта ресторанный обстановка, которую ей случалось видеть так редко, занимала и интересовала ее, и она с любопытством оглядывалась кругом, прячась за занавеси, выглядывала в сад, рассматривая сидевшую там публику. Ей было как-то и смешно, и забавно, и весело, и жутко на душе отчего-то.

Вабельский был тут завсегдатай и знал почти всех и, стоя возле нее, показывал ей разных своих знакомых, называя их имена, а про некоторых рассказывал даже целые биографии.

К своему удивлению, Марья Сергеевна увидела тут и нескольких своих знакомых даже среди дам, и это успокоило ее, тем более что общий вид всей публики был крайне порядочный и даже фешенебельный.

Она стала развязнее, смелее и весело шутила и смеялась, слушая Вабельского.

- Ну-с, а теперь сядем, - сказал он, когда татарин внес поднос с первыми закусками.

Вабельский велел придвинуть стол к самому окну, так, чтобы им были видны Нева и весь противоположный берег, казавшийся издали очень красивым и как бы утонувшим в садах и зелени.

Из сада им были слышны веселые голоса и смех сидевшей внизу публики, звон посуды и хлопанье пробок из бутылок, а с противоположного берега доносились звуки музыки и свистки проплывавших поминутно по реке небольших пароходиков.

И Марье Сергеевне во всем и во всех чувствовалось какое-то особенное, новое для нее оживление, невольное заражавшее и ее самое.

- А вот на Волге, - воскликнул Вабельский, вскрывая устрицу, - я часто вспоминал вас!

Она немножко удивилась - почему?

- Видите ли, я попал туда как раз в самое лучшее время, во время разлива, а в это время Волга всегда необыкновенно красива. Вы никогда не были на Волге?

- Нет.

- Ну, это жаль - на ней стоит побывать. Я, знаете, совсем не сентиментален, но, бывало, как выйдешь на палубу парохода ночью, часа в два, так невольно замечтаешься. Кругом тишина такая, все спит, и только на берегах соловьи заливаются... Я, знаете, вообще довольно равнодушен к этим соловьям, но там они такие концерты задавали, что поневоле заслушаешься. Бывало, слушаешь, слушаешь их, и даже тоска какая-то вдруг охватит. Бог весть о чем и почему. Вот тут и вспомнишь, бывало, о вас, ведь вы, наверное, уж признайтесь, ужасно любите соловьев слушать?

Марья Сергеевна слегка смутилась, она старалась припомнить, слыхала ли когда-нибудь их, кажется, что нет.

- Не знаю... Кажется, я никогда их не слыхала.

Он с удивлением взглянул на нее.

- Да неужели?

- Ведь мы весну проводим всегда в Петербурге, а на дачу переезжаем довольно поздно...

- Да вряд ли их много и водится на наших петербургских дачах! - сказал он насмешливо и вдруг о чем-то задумался и замолчал.

Марья Сергеевна тоже задумалась и молча смотрела в распахнутое окно на расстилавшуюся перед ней ширь реки. Рассказ Вабельского подействовал на нее, и Волга, с ее цветущими берегами, так живо рисовалась перед ее мысленным взором, что ее невольно охватило страстное желание побывать там, и какая-то неясная тоска напала на нее, и ее влекло куда-то,

куда - она не знала еще сама, но дальше от этого Петербурга и от всех этих уже так наскучивших и надоевших ей мест...

- Скажите, - начал Вабельский, - вы всю жизнь жили безвыездно в Петербурге?

- Да, почти... - грустно отвечала она. - До замужества только, еще будучи совсем молодой девушкой, почти девочкой, я ездила с кузинами и теткою за границу. Но, вышедши замуж, я никуда уже не ездила - муж не любил уезжать из Петербурга, да и обстоятельства складывались все так, что что-нибудь всегда мешало нам ехать путешествовать.

Вабельский, пристально глядевший на нее, несколько минут сидел молча с каким-то странным, не то насмешливым, не то грустным, выражением лица.

- Скажите, - спросил он вдруг, - ведь вам, верно, есть уже тридцать лет?

Она немного смутилась и удивилась, не понимая, к чему он спрашивает об этом.

- Да, - сказала она, слегка краснея, - мне уже тридцать третий год!

- Ну, вот видите! - сказал он, как будто с укором не то к ней, не то к кому-то другому, и вдруг воскликнул с каким-то горячим раздражением:

- Прожить тридцать лет и ничего не испытать, ничего не узнать, не увидеть! Так всю жизнь пропустить даром и даже не заметить ее!.. Ведь вы даже и не любили еще никогда!

- Как я не любила! - воскликнула она почти так же горячо, как и он, удивляясь в душе, зачем он говорит ей такие вещи. - А Наташа, а муж?

Но Вабельский нетерпеливо передернул плечами и прервал ее:

- Ну, что там муж, Наташа! Да разве этого достаточно! Разве такая любовь нужна женщине, полной жизни и молодости? Разве такая любовь удовлетворит ее всю, наполнит все ее существование? Да разве та жизнь, которою вы живете - жизнь? Разве те чувства, которые вы испытывали до сих пор - любовь? Неправда! Никогда! Разве вы любили когда-нибудь страстно, безумно, забыв весь мир и все на свете, ни о чем не думая, не рассуждая и, быть может, даже мучаясь, страдая порой, но зато и наслаждаясь таким полным счастьем и восторгом, какое теперь вы даже и представить себе не можете? Ну, скажите же мне откровенно теперь, любили вы так когда-нибудь? Нет, я за вас отвечу, я знаю, что нет! А каждая женщина хоть раз в жизни должна так любить, иначе... Иначе ей не стоило и жить, не только родиться!

Она слушала его, пораженная и охваченная каким-то чувством стыда, жалости и боли к самой себе, и вдруг сознание, - страшное, болезненное и мучительное для нее, - что все это правда, впервые сделалось ей ясно и испугало ее.

К чему, к чему он говорил ей все это? Она боялась и не хотела слушать его, боялась этого страшного сознания, впервые проснувшегося в душе ее так ясно и так горько.

Не надо, не надо говорить об этом, не надо думать об этом! И она хотела встать и прекратить этот тяжелый и пугавший ее разговор, но он, не давая ей опомниться, взял ее за руку и продолжал горячим голосом:

- Ведь у вас даже молодости не было, даже воспоминаний о ней никаких не осталось! А вот взгляните! - воскликнул он вдруг, крепко сжимая ее руку и привлекая к окну. - Взгляните на всех этих людей, их тут больше сотни, может быть, и верьте мне, что все они живут и наслаждаются! Все они чувствуют жизнь и знают ее, а не спят! И берут от нее все, что она только может им дать! А вы! Что вы взяли от нее? Скажите! А через семь лет ведь уже поздно будет...

Она машинально глядела по направлению его протянутой руки, прислушиваясь к долетавшим к ним снизу смеху и говору, и во всех людях, сидящих там, ей действительно чудилось отражение кипящей в них жизни и любви...

Лицо ее пылало, рука, судорожно сжатая его рукой, ныла от боли, но она не замечала этой боли, а в сердце ее все мучительнее, все тоскливее поднималась другая щемящая боль и горечь. Она чувствовала себя чем-то словно обделенной и обиженной перед другими людьми, и собственная жизнь казалась ей такой бесцветной, ничтожной, и ей делалось страшно при мысли, что теперь уже все потеряно, и страстное, мучительное желание жить, любить и наслаждаться, как живут другие, как говорил Вабельский, охватывало ее все больше, и жгучие слезы уже готовы были брызнуть из ее глаз... Но она подавила их, тихо высвободила от него свою руку и опустилась в кресло, утомленная и разбитая тем страстным вихрем ощущений и желаний, вдруг налетевшим на нее...

Был уже двенадцатый час. Пурпурный закат давно уже потух, и раскиданные по небу облака из ярко-розовых превратились в белые и прозрачные, сквозь них кое-где мелькали бледные весенние звезды. Наступала белая майская ночь, с реки потянуло легкой сыростью, и публика стала постепенно разъезжаться.

Голоса в саду все затихали, и на несколько занятых еще столиков уже принесли свечи под стеклянными колпаками, вокруг которых кружились ночные мошки и маленькие бабочки, летевшие на огонь.

- Пойдемте... - сказала вдруг Марья Сергеевна, поднимаясь. Лицо ее было бледно, но глаза горели сухим, горячим блеском.

Вабельский молча поклонился и, встав, достал ее накидку и все так же молча помогал ей застегивать ее, но на лице его блуждала чуть заметная торжествующая улыбка...

XIII Вернулись они в город далеко за полночь, и Вабельский, прощаясь с Марьей Сергеевной у подъезда, крепко сжал ее руку и, целуя, глядел ей прямо в глаза. Марья Сергеевна слегка покраснела и скользнула взглядом мимо его лица. Швейцар, услышавший звонок, уже отворял дверь.

- До свиданья... До завтра... - тихо проговорила она, все так же избегая его взгляда.

Дверь захлопнулась, щелкнул замок, и фигура швейцара скрылась за зеркальными стеклами дверей вслед за ее удалявшимся силуэтом. Вабельский задумчиво постоял еще несколько секунд у подъезда, но затем беспечная и немного плутоватая улыбка скользнула по его лицу.

- Пошел! - крикнул он, вскакивая в коляску.

"А ведь она будет моею, и даже скорее, чем я ожидал!" - сказал он себе, самодовольно улыбаясь...

Марья Сергеевна прошла в свой будуар.

- Барышня спит? - спросила она Феню.

- Спят.

Марья Сергеевна подумала, не зайти ли ей к Наташе, но потом решила, что будить жаль...

Она торопливо раздевалась, желая скорее остаться одной. Сновавшая взад и вперед Феня мешала ей думать и раздражала ее. Когда Феня, наконец, ушла, Марья Сергеевна устало опустилась на постель, уронив голову на подушки.

Она чувствовала себя очень утомленной и хотела бы скорее заснуть, но разные мысли бродили в ее голове и отгоняли сон... Весь этот день был для нее чем-то совсем новым, непривычным и невольно оставил у нее глубокое впечатление, и в этой тишине ночи она снова припоминала и переживала его. Подушка быстро нагревалась под ее воспаленною головой, и она беспрестанно переворачивала ее; одеяло душило ее, и она нетерпеливо сбросила его с себя, закинув руки за голову. Она чувствовала, что не заснет скоро, и это раздражало ее. Часы в столовой пробили два. Марья Сергеевна удивилась: "Как поздно!", и тут же подумала: "Как рано!" - впереди еще целая бессонная ночь...

Перед ней точно стояли красивые глаза Вабельского с тем самым выражением, которое было в них, когда, прощаясь у подъезда, он поцеловал ее руку. Даже смыкая веки, она не переставала их видеть: они вырисовывались перед ней так подробно, что она мысленно видела не только их цвет и выражение, но даже светлый отблеск в темном зрачке, легкую припухлость век и маленькие, чуть заметные красноватые жилочки в уголках... Она не хотела думать о них и старалась глядеть на что-нибудь другое, но они все-таки снова выплывали перед ней точно из какого-то туманного облачка и глядели на нее прямо в упор, красивые, смеющиеся и ласкающие. Потом, мало-помалу, обрисовывались и другие черты его лица, и через мгновение он вставал перед ней во весь рост. Она видела его движения, жесты, слышала его голос, слова, и вдруг какая-нибудь фраза вспоминалась ей так живо и отчетливо, что ей казалось даже, будто он снова произносит ее над самым ее ухом: "Что взяли вы от жизни? Ничего. Любили ли вы когда-нибудь? Нет!"

Да, это правда, и в это мгновение сознательнее, чем когда-либо, чувствует она всю силу этой правды. Никогда, никогда она не любила, и вся ее жизнь, вся ее молодость промелькнула перед ней тихо, бесстрастно и монотонно до такой степени, что она даже не заметила ее... Он сказал правду - нет даже воспоминаний! Все одинаково, ровно, сегодня - как вчера, и завтра - как десять лет тому назад! Единственные перемены, возможные для нее - это перемена квартиры, дачи, платьев и прислуги.

А другие? Другие на ее глазах любят, живут, чувствуют жизнь. Другие хоть путешествуют, а она, смешно сказать, дальше Петербурга и его дач не видела ничего, не была нигде! Соловьи, разлив Волги, яблони в цвету... Что он там еще рассказывал? Смешно, глупо, пошло, но даже и этого она не знает, не видела, не слыхала. Даже такие пустяки может представить себе лишь туманно, фантастически и неясно. "А через семь лет будет поздно!" Семь лет? А тридцать брошены даром! Проспала! Проспала!

И она злобно засмеялась, ломая над головой свои обнаженные руки. О, лучше бы уж ей вечно спать! К чему пробуждаться, когда уже ничего нельзя вернуть? Зачем, зачем он говорил ей все это?

Она порывисто вскочила с постели и бросилась к окну - лежать она больше не могла, спертый воздух душил и мучил ее. Схватив на ходу длинный пеньюар, она быстро накинула его на себя и, путаясь в обвивавшем ее ноги шлейфе, кинулась на кушетку. На улицах еще стояла тишина, хотя было уже совсем светло. Только изредка сонно проезжал извозчик, и колеса дрожек еще долго потом гулко грохотали по мостовой, пока, наконец, не замирали где-нибудь в отдалении...

Часы в столовой опять пробили, но уже три часа. О Господи! Уж утро бы, что ли, скорей! Эта ночь, белая и не движущаяся, раздражала и томила ее еще сильнее.

Она не заметила ее начала и не предвидела ее конца. Все одинаково светло и недвижно! И эта тишина... Точно ее жизнь, такая же однообразная. Так же, как и в этой ночи, она не могла припомнить начала ее, момента, с которого она начала жить, понимать жизнь, чувствовать ее; времени, с которого из ребенка переродилась в женщину. И так же не предвидела конца этой дремоте и прозябанию... А впереди! Что оставалось ей теперь впереди? Старость, которая подкрадется также незаметно, как прошла и целая жизнь! Да что же и переменится тогда, в сущности? Разве только волосы да лицо? А жизнь, ее течение, чувства, даже самый ход ее - все останется то же!

Впрочем, правда, в будущем для утешения и разнообразия ей еще предстоит, как пророчит Вабельский, охлаждение Наташи, которая, влюбясь, променяет ее на первого встречного! Что же, пожалуй, за это и обижаться нельзя; по крайней мере не прозевает и не проспит, как мать! Хоть что-нибудь да переживет! А что касается матери, то какое же дело до этого будет Наташе? Вабельский прав, каждый живет для себя... Одна она не знала этого. И злое чувство поднималось в ней и против Наташи, и против мужа: они казались ей точно виноватыми в чем-то перед ней, и со злым раздражением она обвиняла их, подыскивая и вспоминая нарочно все, что могло бы увеличить в ее глазах их виновность еще больше. Муж виноват в прошлом, Наташа - в будущем.

Только к утру заснула, наконец, Марья Сергеевна, но сон ее был так же непокоен, как вся эта ночь. Беспокойно мечась и вздрагивая, она поминутно бредила и стонала во сне...

Продолжение следует...

М.В. Крестовская.

Старый дом

Стрелка часов с трудом прокладывает путь сквозь вязкое от воспоминаний время. Проходит час, и из-за дверки неспешно вылезает кукушка, зевая и потягиваясь, кукует раза три, чтобы просто обозначить своё присутствие, и скрывается вновь.

Массивные шкафы и буфет так давно стоят на одном месте, что их ножки приросли к доскам пола, и сдвинуть их уже вряд ли кому-то удастся.

Все звуки в этом старом доме ленивы, будь то скрип половицы или шум ночного дождя, стучащего по крыше. И даже шуршащая в подполе мышка никуда не торопится, вдумчиво уничтожая прошлогодние запасы...

30.05.2012

Александр Смирнов.

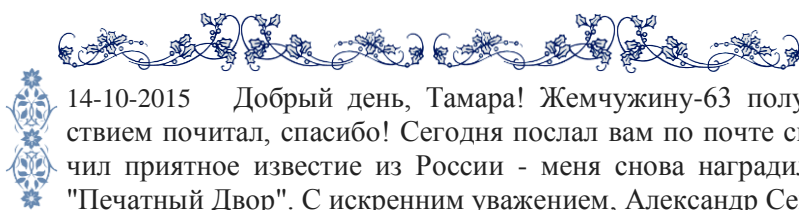
За окном моим всё белым-бело,
В мёрзлых ветках свет золотится,
Перламутровым полотном
На земле моей снег искрится.

С куполов церкви колокольный звон
В небо синее обрывается,
На дворе зима спит волшебным сном,
А моя душа просыпается.

Ой ты, Русь моя! Страна моя!
Где просторов ширь бесконечная.
Лишь с тобой одной буду счастлив я
И любовь моя к тебе вечная.

Павел Грызлов.
Россия.

*Чем отличается сильный мужчина от слабого?
Когда тебе плохо, сильный поможет, а слабый сделает вид, что ему еще хуже.*

Письма читателей

14-10-2015 Добрый день, Тамара! Жемчужину-63 получил и с преогромным удовольствием почитал, спасибо! Сегодня послал вам по почте свой сборник. И сегодня же получил приятное известие из России - меня снова наградили золотой медалью на ярмарке "Печатный Двор". С искренним уважением, Александр Семченко. Австралия (Россия).

22-10-2015 Здравствуйте, уважаемая, дорогая Тамара! ...С огромным удовольствием получил свежий, октябрьский номер Вашего замечательного журнала! Ещё раз - большое спасибо Вам за подборку моих стихов. Всё сделано, подобрано и оформлено так, что лучше уже быть и не может! Вообще весь номер, все материалы других авторов - всё талантливо и интересно. Порадовала и Ваша "Халява" и знакомые розовые тапочки гостя на столе... Умеете Вы не только писать, но и верно, удачно оформлять написанное! Одно к одному - очень удачно! Кстати, это уже талант не только и не столько оформителя, дизайнера, а талант режиссёра, когда одно дополняет другое и получается цельная, многогранная картина, мозаика!...

С уважением, Ваш Эдуард Ковшевный. Россия.

22-10-2015 Здравствуйте, Тамара! Благодарю Вас! Этот номер получился ещё более красочным и интересным! И моё скромное стихотворение.... очень приятно! С уважением,

Ваш Сергей Михайлов. Россия.

2015 г. Здравствуйте, Тамара!
...Номер Вашего журнала прочитал с удовольствием. Буду перечитывать. С уважением,
Юрий Евстифеев. Россия.

22-10-2015 Благодарю Тамара! Сердечно благодарю и поздравляю с новым выпуском русского журнала!

В.К. Невярович. Москва.

23-10-2015 Спасибо, Тамара, с удовольствием прочел очередной номер вашей "Жемчужины", даже свою фамилию обнаружил, но, главное, порадовался за Александра Семченко, недавно его книга "Истоки" получила золотую медаль на "Печатном дворе" во Владивостоке, одном из самых престижных в России... Удачи вам и новых интересных публикаций. Ваш друг и брат по перу

В.В. Иванов-Ардашев. Россия.

23-10-2015 Дорогая моя Томочка! Спасибо тебе за "Жемчужину" - я прочитала её с жадностью и сразу. Мне нравится твоя концепция журнала: ты адресуешь журнал одновременно людям разного возраста и духовного уровня, и все находят в публикациях своё, что созвучно их "духовному возрасту". Что-то читатели поймут потом, и это не страшно, главное - заронить в сознание доброе зерно... Отношение к русскому языку у тебя трепетное, как к Слову Божьему!

"Проглотила" статью В.Д. Ирзабекова, филолога, писателя и богослова. Я люблю смотреть передачи с ним на канале "Спас"... Буду рекомендовать твой журнал всем, кто меня услышит. Спасибо тебе! Желаю тебе Божьей помощи, крепкого здоровья и вдохновения. Любящая тебя,

Н. Гребенюкова. Россия.

25-10-2015 Дорогая Тамара! От души поздравляю Вас с выходом нового номера "Жемчужины"! Несмотря на австралийскую весну он у Вас выдался по-русски - такой осенний и красочный, с замечательными произведениями! Так светло от него на душе и спокойно. Меня всегда впечатляло как Вы умеете так гармонично совмещать стихи, статьи, не деля их на разделы - "стихи", "статьи". Но все читается как единое целое, очень умело и с душой сделано!... Как всегда порадовал замечательной подборкой статей, стихов и чудесными иллюстрациями. Да благословит Вас Господь с избытком на новые творческие открытия!... **О. Цвиркун. Украина.**

5-9 нояб. 2015 (стих.«Ветряная Мельница») Томочка... -"И дорожка стелется / Прочь от шатких стен". Улетает и превращается в пыль всё пустое.. принесённое ветерком.. но из былой боли рождаются образы, вспыхивая подобно искрам... От замков на песке душа бежит, как от неправды, которая сулит гибель...

(стих. «Испанское лето») ...Стихотворение написано анапестом, он стремителен, порывист - об этом говорил Н. Гумилёв - и в нём "напряжение нечеловеческой страсти". Наверное, ты выбрала специально этот размер, ведь каждый размер может выражать своё содержание. В стихотво-

рении много номинативных предложений, которые создают особую экспрессию. Им свойственна и фрагментарность, и ёмкость одновременно. Отдельные детали дописывает в своём воображении читатель. Номинативные предложения часто употреблялись в поэзии Серебряного века, у Блока, например, у Бальмонта. У тебя есть даже внутренняя рифма: Ласки жаркие / Страсти яркие/ (Правда, слово "жаркие" повторяется дважды). Томочка, обрати внимание на строчку: "Победитель бывает лишь прав..." Стихотворение ритмично, как испанский танец, в нём интересные образы, только, мне кажется, чуть-чуть надо его отшлифовать.

Целую, всегда твоя **Н. Гребенюкова**. Россия.

Письма читателей

24-11-2015 Здравствуйте, Тамара Николаевна! Получил журнал. Спасибо! Испытал огромное удовольствие: журнал пахнет кактусами и кенгуру!...

С уважением, **Сергей Михайлов**. Россия.

27-9-2015 Здравствуйте Тамара! Спасибо за 63-й номер Жемчужины... Столько прекрасных работ. Понравился небольшой рассказ священника Ярослава Шипова «Уездный Чудотворец». Простой человек видит свой долг - быть нужным людям, довольствуется малым и счастлив. Автору - спасибо и пожелание творческих успехов... С интересом читал статью «Гоголь против Шевченко»: слово может и лечить, и ранить, и не только того, к кому оно обращено, но и самого автора. Поучительная статья, актуальная и в наше время... Очень понравилась работа Светланы Кабановой «Молитва о Любимых» - светлая, добрая, льётся словно песня; автору благодарность и уважение... Понравилась Ваша работа «Божии строки» - просто гимн поэту, и «Вдохновение» - небольшая, но вместе с тем яркая работа. Радуюсь за Вас. Автору статьи «Как Чужому стать своим, а своему не стать чужим» - особая благодарность: много узнал о Василии Ирзабекове. На таких людях и держится наша многонациональная Россия и Русский Мир; они умеют простым языком говорить о сложном, умеют убеждать, им верят и у них учатся постигать мир, жизнь, учатся разбираться в сложных взаимоотношениях между людьми, народами и религиями... =====

29-10-2015 ...Спасибо за 64 номер Жемчужины. Прекрасный номер. Очень верно заметил в отзыве один из авторов: «Жемчужина» не только литературно-художественный, но и образовательный журнал. Я с ним полностью согласен, это дорогого стоит... Как всегда, порадовал прот. Василий Мазур своей работой «Окончен путь», - читал несколько раз и находил для себя всё новое и новое. Спасибо ему и уважение за труд... Статья - беседа Игоря Зыбина с Василием Ирзабековым дала возможность узнать о новой книге замечательного человека «Тайна Русского слова». Уверен, многих читателей «Жемчужины» она заинтересует и, возможно, их мнение о книге появятся на страницах Жемчужины... Хорошее впечатление произвела подборка стихов Эдуарда Ковшевного. Как пишет автор, это просто искренний лирический дневник души, чувства, мысли простого верующего русского человека... Рассказ Сергея Пилипенко «Монисто» читал несколько раз: яркий, добрый и светлый; даже представил эту девочку, радующуюся всем краскам жизни... Ваш рассказ «На Халяву» напомнил мне рассказы Зощенко, по которым были сняты сатирические фильмы, и мне показалось - вполне готовый сценарий: персонажи так хорошо прописаны, что, читая, сразу представляешь каждого, и словно со стороны наблюдаешь за ними. Спасибо. Уверен, читатели по достоинству оценят работу. Желаю Вам дальнейших успехов и впредь радовать нас такими работами....

С уважением. **Евгений Кульба**. Россия.

29-12-2015 Дорогая Тамара!
Поздравляем и вас с Новым годом
и Рождеством Христовым!
В. и О. Кузьмины. газ. «Единение»

25-12-2015 Здравствуйте, глубокоуважаемая Тамара Николаевна! От всей души сердечно поздравляю Вас с наступающими замечательными праздниками Рождества и Новым Годом! С искренним почтением и наилучшими пожеланиями **Владимир Колабухин**. Россия.

29-12-2015 Дорогая Тамара! От души поздравляю Вас с наступающим новолетием и Рождеством Христовым! Мира, добра, много света и крепкого здоровья! **Оля Цвиркун**. Киев.

29-12-2015 Спасибо, дорогая Тамара! И Вас с Новым годом! Всего самого доброго в Новом 2016 году! С уважением,

Ирина Арапова. Воронеж.

29-12-2015 И Вас также, дорогая Тамара! Здоровья, счастья и творческих успехов в Новом году!

Ваш **Абрам Троицын**. Сидней.

Письма читателей

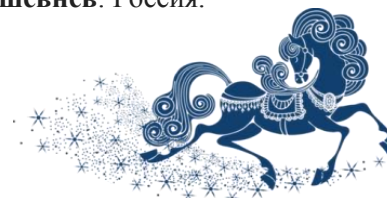
2016 г. Здравствуйте, дорогая Тамара Николаевна! Сердечно поздравляю Вас со светлым праздником Рождества! Добра и света Вашему дому! Здоровья и благополучия Вам и Вашим близким! Процветания Вашей драгоценной Жемчужине!

С уважением, Ваш **Александр Герасимов**. Калининград.

2-1-2016 Уважаемая Тамара! Поздравляю Вас и весь коллектив руководимого Вами издания "Жемчужина" с Новым годом и грядущим Рождеством Христовым. Здоровья, счастья, мирного неба, творческого настроения. У меня год прошедший оказался литературно плодотворным - итогово прошло сорок публикаций в российских и зарубежных журналах, в том числе в начале 2015-го и в "Жемчужине". С надеждой на дальнейшее сотрудничество - Ваш автор **Федор Ошевнев**. Россия.

2-1-2016 Дорогая Тамара! От всей души поздравляю Вас с Новым Годом! Путь у Вас всё будет хорошо! **И. Нечипорук**. Донецк.

5-1-2016 Поздравляем с Рождеством Христовым и Новым Годом. Желаем здоровья, счастья и всякого благополучия. **Вера и Костя Супрунович**. Мельбурн.

16-1-2016 Здравствуйте, Тамара! ...Читал и читал Ваше «Испанское лето» - очень понравилась работа: точки и многоточие, словно кастаньеты, создают ритм, и кажется, словно слышишь то приглушённый звук, то высокий... Вот бы прекрасно было - перевести эту работу на испанский язык - в ней и бой человека с быком, и зажигательный танец, и грусть вековых традиций. Читаешь - и словно находишься в далёкой, яркой, весёлой и грустной жгучей стране... В работе нет лишних слов, каждое слово ёмко по содержанию и передаче не только информации: за словом есть незримый шлейф истории, культуры и традиций народа. Столько раз читал о кастаньетах, слышал их звуки и видел, как как под эти звуки танцуют, но только под впечатлением Вашей работы набрал в поисковике - и был приятно удивлён историей кастаньет. А «Юбки-Зарницы» - просто прекрасно: в двух словах сливается и культура национальной одежды, и народный танец, и характер народа, и природа Испании! Прекрасная работа - мне очень понравилась; буду читать ещё и ещё, спасибо Вам.

В наступившем году разрешите пожелать Вам, Тамара, новых творческих успехов. ...Сил Вам и терпения в работе над новыми номерами «Жемчужины», встреч с прекрасными, интересными, добрыми людьми! Всего самого доброго и хорошего! С уважением, **Евгений Кульба**. Россия.

ИСПАНСКОЕ ЛЕТО

Кабальеро. Испанское лето.
Пляска страстная. Юбок зарницы.
Пламя- взор. Каблуки. Кастаньеты.
Жизнь на плаху для донны-царицы.

Бой неравный. И хрипы быков.
Дикий зной. Необузданный нрав.
Стоны. Кровь. И последний покров -
Победитель в жестокости прав...

Ласки жаркие. Бешеный взор.
Страсти яркие вспыхнут и гаснут.
Кабальеро... Тореедор,
Свою жизнь погубил ты напрасно.

Монастырь. Монт-Серрата громада.
Тают в сумраке юбок зарницы.
Холод камня. Обрыв возле сада.
Пред Мадонною - слёзы царицы...

Тамара Малеевская.

Брисбен. 6-8-2015

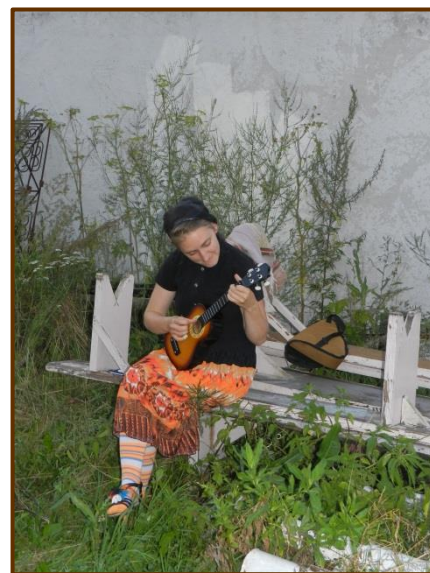
*Железо так говорило магниту:
больше всего я тебя ненавижу
за то, что ты притягиваешь,
не имея достаточно сил, чтобы
тащить за собой. Фридрих
Ницше.*

ЧЕЛОВЕК С КОРОБОЧКОЙ

Молодёжный раздел.

Память подводит людей, оставляя лишь короткие вспышки образов, лиц, слов, звуков. Иногда, кажется, помнишь, но вот прошел миг и лишь тьма, да пустота. Воспоминания - драгоценности, которые подобно кладу, приходится искать в ежедневной суете, чтобы согреться, утешиться. Некоторые из них лежат на поверхности, а другие приходится откапывать из-под толщи ненужного хлама.

Жил на свете человек, у которого вместо головы была прозрачная коробочка. Расширенная кверху, она закрывалась на маленький замочек. Все, что находилось внутри этой коробочки, мог увидеть любой прохожий. Издали всем казалось, что они видят мозг человека, а те, кто приближались, понимали, что это листочки бумаги. Человек с коробочкой всегда носил маленький блокнотик в кармане брюк. Он записывал на листочках все что видел, все свои мысли и чувства, и складывал в коробочку на голове. Гулял ли он в поле, среди дивно пахнущих цветов, или любовался игрой бабочек - человек доставал блокнот и писал в нем. А потом раз в неделю, он взбирался по радуге, что стояла всегда за городом, и садился на самой её вершине. Болтая в воздухе ногами, человек открывал коробочку и доставал листочки. Каждый раз он перебирал записи и выбрасывал те, которые казались ему ненужными и бесполезными. Он выбрасывал все, что не имело смысла или закончилось к тому времени как-то плохо. И поэтому он всегда улыбался. Ведь он помнил только хорошее и доброе.

В жизни все очень просто: любой человек сам выбирает принимать или нет то, что ему дается. Будь это что-то осязаемое или же связанное с внутренним миром. Получая нечто приятное и хорошее, никому в голову не придет сказать: «За что мне все это?» Или: «Почему я, а не кто-то другой?» Но если речь идет о какой-то гадости, то люди начинают возмущаться и искать более «достойных» на их взгляд. А можно же поступить достаточно просто: отказаться от того плохого что предлагается. Можно просто не принимать.

Человек с коробочкой любил гулять в парке, где росли нарциссы. Чудесные цветы на безлистных стебелечках. Иногда ему казалось, что они висят в воздухе. Он отгонял тараканов, которые периодически угрожающе наступали на цветы. Рассказывал им красивые истории, стараясь развлечь и заинтересовать. И однажды один цветок, взмахнув тонкими руками, поднялся от земли. Мягко ступая, цветок прошелся взад и вперед, демонстрируя грациозность. Желтое лицо светилось на солнце, вызывая у человека с коробочкой восторг. «Как красиво!» - приговаривал человек, несмело протягивая руку Нарциссу. Цветок принял предложение, и они закружились в танце. Человек не мог нарадоваться и записал в блокнотике, что это - самый счастливый день в его жизни.

Увы, многие люди поступают точно так же: принимают за золото любой блестящий золотистый камешек. То, что на самом деле стоит гроши, рвутся купить за дорого. Это не сможет сделать фальшивку чем-то настоящим, но людям хочется верить в пустое. Не потому что они глупы или наивны. Для созревания чего-то стоящего нужно время, а ждать бывает очень трудно. И начинает казаться: «Вот оно! Вот то самое!» в то время как перед глазами всего лишь муляж...

Разбирая листочки-воспоминания, человек долго любовался тем, на котором было написано об этом дне. Он вновь ощущал холодные тоненькие руки, лежащие в его ладонях. Вдыхал сладковатый аромат золотистой головы нарцисса. Все так же четко, как и тогда, когда он переживал этот момент. Но вдруг, резвая и хитрая птичка, невесть откуда взявшаяся, выхватила листок! Человек потянулся за ней, однако не смог схватить. Птичка, дразня его, отлетела на небольшое расстояние. Она забавлялась, играла. Человек спрыгнул с радуги и побежал за птичкой. Он пытался отобрать листочек, ведь без него он забудет тот чудесный день. Он бежал, не обращая внимания на дорогу. Он видел только птичку и дорогой ему листок бумаги у неё в лапках. «Стой! Остановись! Отдай», - кричал он вслед птице. А та лишь оборачивалась и дразнила: «Догони. Отбери». И тут раздался пронзительный визг, - человек повернулся на звук и

увидел, что прямо на него несется машина. От удара человек упал, замок от коробочки сломался и она раскрылась. Ветер подхватил вывалившееся листочки. Человек смотрел как, затейливо кружа, улетают по небу его воспоминания. От резкой боли в голове глаза сами стали закрываться. Темнота...

Потери, безусловно, необходимы в жизни. Только лишившись чего-либо человек способен по-новому посмотреть на мир, вокруг него. Люди цепляются всеми силами за земное, проходящее и призрачное. Ценится больше всего лишь то, что можно потрогать или взвесить. Значимость остального может открыться только благодаря потерям, хотя это горько и больно.

Человек открыл глаза только в больнице. Он потряс коробочкой, но она была пуста. Для него уже не имело особого значения то воспоминание, что похитила птичка. Безусловно, оно дорого для него, но оно не стоило всех тех воспоминаний, что теперь исчезли. Все что случилось с ним в жизни, теперь стало лишь тенью. Он не помнил ни одной детали из того, что с ним происходило, только обрывки. Без листочков он чувствовал себя никчемным, ненужным, пустым. Человек везде их искал. На поле среди цветов и травы - а вдруг ветер занес их туда? Под камнями возле реки - вдруг каким-то образом они попали сюда? Он бродил вокруг радуги, надеясь, что хотя бы одно то воспоминание что украли птичка, отыщется. Он так ничего и не нашел. Тогда человек с коробочкой решил, что должен создать новые воспоминания. Человек портил одну страницу в блокноте за другой, пытаясь написать что-нибудь, но не мог. Он забыл, как создавать воспоминания...

Когда тьма боли от потери наваливается на человека, он бывает, не способен мыслить объективно. Происходит заикленность на чем-то одном, часто совершенно не важном. Люди ищут потерянное, не задумываясь, а вообще - нужно оно им? Может оставить бесплодные попытки и начать все заново? Страх охватывает человека, ведь новое - это всегда риск. А риск может одинаково, как принести победу, так и разгромное поражение. Никто не любит проигрывать.

В один из дней, когда человек с коробочкой вновь вышел на поиски потерянных листочков, светило яркое солнце. Небо над ним было голубым-голубым, а облака белыми-белыми. Казалось не небо - чудесный алмаз. Казалось не облака - а снежные подушки. Вокруг летали птички и пели свои чудесные песенки. Но человек не слушал их, ведь из-за одной из них он потерял все. Он чувствовал себя настолько пустым и потерянным, что уже даже не злился на них. «Какая разница?» - равнодушно думал он, всматриваясь во все, что попадалось на пути. И человек с коробочкой встретил красивую девушку. Её светло-рыжие волосы сияли словно солнышко. На её платье были нарисованы цветы. Чудесные прекрасные нарциссы - очень похожие на те, что растут в парке. Девушка играла на гитаре нежную мелодию, а на её лице мелькала загадочная улыбка. Вокруг девушки порхали бабочки, но человеку казалось, что это витают сердечки. Он влюбился в рыжеволосое неземное создание и хотел запомнить это навсегда. Человек достал блокнот, чтобы сделать запись, но он все еще не знал, как это делать. Тогда он просто нарисовал большое сердечко и положил в коробочку.

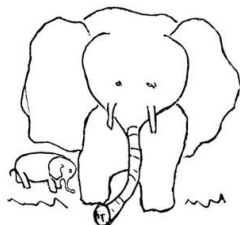
Любовь, приходя в жизнь человека, раскрывается радугой чувств. В ней сокрыт фиолетовый отблеск неуверенности, желтая тень пассивности, зеленый луч нежности, синевя печали, голубой просвет надежды, дымка оранжевого веселья и алая радость. В ней так много, потому что она все. Как и радуга - она может быть на небе, но иногда её не замечают. И как радуга, любовь наиболее четко видна после дождя слез...

Когда человек приблизился к девушке, она подняла голову и посмотрела на него долгим взглядом голубых глаз. Она увидела через прозрачные стенки коробочки листочек и что на нем изображено. Девушка смущенно улыбнулась и покраснела. Ей показалось, что сердечко, нарисованное на листочке в коробочке человека, зашевелилось. Она удивленно всмотрелась. Сердечко вспорхнуло, закружилось вокруг них и тоненьким звоночком влетело в голову девушки. Она тоже влюбилась. Человек протянул ей руку, предлагая прогуляться с ним. Немного подумав, она вложила в неё нежную ладошку и еще сильнее покраснела. Они пошли, держась за руки, а над ними летали птицы, задорно переговариваясь. Жизнь человека с коробочкой началась с чистого листа.

Настоящее счастье можно обрести, лишь потеряв все. Счастье ведь не бесконечно. Это отдельные моменты, которые постепенно собираясь, образуют линию настоящего счастья, у которого кажется нет границ...

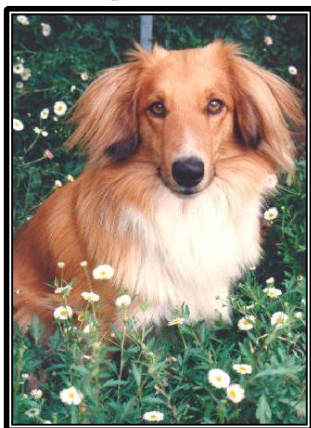

Мария Баженова. Россия.

Тузик и его друзья

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ или
Побег бегемота из болота

Не успело на Шумном Дворе наступить Рождественское утро, как в далёкой Африке сбежал из болотца маленький Бегемотик.

Как об этом узнали Бублик и Говорилка? Очень просто.

В канун Рождества Бублик и Говорилка помогли дедушке Помахайкину. Гномики прибирали на Шумном Дворе, потом наряжали ёлочку. Когда повесили последний шарик, на ёлке засверкали разноцветные лампочки. Красиво!

Вечером дедушка Помахайкин сказал:

- Ну вот, малыши, всё сделано. Теперь вам пора спать...

Гномики переглянулись

- Как это, «спать»? - тихонько шепнул брату Говорилка. - А как же мы деда Мороза увидим?

- Мы только притворимся, что спим, - подмигнул Бублик, - а сами будем подглядывать.

И вот, когда в домике под Леопардом погас свет, шалуны сделали вид, что спят - крепко зажмурили глаза, даже посапывать начали. И - нечаянно заснули...

Среди ночи гномиков разбудил странный шорох. Точно кто-то бумагу трогает, что-то заворачивает...

Бублик и Говорилка разом проснулись. Потёрли ладошками сонные глаза, смотрят - ничего понять не могут: никого нет, но на ёлке опять огоньки горят - веселее прежнего. А под ёлкой - в яркой, блестящей бумаге - подарок лежит. И подарок этот...

Вот тут и кроется секрет.

- Дед Мороз нам книжку принёс! - обрадовался Говорилка, - и в ней ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ!

- И ещё он принёс карандаши, - захопал в ладошки Бублик. - Они тоже ВОЛШЕБНЫЕ!

Гномики начали перелистывать страницы. И вот - чудо: на каждой страничке СКАЗКИ становятся живыми: все картинки, и даже слова - шевелятся, говорят, прыгают...

- Будто фильм смотрим, - покрутил головой Бублик.

- Мы такое только по-телевизору видели... - сказал Говорилка.

- Ой, посмотри, братик... - ахнул Бублик, и начал пальцем водить по страничке: куда ни потянет пальчиком картинку - туда она передвигается. Чудеса, да и только!

- Ой-ой-ой,- опять удивился Говорилка: в этих СКАЗКАХ нет **конца**. Как же так?

- Наверное, мы сами должны придумать конец? - задумался Бублик. - Ведь, это ВОЛШЕБНАЯ книжка. Смотри, я нарисовал солнышко - и оно светит..!

Гномики продолжали перелистывать книжку. И вдруг на последней странице увидели самую интересную СКАЗКУ:

«В одном африканском болотце жил маленький Бегемотик. Любопытный. Как-то раз над его болотцем пролетал яркий зелёно-красный попугай...»

- Может, это НАШ Базлан пролетал? - с удивлением переглянулись Бублик и Говорилка, и стали читать дальше...

«Пролетая, зелёно-красный попугай закричал на всю Африку, что ко многим детям на Рождество приходит Дед Мороз. Что он приносит детям красивую ёлочку и подарки. Услышал это маленький Бегемотик - и потерял покой. Ему очень захотелось увидеть своими глазами - и Рождество, и Деда Мороза, и, конечно же, получить подарок... ведь он тоже ребёнок.»

Бублик и Говорилка вздохнули: жалко Бегемотика, надо ему как-то помочь.

- Подождём до утра. Завтра подумаем, - сказал Говорилка.

- Верно. Папа-Лобик часто говорит - «утро вечера мудренее», - кивнул сонной головкой Бублик, и сладко зевнул.

Утром, едва поднялось солнышко, на Шумном Дворе закричали сороки:

- Эй, засони, просыпайтесь! Скорее читайте газету! Там такая новость... такая новость! - И на траву полетели большие белые листы...

Тузик и Матильда Леопольдовна подняли газету, уселись под Леопардом и начали читать. Вдруг Тузик с удивлением сказал:

- Вы только послушайте, что пишут на первой странице:

"Из африканского болотца СБЕЖАЛ Бегемотик. Маленький. Любопытный. Никому не сказал, что решил сбежать. Мама и папа Бегемотика подняли панику - не знают, где искать ребёнка. Африканские зверушки тоже плачут: а вдруг он отправится в русский лес? Там зимой холодно. А Бегемотик - нежный. Вдруг заболит? Что тогда..?"

- Это я во всём виноват, - закричал на ветке Базлан. - Я всем рассказывал про нашу ёлочку на Шумном Дворе, про Деда Мороза и подарки. И вот...

- Вот оно что, - покачал головой папа-Лобик: - Бегемотик побежал искать рождественские чудеса...

- Но как же он найдёт дорогу к нам, на Шумный Двор? Ведь он - маленький, может заблудиться. - Мама-Иголочка села на пенёк и прижала к глазам платочек: - А что если Бегемотик сел не на тот поезд, или не на ту лодку..?

Матильда Леопольдовна посмотрела на Тузика:

- Что будем делать?

- Как, что? Спасать надо.

Но тут закричали гномики:

- Стойте... Мы знаем, как помочь Бегемотику!

С этими словами малыши побежали в дом. Когда вернулись, Говорилка держал в руках большую книжку, а Бублик - пакет разноцветных карандашей.

- Вот это - «ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ», подарок от Деда Мороза, - сказал Говорилка и поднял над головой книжку.

- А это - ВОЛШЕБНЫЕ КАРАНДАШИ, тоже от Деда Мороза, - добавил Бублик, и показал пакет карандашей.

- Мы сейчас в книжке что-то нарисуем - и сразу все обрадуются: Бегемотик увидит ёлочку и подарки, его папа с мамой - обнимут сыночка, и даже африканским зверушкам станет весело.

Не теряя времени, гномики принялись за дело. Открыли книжку в том самом месте, где ночью читали сказку про любопытного Бегемотика. Но в той сказке *не было конца...*

- Мы сейчас сами придумаем хороший конец: - проговорил Бублик, и нарисовал красивую, большую ёлочку. Потом нарисовал на ёлке шарики и разноцветные лампочки.

И вдруг, пока Бублик рисовал, на ёлке зажглись лампочки. Сами. Да, да, прямо в книжке! Лампочки засверкали, и с ветки на ветку перелетела маленькая фея. К ёлочке сразу подошёл Бегемотик - и стал с любопытством рассматривать...

В это время Говорилка старательно рисовал Деда Мороза. И рядом с ним - большой мешок подарков...

- В этом мешке лежат такие подарки, - сказал он, - какие Бегемотик сам захочет получить!

Гномики продолжали рисовать: орехи и бананы африканским мартышкам, и ещё барабаны, мячики, трубу для слонёнка, львам - подзорную трубу... Много чего нарисовали, даже места на странице не осталось.

И вдруг - на этой же самой страничке, в ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ - Бегемотик подошёл к маме с папой. Улыбается. Просит у них прощения за то что сбежал...

Счастливые, мама с папой бросились обнимать ребёнка. Скоро к болотцу подошли зверушки из джунглей. Все радовались подаркам. Только просили Бегемотика больше из болотца не убегать...

Бублик и Говорилка весело рассмеялись и пожали друг другу толстенные ладошки. Ведь они придумали СКАЗКЕ такой хороший конец.

СОДЕРЖАНИЕ - № 65

Звёздочка явилась... (стих. прот. В. Мазур)	1
Победить народ... (обращение, Патриарх Кирилл)	2
Болезнь родного языка (стих. В.К. Невярович)	2
Русский язык как фактор национальной безопасности (статья, В.Д. Ирзабеков)	3
Сергию Радонежскому (стих. Сергей Михайлов)	8
«Николай Гумилёв: Вызов судьбе» - Черубина де Габриак (отрывок, А. Гусев, Б. Подберезин)	9
О границах любви (статья, Ильин)	15
Мне снилось опять / В гнездо родовое (стихи, Э. Ковишевский)	18
В усадьбе (рассказ, А.П. Чехов)	19
У камина (стих. П.И. Баторин)	22
Предсказатель прошлого (рассказ, Тэффи)	23
Спадает снег... (стих. Н.П. Гребенюкова)	24
Святой Николай / Мерцают звезды /	
Закатилось солнце / Из псалма 8 ... (стихи, Е.В. Новицкий)	25
Остороп (рассказ, А. Герасимов)	26
Тридцать первое (стих. Е. Кульба)	27
Тихо падает снег (стих. А. Гушан)	27
Ручеёк (рассказ, свящ. Яр. Шипов)	28
Глотаю воздух... (стих. прот. В. Мазур)	29
А ты твори... (стих. И. Журавлёва)	29
Бумажные стены (рассказ, Т. Малеевская)	30
«Интересно знать» - Бернад Шоу»	32
8 февраля (стих. В.К. Невярович)	32
Желанное (стих. прот. А. Зайцев)	32
Памятник (рассказ, Ген. Гончаров)	33
Саломея (роман, А.Ф. Вельтман)	37
Когда изнашивается... (стих. С.В. Филиппов)	45
Декабрь (стих. А. Борычев)	45
Ранние грозы (рассказ, М.В. Крестовская)	46
Старый дом (миниат. Александр Смирнов)	53
За окном моим (стих. П. Грызлов)	53
Письма читателей	54
Испанское лето (стих. Т. Малеевская)	56
Человек с коробочкой (рассказ, М. Баженова)	57
Тузик и его друзья (Т. Малеевская, рис. автора)	59

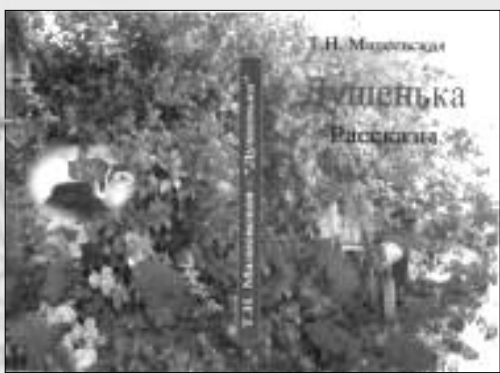
Над номером работали: редактор Т.Н. Малеевская.

Журнал можно приобрести в редакции «Жемчужины» - (07) 3161-49-27, в прицерковных киосках Св.Николаевского Кафедрального Собора, Св.Серафимовского храма и Св.-Владимирской церкви (Рокли) в Брисбене, в киоске Покровского Кафедрального Собора в Мельбурне, а также у следующих лиц:

Э.И. Городилова (02) 9727-69-87

З.Н. Кожевникова (02) 9609-29-87

Рисунки на обложке и к избранным текстам (иниц.) – работы Т. Малеевской (Попковой).

Т. Малеевская
«Страна отцов»
«Серебряный город»
«Душенька»:
А также книга
В.А. Малеевского «Претенденты на
Российский Престол»
За справками обращаться:
(07) 3161-49-27
или
tamaleevpearl@gmail.com

**Литературный кружок
«Жемчужное Слово»**
<http://zhemchuzhnojeslovo.yolasite.com>

**Сайты связанные с журналом
«Жемчужина»**

* Электронная версия журнала «Жемчужина»
<http://zhemchuzhina.yolasite.com>

* Новый сайт «Русское Зарубежье», посв. Харбинцам
и послевоенным эмигрантам из Европы –
<http://russkojazarubezhje.yolasite.com>

Также личный сайт автора - tamaleevwriting.yolasite.com

